

Russian Academy of Sciences
Institute of Philosophy

Valentina Fedotova

**ACADEMIC-POSTACADEMIC SCIENCES
RELATION AS A SOCIAL PROBLEM**

Moscow
2015

Российская Академия Наук
Институт философии

В. Г. Федотова

**СООТНОШЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
И ПОСТАКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ
КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА**

Москва
2015

УДК 168
ББК 87.6
Ф 34

В авторской редакции

Рецензенты

доктор филос. наук *Л.А. Маркова*
доктор филос. наук *Б.И. Пружинин*

Ф 34 **Федотова, В.Г.** Соотношение академической и постакадемической науки как социальная проблема [Текст] / В.Г. Федотова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 204 с. ; 20 см. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0293-5.

В монографии произведена идеализация проблем, которые описываются как академическая (самоорганизованная) и постакадемическая (управляемая) наука. Для их анализа применена концепция социальных проблем, признаваемых обществом. Рассмотрены ранние и современные дискуссии о соотношении саморазвивающейся и управляемой науки. Превращение функционирования науки в социальную проблему способствует росту форм публичного знания (постакадемического, внеакадемического и неакадемического) и функционированию научного знания в публичном пространстве. Рассматривается зависимость политики в отношении науки от национальных и культурных особенностей.

ISBN 978-5-9540-0293-5

© Федотова В.Г., 2015
© Институт философии РАН, 2015

Содержание

Введение	9
Глава I. Классическое и неклассическое в социальном познании	12
Трудности перехода к неклассической парадигме познания и ее взаимодействие с классической	12
Изменение взглядов на истину в условиях методологического плюрализма	16
Две методологии и их взаимодействие	21
Глава II. Объяснение и понимание в системе методологических средств современной науки	28
Основные исследовательские программы обществознания	29
Понимание как инструмент культур-центристской исследовательской программы. Тенденция превращения культур-центристской программы в общенаучную	36
Исследовательские программы обществознания и частные науки	43
Глава III. Концепция финализации науки о закономерностях развития науки и ее взаимодействии с обществом	50
Финализация науки	51
Критика концепции финализации	56
Понятие зрелой, завершенной, замкнутой теории	62
Ответ на критику	64
Глава IV. Академическая и (или) постакадемическая наука?	74
Академическая и постакадемическая наука	74
«Социальная проблема» как категория, необходимая для понимания соотношения академического и постакадемического знания	80
От этоса науки к организационным формам производства знания	91
Научные дискуссии по проблемам взаимодействия академического и постакадемического научного знания	94
Глава V. Заботясь о человеческом и социальном капитале: публичное (внеакадемическое) социальное знание	98
Манифест Рассела–Эйнштейна	99
Потсдамский манифест 2005 г.: «Мы должны учиться думать по-новому»	102
Новая парадигма будущего Всемирной Академии искусства и науки	106
Тип знания, изложенный в приведенных манифестах	111

Глава VI. Российская философия, социально-гуманитарная наука и социальная практика	113
Певцы революционной целесообразности и практической эффективности похожи друг на друга упрощенным видением мира (внеакадемическое знание)	113
«Совки» и «лохи» социально-гуманитарных наук (1990-е): неакадемическое знание	120
Глава VII. Как возможна социальная наука в России и других незападных странах (на примере социологии)?	124
Исторические этапы развития социологии	125
Несоизмеримость социологических подходов к обществам разных стадий развития и разных культур	130
Попытки преодоления несоизмеримости социологических теорий и достижения глобальной универсальности социологии	136
Идеология, политическое знание и демократия в России: 2008–2015	141
Российские социальные теории и Запад	150
Глава VIII. Взаимодействие западных и незападных способов познания общества	157
М. Шелер: азиатизация знания	157
Креолизация теории	159
Национальные модели модернизации	162
Глава IX. Вызов Азии	172
Опыт Японии и других стран	172
Национальные модели модернизаций в Китае	193
Заключение	201
Summary	203

Contents

Introduction.....	9
Chapter I. Classical and non-classical social cognition	12
Difficulties of transition to non-classical paradigm and its interaction with the classical paradigm.....	12
Changing views on truth in the context of methodological pluralism	16
Two methodologies and their interaction	21
Chapter II. Explanation and understanding in the system of modern science' methodological tools	28
Major social science research programs.....	29
Understanding as a tool in culture-centric research program. The trend of converting culture-centric program into universal science program	36
Research programs of social science and specialized sciences.....	43
Chapter III. The concept of finalization in science on science development and the relationship between science and society.....	50
Finalization in science.....	51
Critique of finalization in science.....	56
The concept of finalized theory	62
Reply to critique.....	64
Chapter IV. Academic and (or) postacademic science?	74
Academic and post-academic science.....	74
“Social problem” as a category necessary for understanding the relations between academic and post-academic knowledge	80
From ethos of science to organizational forms of knowledge production.....	91
Scientific debates on the interaction of academic and post-academic scientific knowledge	94
Chapter V. Defending human and social capital: public social knowledge	98
The Russell-Einstein Manifesto	99
Potsdam Manifesto, 2005: “We have to learn to think in a new way”	102
New paradigm of future of the World Academy of Art and Science.....	106
Type of knowledge employed in the manifestos.....	111

Chapter VI. Russian philosophy, social-humanitarian science, and social practice	113
Advocates of revolutionary expediency and practical efficiency resemble each other through reductive world outlook	113
‘Sovoks’ and ‘loosers’ of social-humanitarian sciences (1990-ies): non-academic knowledge.....	120
Chapter VII. How is social science in Russia and other non-Western countries possible (by using the example of sociology)?	124
Historical stages of sociology development.....	125
Incomparability of sociological approaches to the societies with different development stages and cultures	130
Attempts to overcome the incomparability of sociological theories and develop global universal sociology.....	136
Ideology, political knowledge and democracy in Russia: 2008–2015.....	141
Russian social theory and the West	150
Chapter VIII. The interaction of the Western and non-Western ways of knowing society	157
Asiatization of knowledge.....	157
Creolization of theory.....	159
The national model of modernization	162
Chapter IX. Challenge of Asia	172
The experience of Japan and other countries	172
The national models of modernization in China	193
Conclusion.....	201
Summary	203

Введение

В данной монографии обсуждаются проблемы взаимодействия науки и общества, которые в последнее время приняли необычайную значимость и остроту¹ в связи с реформой системы научных организаций, университетов в России и в других странах. Это делается в России с достаточным радикализмом, который явился ответом на бездумную и корыстную, попустительскую политику 1990-х, направленную на производство пиарщиков, юристов, менеджеров, экономистов устаревшего профиля в наспех сколоченных университетах, институтах, многие из которых не оправдали своей репутации. Разумеется, эти сферы деятельности, требующие призвания, дали и другие – положительные результаты. Но общий фон был заметно снижен. Данная книга рассматривает сложившуюся ситуацию, используя ряд малоизвестных концептов – «академическая и постакадемическая наука», «социальная проблема», «публичное социальное знание», «внеакадемическая наука», «неакадемическая наука». Мне хотелось бы сделать то, к чему призывал крупнейший специалист по социологии знания М. Шелер: «... найти систематическое единство в рапсодии, в неупорядоченном множестве проблем, отчасти уже целиком осознанных наукой, отчасти понятых наполовину или существующих лишь в виде догадок, а именно с той их стороны, с какой они проливают свет на фундаментальный факт *социальной природы* всякого знания, его хранения и передачи, его методического расширения и развития»². Действительно, социальная природа познания и знания, а также знания научного делает социальную философию науки важнейшим инструментом изучения диверсификации типов знания и их функционирования в сегодняшнем мире.

Современный французский исследователь И. Жангра близок к М. Шелеру в оценке обновляющейся системы категорий социологии, которая характеризуется в своем англо-американском варианте «распространением слов-кодов, модных выражений и “принципов”», использование которых считается обязательным для понимания научных практик: *seamless web, heterogenius engineering*,

¹ См. например: *Siune K., Marcus E., Calloni M. et al. Challenging Futures of Science in Society, Emerging Trends and Cutting-edge Issues. Brussels, 2009.*

² *Шелер М. Проблемы социологии знания. М., 2011. С. 7.*

“актор-сеть” или “черный ящик”»³. В конце концов, – показывает этот исследователь, – дело доходит до того, что социология науки и даже (добавлю) философия науки становятся не социологией, не философией, а просто технологиями.

Немецкий ученый А. Бамме показал, что развитие традиционного академического знания, кроме всего прочего, осуществляется людьми, работающими с символами, концептами, данными (data), моделями, теориями и со многими другими источниками, комбинируя это с продуктами совсем другой конфигурации. Определение знания все более расширяется из-за включения в него внеакадемических форм знания: «...широкое распространение непроблематизации приемлемо, если только принимается во внимание социальная перспектива изменения действий не только в социальных науках, но и в науках о культуре»⁴. Иначе, считает Бамме, мы окажемся в мире виртуальной реальности конструирования и переконструирования дискурсов. Действительно, конструктивизм, не только отрывающийся от объективной реальности, но и порой питающий ненависть к эссенциализму, характерен для радикальных приверженцев пост-академического конструктивизма, следующих внешнему по отношению к науке «заданию». Американский ученый Дж. Зиман тоже пишет, что публичные дебаты по поводу науки (а они возникают потому, что поднятые в них вопросы нередко становятся социальными проблемами, т. е. проблемами, которые, возникнув как локальные, относящиеся к науке, переживаются обществом) являются формой глубоко дифференцированной конвенциональной практики, не ведущей ввиду специфики профессии ученого к принятию решений. Но ученым необходимо усваивать риторический стиль для участия в дебатах, которые без них состояться не могут. Ученым приходится осваивать новые способы донесения своего знания до людей из неформального интеллектуального и социального контекстов, чтобы сделать его публичным. Далее, по сути следуя методу работы с противоречиями при решении социальных проблем (о чем мы будем

³ *Жангра И.* Мотив радикализма. О некоторых новых тенденциях в социологии науки и технологиях // Социология под вопросом. М., 2005. С. 93.

⁴ *Bamme A.* Science Wars. Von den akademischen zur postakademischen Wissenschaft. Fr.A.M., N.Y., 2004; *Bamme A.* Science, Technology, Society: Prologue // Yearbook 2005 of the Institute for Advanced Studies on Science, Technology and Society. München, 2005. P. 9. См. также: *Beyond the Science Wars: The Missing Discourse About Science and Society / Ed. by U. Segerstråle.* Albany, 2000.

говорить ниже), необходимо показать, что академическая наука в ее идеализированной традиционной форме является не только особым эффективным институтом производства определенного типа знания. Она есть так же стереотип, парадигма пути познания. В этом смысле наука является институтом, отличающимся от других источников мысли и действия, таких, как прагматический опыт, здравый смысл, техническая практика, религиозные верования, духовные инспирации, моральные императивы, экономическая необходимость и пр. И, тем не менее, считает Зиман, понятие «чистая наука» – химера. Пытаясь быть таковой, она все более уходит из научного диспута, избегая рассуждений о ценностях, социальных интересах, технологических особенностях: «Я считаю, что “академическая” и индустриальная (в его терминах являющаяся постакадемической. – В.Ф.) исследовательская традиции трансформируются и сливаются в новую институциональную форму. Эта новая... форма, которую я называю “постакадемической” наукой... характеризуется вариацией новых норм и практик и становится доминантным модусом...»⁵. Соотношение академической и постакадемической науки – сегодня важная проблема как российской науки, так и российского общества.

Особенностью ситуации является то, что она не новая. Сходную проблему имела ФРГ после окончания Второй мировой войны, когда практическая ориентация знания и науки, вызванная конкретными задачами, стала достигаться посредством социального управления наукой, считавшей фундаментальное знание полностью полученным и завершенным. Эта доктрина не подтвердилась, но продолжает манить другие страны усилением фактора практической эффективности науки.

В книге предложена концепция соотношения академического, постакадемического, внеакадемического и неакадемического знаний как контекста формирования новой социальной проблемы, относящейся к науке, но вовлекающей общество в ее санкционирование. Рассмотрено так же соотношение научного и внеакадемического знания, представленных в публичном пространстве, взаимодействие западных и незападных подходов к их производству и применению, участие в социальной жизни внеакадемического и неакадемического знания, их значимости в формировании социальных проблем.

⁵ *Ziman J. Are Debatable Scientific Questions Debatable? // Social Epistemology. 2000. Vol. 14, №. 2/3. P. 188; Ziman J. Real Science: What It Is, and What It Means. Cambridge (N.Y.), 2000.*

ГЛАВА I. КЛАССИЧЕСКОЕ И НЕКЛАССИЧЕСКОЕ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

Обращение к науке об обществе, ее рекомендациям в условиях «реального социализма» было одной из существенных идеологем. Причины ее устойчивого воспроизводства видятся преимущественно в социальном и политическом устройстве обществ. До сих пор не поставлен вопрос, содержала ли сама социальная наука предпосылки этого. Высказывается мнение, что квазинаука, псевдонаука, подделка под науку способствовали идеологическим спекуляциям. Однако здесь я хотела бы обсудить не социальные препятствия к нормальному функционированию науки, а тесноту методологических рамок ее развития. Причем, речь идет сегодня не столько о критике узости марксистских подходов, сколько об ограниченности классических научных представлений XIX в. Значительная часть этих представлений была унаследована нами через марксизм, но многие даже самые яростные его критики в нашей стране до сих пор остаются приверженцами методологии XIX в.

Трудности перехода к неклассической парадигме познания и ее взаимодействие с классической

Несмотря на многие перемены, прежние методологические установки сознания, например, его склонность воспринимать явления жизни тотально (иногда – тотально «за», иногда – тотально

«против») сохранились. Вместе с тем, это означает отказ от возрожденческих, реформационных и просвещенческих подходов в обществах, не прошедших ни Ренессанса, ни Реформации, ни Просвещения, т. е. отказ от некоторых важных для их развития способов освоения мира, без которых могут возобладать тенденции распада и варварства.

Поэтому оказался необходимым серьезный анализ изменений в методологии и теории познания. Основное направление здесь – изучение исторических этапов развития науки: от рецептурного знания к классической науке, от классической науки к неклассической, от неклассической к современной (постнеклассической). Подобно тому, как разные общества, находясь в одном и том же сегодняшнем времени, живут реально в различных временах, науки развиваются неодновременно. В наше время можно найти такие отрасли знания, где еще не достигнута классическая стадия (например, «практическая» амбулаторная медицина существует во многом как рецептурное знание, особенностью которого является эмпирическая реакция на каждый конкретный случай, т. е. подготовка рекомендации о том, что нужно сделать, чтобы разрешить конкретную возникающую проблему). Не все науки прошли классическую стадию, связанную с получением фундаментального знания, несущего во всеобщей форме представления о существенных свойствах и закономерностях природы, общества и человека. Неклассическое знание, ярко проявляясь в квантовой физике или гуманитарных науках, соседствует с классическими представлениями в других.

Тенденция к проявлению новых постнеклассических парадигм обнаруживается в различных науках в неодинаковой степени. Так, в социологии влияние этих парадигм хорошо просматривается в этнометодологии или в применении «гибких», «мягких» методов, например, в постмодернистских подходах литературоведения. Рассматривая парадигмальные сдвиги в сторону постнеклассической науки на методологическом уровне, необходимо учитывать, что такие же сдвиги происходят и на уровне эпистемологическом. Без уяснения существа этих последних нельзя понять и первые. Действительно, вряд ли можно разобраться в эволюции методов познания, не раскрывая тех изменений, которые происходят в трактовке самого понятия истины.

С позиций классической концепции истины, последняя есть соответствие наших знаний о мире самому миру, «слепок» с объекта познания в знании⁶. Классическая концепция истины предполагает, что все социокультурные препятствия на пути постижения истины, в том числе и «идолы» Ф. Бэкона, преодолимы вплоть до образования «прозрачной среды» между субъектом и объектом. Иными словами, можно получить знание, соответствующее объекту. Единственным допущением трудности познания являлось указание на то, что поскольку объект постигается не сразу, получение истины требует прохождения ряда познавательных звеньев (проблема относительно полноты знания зафиксирована в хрестоматийных понятиях относительной и абсолютной истины).

В рамках классического понимания истина одна, а заблуждений много. Эта единственная истина непременно победит заблуждения. Монополия на истину – в значительной мере продукт убеждения в ее единственности и следующих за этим притязаний на владение истиной. Более того, разделяя классическую концепцию истины, невозможно следовать ныне остро звучащему социальному требованию о запрете монополии на истину. Попытка только социальными средствами отказаться от монополии на истину предполагает уж и вовсе недостижимые условия: такую личную скромность ученых и руководителей науки, которая всегда поставит их перед вопросом: а действительно ли именно я (мы) владею (ем) истиной? Подобной рефлексией и самокритикой, конечно, окрашен научный поиск, но они не могут стать доминантой, всегда заставляющей сомневаться в результате и обрезающей притязания на истинный результат.

По существу своей деятельности ученый не может быть столь скромным и столь сомневающимся, ибо он должен представить свой индивидуальный результат как общезначимый, перевести свое личное видение проблемы в абстрактно-всеобщую форму. Для этого и психологически необходимы определенные амбиции, уверенность и убежденность в том, что прошедший необходимую методологическую проверку результат истинен. Требование добровольного отказа от монополии на истину в рамках классической концепции равносильно требованиям к политику никогда не быть

⁶ См.: Чудинов Э.М. Природа научной истины. М., 1977.

уверенным в правильности своей политики. Политик, как и ученый, может и должен быть рефлексивным по отношению к своей деятельности, видеть ее ошибки, но в конечном итоге он все же должен быть убежден в своей правоте, чтобы отважиться не только на политическую деятельность вообще, но и на какое-то конкретное политическое действие в частности.

Классическая «матрица» европейской культуры покоилась на таких принципах, как гуманизм, рационализм, историзм⁷ и объективность познания (единственность истины). Оптимизм этой концепции не выдержал испытания временем. Неклассический модернистский проект, отдельные черты которого уже вызревали в эпоху классики (поэтому хронологические границы расплывчаты), уже основывался не на гуманизме. Он, скорее, формировался на базе личной ответственности и трудовой этики, уже не апеллировал к рационализму, а придавал ему более плоскую форму – позитивистской веры в науку и в достижимость целей (целерациональность) взамен прежней универсальной веры в разум. Историзм, утверждавший преемственность и разумность истории, сменился верой в материальный прогресс. Заметно релятивизировалось учение об истине. Истина стала пониматься как результат выполнения определенных научных процедур и правил.

Постмодернистский проект отразил разочарование и в ослабленном, в сравнении с классикой, неклассическом модернистском видении мира. Сказалось уменьшение личной ответственности и изменения трудовой этики, включающих личность в непрерывную социальную гонку в индустриальном обществе. Обострился кризис веры в разум. Исчезла в развитых странах (в силу благополучия значительной части населения, а в неразвитых в силу его неблагополучия) готовность к жертвам во имя прогресса. На смену всем прежним символам европейской веры пришла в 1980-е гг. вера в свободу, в многообразие, в единственную реальность языка. Слабо пробивающаяся сквозь слой неклассики идея объективности была заменена идеей рефлексии языковых средств. Ослабла идея объективности научного знания. Однако отечественное социальное знание, философия и методология продолжали «жить по классике», причем обуженной ее марксистским прочтением.

⁷ См.: *Межуев В.М.* Культура и история. М., 1977. С. 20–30.

И вот под напором внезапно обрушившихся представлений и норм жизни начался великий пересмотр старых принципов, но чаще сначала просто «переворачивание» методологических подходов на противоположные, при которых воспроизводятся старые схемы познания и мышления с обратным знаком. Стремительно стала исчезать единственность истины, сменяемая идеей плюрализма и даже утверждениями, что нет различия между истиной и не-истиной, хорошим и плохим, добром и злом. Хотя подобные формы осознания реальности действительно присущи постнеклассическому постмодернистскому социально-культурному проекту, но на российской почве эстетический нигилизм постмодернизма, «черпание воли к культуре» в «воле к жизни» (термины Н. Бердяева) посредством обращения к традициям андеграунда окрашиваются нередко в карикатурные тона. Даже на Западе некоторая карикатурность на классику у постмодернистов была заметна: критика злоупотребления единством тоталитарных режимов XX в. направлялась затем вообще против идеи единства. В связи с этим все постмодернистские течения выступали в пользу высвобождения плюрализма. И делали они это с тем же тотальным притязанием, с каким прежде выступали идеологи в своих проектах единства.

Изменение взглядов на истину в условиях методологического плюрализма

В отечественной культуре и теории познания, в методологии социального познания идея плюрализма подвергается определенному упрощению и утрированию. Для того чтобы проиллюстрировать возможности альтернативного подхода, обращусь к фигурам мирового значения в экономической науке: Дж. Тобину и М. Фридману, лауреатам Нобелевской премии. Дж. Тобин – неокейнсианец, сторонник государственно регулируемой экономики. М. Фридман – автор концепций свободного (сведенного до минимума) государственного вмешательства в экономическое развитие. Буквально по всем вопросам они имеют противоположное мнение. Так, Фридман считал социальные программы общественными наркотиками. Тобин приветствовал их. Для Фридмана крушение социализма – очевидное свидетельство преимуществ свободной

рыночной экономики, для Тобина – аргумент об относительно плохом государственном регулировании. Обе концепции находятся на службе различных политических программ⁸. Но никто в Америке не провозглашал: «Долой Фридмана!», «Да здравствует Тобин!», подобно тому, как зывали у нас: «Долой Абалкина!», «Да здравствует Явлинский!». Хотя экономические теории играют в Америке заметную роль (М. Фридман был советником Р. Рейгана, Дж. Тобин – советником Дж. Картера), Америка не живет «по теории», ни одна развитая страна не живет согласно какой-то доктрине. Но мы жили «по Марксу», потом... «по Фридману», ибо свободная, безо всякого вмешательства государства экономика – это теория Фридмана (но не американская реальность даже в эпоху рейганомии). К чести М. Фридмана надо заметить, что он возражал против неолиберального пути развития России, говоря, что нам в большей мере мог бы подойти опыт Гонконга⁹.

Этот пример поясняет две методологические особенности современного социального познания:

1. Невозможность принимать теоретические конструкты за реальность и жить в соответствии с ними.

2. Наличие плюрализма концепций как способ обеспечения разных типов или аспектов деятельности.

По поводу первого тезиса следует отметить, что пока в общественных науках не укоренится картина особых, сложно опосредствованных отношений теории и практики и пока эта картина не произведет соответствующего сдвига в общественном сознании, до тех пор будут продолжаться бесплодные эксперименты с новыми теориями, как прежде с теорией К. Маркса. В связи с этим полезно обратиться к работам В. Леонтьева, который показал, что экономисты часто ошибочно пренебрегают эмпирической базой и строят теории, либо математические модели, которые не могут без адаптации быть применены на практике. Уже в самом построении экономической теории или экономической математической модели следует учитывать, считал В. Леонтьев, что экономика имеет дело с явлениями повседневного опыта. Это должно расширить ее эмпи-

⁸ См.: Специальный раздел: экономика и общество. Соперничество идей // Диалог США. 1991. № 46.

⁹ Фридман М. Четыре шага к свободе // Общественные науки и современность. 1993. № 3.

рическую базу. Далее идет этап теоретического исследования, где появляются и известные из обыденного опыта зависимости, понятия. И только после этого начинается наиболее сложный этап – доказательство возможности применения теории для прогнозирования реальных процессов в экономике и ее приложениях¹⁰.

Плюрализм не предстает как признание всеядности. Он состоит не в том, чтобы признать взаимоисключающие выводы. Повышение экономической эффективности лучше описывается теорией Фридмана, тогда как другие аспекты – уменьшение социальной несправедливости, социального расслоения – лучше описываются теорией Тобина. Две политические партии США, имея консенсус по поводу базовых интересов своего общества, балансируют, решая то одну, то другую задачу, ибо акцент на социальной защите и помощи ослабляет экономический рост, а поддержка последнего ведет к усилению экономического и социального неравенства. Одновременно же решить обе эти проблемы невозможно. Именно различные аспекты реальной политической и экономической деятельности делает каждую концепцию истинной по отношению к определенному типу задач. Как показал В.В. Шкода, в постнеклассической модели познания заметен рост авторитета эмпирического знания, понимания оборотной стороны действия «бритвы Оккама» – многообразие сущностей не следует необдуманно уменьшать¹¹. По мнению В. Леонтьева, «плюралистический характер какого-либо подхода заключается не в одновременном применении существенно различных типов анализа, а в готовности переходить от одного типа интерпретации к другому. Объяснение такому методологическому эклектизму (и это принципиальный момент) в ограниченности любого типа объяснений или причинно-следственных связей...»¹².

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что, вопреки классической эпистемологии, *истина в настоящее время может быть истолкована не как воспроизводство (слепок) объекта в знании, а как характеристика способа деятельности с ним. Поскольку таких способов может быть много, возможен плюрализм истин и следующее отсюда отсутствие монополии на истину.*

¹⁰ См.: Леонтьев В. Экономические эссе. М., 1991.

¹¹ Шкода В.В. Оправдание многообразия (принцип полиформизма в методологии науки). Харьков, 1990. С. 176.

¹² Леонтьев В. Указ. соч. С. 29.

Это позволяет сказать, что наука меняет свое отношение к практике. Исчезает традиционная, идущая от греков, противоположность между эпистемой (производством знания) и доксой (его применением). Многие типы социального знания могут быть произведены одновременно с решением задач его применения. Особенно это относится к экспертному знанию, находящемуся на пересечении научного знания с разными видами специализированной деятельности и повседневного опыта, и никогда не существующему до экспертизы. Обнаруживается связь истины с интересами. Объективность знания состоит в нахождении наиболее адекватных интересам способов деятельности. Все более становится ясным, что вненаучные идеи могут пробить себе дорогу в обществе не с меньшей вероятностью, чем научно обоснованные, и что могут утверждаться такие представления, которые вообще не допускают научного обоснования.

Постепенно обнаруживается, что понятие «объективная истина» сохраняет свое регулятивное значение (подобное категорическим императивам морали), но практически истинность (как и моральность) выявляется в контексте всех типов мышления и деятельности.

Выявляется значение повседневности как граничного условия познания и практики, указывающего на опасные пределы деятельности за этой границей (повседневность может быть разрушена теоретическим притязанием на переделку жизни или насильственной бесчеловечной – практикой)¹³. Как вера во всеислие науки, так и отказ от представлений об истине могут быть репрессивны по отношению к повседневной жизни. Можно безжалостно ломать повседневность под флагом необходимости научных преобразований. Но это можно делать и утверждая, что науке безразлично, какой вид повседневности будет реализован, и что «естественная» повседневность, выросшая из самой жизни, равноценна любым вариантам «искусственной».

Серьезные изменения в отношениях науки с военными стратегиями (конверсия), религией (признание сферы религиозного опыта) и социализмом (политическая смерть научных концепций социализма) не могут не вызвать у ученых суеверного страха перед

¹³ О повседневности см.: *Козлова Н.Н.* Социология повседневности: переоценка ценностей // *Обществ. науки и современность.* 1992. № 3.

доказанной историей способностью превращать все человеческие намерения и усилия в нечто, отличное от задуманного. Размышляя о своей ответственности в этих условиях, ученый-обществовед оказывается в очень непростой ситуации. Ему уже не вменяется обществом в обязанность активно переделывать мир. Согласие на участие в этом – большой риск. Но и отказ от этого – тоже риск.

Само знание, заявленное в качестве научного, – тоже риск. Ученый не может избежать ситуации риска и вовсе не в силах гарантировать положительный социальный результат применения своих концепций. А это – источник того, что *взаимоотношения науки и общества становятся социальной проблемой, что будет ниже рассмотрено* (Глава IV). Как показал В. Леонтьев, в неустойчивых системах применение некоторого проекта может вызвать далекие от ожидаемых следствия. В устойчивых же системах разные проекты могут привести к близким следствиям.

Наряду с истиной и истинами появляется множество правд как вненаучных представлений об истинном и должном.

Мир, в котором истина одна, а заблуждений много, прекратил свое существование. Прогресс свободы уничтожил его ясность и простоту. Происходящие сдвиги в содержании и функциях социальных наук, а также и науки в целом, заставляют понять, что и эта твердыня радикально меняется¹⁴.

Все эти изменения получают релятивистскую трактовку как теми, кого релятивизм пьянит, так и теми, кого он пугает. Первые с восторгом сообщают, что социальная наука или наука в целом умерли и не будут более учить нас, как жить, и корёжить нашу и без того неустойчивую жизнь. Вторые в страхе отшатываются от новых тенденций в науке, полагая их преувеличенными или несуществующими, надеясь, что исповедание классической концепции истины может переломить эти опасные тенденции, даже если они прочны.

Современные парадигмы познания эмпиричны, соединяют научный и вненаучный подходы, предстают во множестве вариантов. С позиций присущего классике признания фундаментальных основ конкретной деятельности новые подходы кажутся мелкими, невнятными схемками. Сторонников же новых подходов следование классике восхищает системной мощью, но вместе с тем почти

¹⁴ Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М., 2014.

ужасает тем концептуальным давлением, которое оказывает система выстроенного знания и необходимость построения концепций ради решения самых простых вопросов. В этом усматривается ныне не столько объективность, сколько объективация самой личности исследователя в концепции, которая порой трактуется как форма насилия над жизнью.

Две методологии и их взаимодействие

Некоторые, восхищаясь концептуальной целостностью, возможности которой открыты классикой, понимают, что в нашем явно неклассическом или даже, как говорят, постнеклассическом, постсовременном мире (с этим последним я ниже не соглашусь) существуют такие проблемы, которые требуют для своего осмысления совершенно новых подходов. Существует представление о том, что в этом мире умерли все боги и все герои, и он уже почти вернулся к свободе как к пустоте¹⁵. Это состояние и этот взгляд объясняют кризисом модерна, постмодернистским видением. Постмодернизм связан с сознательным принятием ситуации смерти богов и героев, концепций свободы и плюрализма, единственной реальности языка. Он дает не только метод науки, но и литературы. Умберто Эко, ученый-медиевист и писатель, создал блистательные образцы *применения постмодернистского подхода к монистическим целостным мирам*¹⁶. Это приводит к мысли, что классические познавательные подходы имеют подобно этому значение и для миров разорванных.

Почему метод, сформированный в условиях колоссальных социальных сдвигов современности, оказался столь эффективным для исследования Средневековья в работах Умберто Эко? Потому, что он раскрыл невидимые самому этому периоду сложность, противоречивость и многообразие. Постмодернистский подход, не обнаруживая в мире никаких сил, кроме самодвижения, нашел этот мир в Средневековье, которое думало о себе, что движется силой Бога. Упорядоченное, структурированное пространство классики, налагаемое на разорванную целостность сегодняшнего дня (по анало-

¹⁵ Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб., 2001.

¹⁶ Эко У. Имя розы // Иностранная литература. 1987. С. 7–11.

гии со Средневековьем), помогает обнаружить в нем ту связность, которую современность сама не находит. Оба эти акта – применение постмодернизма к анализу Средневековья и классических по характеру моделей к современности – являются актами не только познавательными, но и моральными. Первый открывает в Средневековье свободу, которая была задавлена целостностью духа. Второй открывает в современности смысл, разорванный плюралностью и устремленностью к развитию мира. Смысл этот состоит в трансцендировании, выходе за пределы эмпирического бытия, если не к Богу, Космосу или другому абсолютному субъекту, то хотя бы к человеческому роду. В противном случае констатация распадающейся реальности превращается в апологию распада и порождение новых его витков. Как отмечает З. Бауман, социологи должны развивать не постмодернистскую социологию, соответствующую климату постмодернизма, а социологию, способную понимать постмодернистский мир¹⁷. В этом же смысле может возрастать значение концепций, являющихся классическими по способу своего построения, хотя они уже никак не могут вытеснить современные подходы. Дополнительным важным аргументом в пользу сказанного является то, что сегодняшняя эпоха получила импульс от постмодернизма, который был на деле кризисом второго организованного модерна.

XIX в. был веком первого либерального модерна. В начале XX в. он испытал кризис и оборвался Первой мировой войной. С 20-х по 70-е гг. XX в. модерн возобновился, но уже не был либеральным. Это был второй организованный модерн. Он был организован техникой, технократией и социал-демократией¹⁸. Последняя возникла как ответ Запада на страх перед повторением уже здесь Великой Октябрьской революции. Как известно, некоторым западным странам в период второго модерна удалась модернизация, следующая догоняющей Запад модели. Немецкий социальный теоретик П. Вагнер, описавший оба эти модерна, предположил, что наступит третий либеральный модерн, но ошибся¹⁹. Россия

¹⁷ *Bauman Z. Sociology and Postmodernity // Sociological Review. Keele, 1988. Vol. 6. № 4.*

¹⁸ *Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. М., 2004.*

¹⁹ *Wagner P. Sociology of Modernity. Liberty and Discipline. L.; N.Y., 1994; Idem. Modernity as Experience and Interpretation: A New Sociology of Modernity. Cambridge, 2008; Idem. Modernity: Understanding the Present. Cambridge, 2012.*

действительно попыталась перейти в 1990-е к неолиберализму, воспринимаемому как признак нового модерна. Но этот переход не состоялся. Постмодернизм был преодолен начавшейся глобализацией, которая вызвала к жизни модернизацию незападных стран. Она обозначена мною как новое Новое время для незападных стран, или третий модерн²⁰. Особенность третьего модерна состоит в том, что сегодня развитие незападных стран уходит от догоняющей Запад модернизации второго модерна. А фактор культуры этих стран, их специфика и многообразие национальных моделей в глобальном мире создают свои пути развития, плюрализм, сложную и не всегда прогнозируемую траекторию изменения, требуют новых языков. И здесь классическая парадигма познания сохраняет свое значение как некий предел возможного разнообразия. Первый аргумент в пользу сказанного состоит в том, что при всем разнообразии национальных моделей модернизации их единство состоит в наличии этой общей для вступивших в модернизацию незападных стран – национальной модели, специфика которой определена культурой каждой страны. Думается, что и в других примерах неклассической познавательной ситуации отчасти сохраняется роль классической теории познания, но неклассическая формулировка *истины как адекватной деятельности с познаваемым объектом* имеет возрастающее значение. Влияние классической теории познания неоспоримо, так же как неоспоримы эвристичность и инновационная направленность новых парадигм, рассматривающих познавательный процесс через динамику его объекта.

Второй аргумент против господства релятивистской трактовки познания: происходящие в науке изменения свидетельствуют о том, что не только этика, но и наука становятся сферой практического разума. Одновременно это означает, что в науке значительно возрастает этический компонент – этика ненасилия, представление об ответственности, риске, вине; как и прочие сферы человеческой деятельности, наука является сферой морального выбора и переживания.

²⁰ Федотова В.Г. Колтаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-филос. анализ взаимоотношения эконо. и общества. М., 2008. С. 319–347, 424–450.

Третий аргумент. В разные исторические периоды науке предписывались различные социальные роли. Так, Просвещение считало ее целью образование граждан; позитивизм – обеспечение средств деятельности, создание технологий, производственных и социальных. От науки всегда ожидали объяснений и предсказаний. Ныне эти ее функции не признаются в качестве самодовлеющих, находящихся исключительно в ее компетенции, поскольку решение ряда задач предполагает подключение других мыслительных форм, равно как науке вменяется в обязанность рефлексия²¹. Время постмодернизма, представлявшегося эпохой на века, сыграло свою роль как время кризиса второго модерна, оказало влияние на третий модерн восстановлением роли традиции и культуры, и ушло. Национальные модели модернизации или иначе, модели развития незападных стран, в которых культура имеет значение, создает ограничение в выборе пути. Сегодня они включают пафос перемен, чрезвычайные усилия, отсутствие присущей постмодернизму иронии, прямо расходятся с его экспериментаторством в сфере формирования новых образов жизни и не характеризуются взглядом на мир как абсолютно плюралистичный, расколотый на большое число независимых фрагментов. Догоняющая неолиберальная модель России 1990-х, и сегодня преобладающие национальные модели развития незападных стран не подтверждают статус нашей эпохи как постмодернистской, делая ее эпохой третьего модерна. Можно даже с надеждой сказать, что распад казавшейся твердыней старой познавательной самоуверенности стимулирует проявление новой духовной ответственности. Здесь есть подобие между христианским догматизмом и христианской добродетелью, о которой Г. Рормозер писал во время более остро стоящего спора о соотношении модерна и постмодерна: «Но пусть это и звучит провокативно, я скажу, что сегодня антихристианина можно обнаружить и идентифицировать скорее в явлениях, называющих себя христианскими, чем в “злом” мире, поскольку, в частности, все бывшие идеологические движения легитимируются в более или менее

²¹ *Косарева Л.М.* Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997; *Философия познания. К юбилею Л.А. Микешиной.* М., 2010.

христианских формах»²². Подобно этому, постмодерниста можно обнаружить сегодня в достаточно модернистском виде скорее, чем в архаическом.

В методологии социального познания обнаруживаются две конфронтрующие позиции: мониста, догматика, убежденного в единственности истины, необходимости ее поиска и следовании ей, с одной стороны, и плюралиста, релятивиста, склонного отрицать истину или трактовать ее весьма расплывчато, с другой. Фигура гибкого методолога, сочетающего регулятивное значение классики, ориентирующей на объективное познание, с неклассическим и постнеклассическим пониманием многообразия подходов, несомненно, существует в практике научных исследований, но слабо представлена в рефлексии по поводу методологических проблем науки.

Ситуация эта в двух отношениях сходна с проблемами морального сознания. Во-первых, в дискуссиях по проблемам морали тоже четко прослеживается конфронтация сторонников морального догматизма и морального релятивизма. В практической морали это противоречие многими людьми интуитивно снимается признанием категорических императивов морали в качестве регулятива деятельности в практически установленных нормах. Казалось бы, наибольшую моральную крепость должен проявить тот, кто далек от гибкого сочетания названных полюсов и стоит на позициях морального догматизма – «святости», говоря словами С.А. Аскольдова²³. Однако он же показывает, что, находясь на полосе «святости», очень легко свалиться в отрицание морали вообще – в «звериное». Почему? Потому что святость – это позиция человека, не прошедшего трудностей морального выбора, мучений его, не искушенного жизненными соблазнами. Такая моральная позиция, несомненно, будет бита жизнью, вызовет разочарование, переход на противоположные позиции и затруднит формирование начала человеческого – не «святого» и не «звериного». «Ангельская природа, поскольку она мыслится про-

²² *Рормозер Г.* Ситуация христианства в эпоху «постмодерна» глазами христианского публициста // *Вопр. философии.* 1991. № 5. С. 81.

²³ *Аскольдов С. А.* Религиозный смысл русской революции // *Из глубины.* М., 1991. С. 33.

шедшей мимо познания добра и зла и сохранившей в себе первобытную невинность, во многом гораздо ближе и родственнее природе зверя, чем человека»²⁴.

Догматизм и монизм теории познания, принятие классических установок в качестве единственно возможных для науки – своего рода «святость» в сфере познания, тогда как релятивизм – ее, иронически говоря, «звериное». Эти противоположности в методологии и теории познания так же сходятся, как и в морали. И с большим усилием достигается «человеческое» – нахождение действительного места классическим, неклассическим и постнеклассическим представлениям. «Человеческое» и здесь – это итог искушения незнанием, возможностью и опасностью принять незнание за знание, итог знакомства с трудностями познания и переживание этих трудностей. Встать же на дорогу «человеческого» и в науке значит быть искушенным, но не утратившим веру в познавательный идеал.

Второе сходство с моралью состоит в том, что наука, порывающая с практическим разумом (особенно в позитивизме, если говорить о практическом разуме в кантовском смысле как о сфере действия морального сознания) и пытающаяся возвыситься над ним, возвращается при новых своих парадигмах в его лоно. Быть мне лично догматиком или релятивистом либо искать «человеческое» – это сегодня мой выбор, выбор каждого ученого, методолога, причем выбор не только познавательный, но и моральный. Следовательно, моральный регулятив – сущностное отношение, открытое Кантом в понимании мира – действует и в сфере познания.

Итак, классическая концепция истины рассматривает объект как данность, которой противостоит субъект познания, отображающий этот объект в знании по формуле $O - S$. Неклассическая наука видит в социальном объекте включенного субъекта, который совместно с объектом образует объект познания: $O/S - S$. Постнеклассическая наука берет свой объект совместно с субъектом и осуществляемой им практикой $O/S/P - S$ ²⁵. Обратимся к неklas-

²⁴ *Аскольдов С. А.* Религиозный смысл русской революции. С. 33.

²⁵ *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. С. 387–502; *Федотова В.Г.* Гл. 41–43. Общетеоретические подходы; Специфика объекта и предмета социально-гуманитарных наук; Субъект со-

сической и постнеклассической парадигме познания на примере соотношения объяснения и понимания как методологических средств современной науки.

циально-гуманитарных наук; Гл. 4.11 и 4.12. Основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук; Гл. 4.12. Разделение социально-гуманитарных наук на социальные и гуманитарные науки // Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук: Учеб. для аспирантов и соиск. учен. степени кандидата наук. М., 2006. С. 477–493; 542–558; Постнеклассические практики. Опыт концептуализации / Под общ. ред. В.И. Аршинова, О.Н. Астафьевой. СПб., 2012.

ГЛАВА II. ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ В СИСТЕМЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

В данной главе мы намерены раскрыть серьезные предпосылки для изменения методологии, характеризующие универсальность познавательных средств естественных и гуманитарных наук и их взаимную применимость в том и другом типе научного знания. Рассмотрим это на примере таких методов как объяснение, прежде считавшееся методом естествознания, и понимание, традиционно входившее в арсенал познавательных средств гуманитарного знания. Нас интересует при этом единство науки, характеризующее ее системность и академический характер, т.е. способность к саморазвитию.

При анализе места и роли понимания как метода необходимо разделить реальную исследовательскую деятельность историков, психологов, правоведов и других представителей общественных наук и методологическую рефлексию этой деятельности. Подобная необходимость обусловлена, на наш взгляд, тем, что метод понимания в отдельных общественных науках приобрел недостаточно определенное содержание и существенно меньшее влияние, чем в методологических построениях, предполагающих не только ориентацию на действующие образцы научного исследования, но и формирование его должных норм.

Казалось бы, исключение составляет западная социология, ибо именно в социологии В. Дильтея, М. Вебера, Г. Зиммеля и др. метод понимания получил наиболее развернутое обоснование. Их

социологические концепции играют роль общесоциологических и социально-философских построений, оказывающих методологическое влияние на частные науки.

Основные исследовательские программы обществознания

В философской литературе работам, посвященным методологии науки в целом и методологии обществознания, в частности, принадлежит заметное место. В количественном отношении статьи и монографии по методологии науки в 1980-ые гг. явно преобладали над работами, посвященными другим философским темам. Однако в содержательном отношении они были чрезвычайно пестры в силу ориентации на различные и многообразные философские школы и направления.

Ясность относительно различий классической (XVII–XIX вв.) и современной (XX в.) западной философии в отечественной философии была достигнута еще раньше в статье трех авторов М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева и В.С. Швырева²⁶. Произведена периодизация современной философии на довоенную и послевоенную²⁷. Отличительной чертой послевоенного ее этапа является ломка тех довольно устойчивых ее структур и направлений, которые сложились в XX в. Она характеризует размывание традиций, сближение различных школ и направлений, нередко выступавших прежде как взаимоотрицающие друг друга. Не вдаваясь в обсуждение всех причин сближения различных направлений, выделим одну из них – сближение на почве стремления большинства философских направлений внести свою лепту в методологию науки, учитывающую социальную обусловленность научного знания.

Констатируя связь методологических проблем с философскими, необходимо отметить ее сложный характер. Для того, чтобы разобраться в многообразии способов связи того или иного фило-

²⁶ См.: Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Шварев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972. С. 28–94.

²⁷ См.: Автономова Н.С. В поисках новой рациональности: опыт типологической характеристики некоторых тенденций современного буржуазного сознания // Вопр. философии. 1981. № 3.

софского учения с методологией науки и учесть возможность методологического сходства различных философских направлений, а также обозначенную выше тенденцию к взаимной ассимиляции друг друга рядом философских ориентации, представляется целесообразным понятие «исследовательская (научная) программа». В отечественной литературе оно введено в научный обиход в работах П.П. Гайденко, Л.М. Косаревой, Л.А. Марковой, А.И. Ракитова, В.С. Степина, Е.Л. Чертковой, М.Г. Ярошевского и др. и, в конечном счете, стало общепотребимым.

Будучи философской программой развития науки, исследовательская программа не тождественна тому или иному философскому направлению (не всякое философское направление послужило базой развития научных теорий, иногда ряд философских ориентаций объединялись для формирования исследовательской программы). Исследовательская программа содержит в себе характеристику предмета, метода исследования, общих предпосылок научной теории, способов перехода от философской системы к научным построениям²⁸. Отличаясь от философской системы, научная программа не тождественна и научной теории: «В отличие от научной теории, научная программа, как правило, претендует на всеобщий охват всех явлений и исчерпывающее объяснение всех фактов, т. е. на универсальное толкование всего существующего. Принцип, или система принципов, формируемая программой, носит... всеобщий характер»²⁹. Понятие исследовательской программы плодотворно для анализа методологических построений, ибо последние, будучи философскими по своему статусу, несут на себе печать изучаемой области научного познания – наук об обществе и потому не являются всецело совпадающими с тем или иным философским направлением.

Раннебуржуазная и классическая философия были ориентированы на природу и изучающие ее науки. Это позволяет предположить, что генетически первой исследовательской программой обществознания Нового времени была *натуралистическая программа*, которая формировала идеал и нормы научности по образцу естественных наук. Исторически первым таким образом была механика, определившая механицизм всего домарковского

²⁸ Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. М., 1980. С. 11.

²⁹ Там же. С. 10.

материализма и придавшая натуралистической программе исторически конкретный вид. Исследования общественной жизни в XVII–XVIII вв. еще не претерпели такого отделения от философии, как естественные науки, но и в ее рамках восприняли механицизм. Центральное положение механики в *натуралистической исследовательской программе* было обусловлено уровнем развития естествознания. Позже, в XIX в. появляются классификации наук, в центр которых помещаются география (Г. Бокль, Ф. Ратцель, И. Мечников и др.), демография (А. Кост, М.М. Ковалевский и др.), биология (Г. Спенсер и др.), в XX в. психология (Ж. Пиаже и др.), физика (О. Нейрат, Р. Карнап и др.). Это перенесение центра тяжести натуралистической программы с одной науки на другую отражает степень зрелости естествознания, появление в нем все новых лидирующих дисциплин. На основе методов какой-либо из названных наук формируются определенные программы в обществознании, прежде всего, натуралистическая исследовательская программа. Со временем происходит осознание нетождественности предметов социальных наук изучаемым объектам природы. Программа трансформируется, но не сдает своих позиций. Предельной формой развития натуралистической социологии XIX в. является экономический материализм, вульгарно сводящий весь социально-культурный процесс к проявлению первичного экономического фактора, действующего в качестве естественного.

Натурализм в методологии социальных наук XX в. связан с развитием всех разновидностей позитивизма, со структурно-функциональным подходом. В этих направлениях безусловно понято отличие предметов физики, биологии, социальных наук, но провозглашена необходимость единства методов в построении теорий любых процессов. В частности, позитивизм абсолютизировал применимость гипотетико-дедуктивной модели (в концепции «охватывающего закона» Поппера-Гемпеля³⁰) для исторического знания. В исторической науке его универсальность не подтверждена даже в качестве тенденции, ибо в равной мере здесь применяются и имеют право на применение эмпирико-индуктивный подход, сохраняется просто описательность. Структурно-функциональный

³⁰ См.: Гемпель К. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // Философия и методология истории. М., 1977. С. 72–93. См. здесь же вступительную статью И.С. Кона.

подход вписывается в натуралистическую программу потому, что функциональная связь, открытая в природе, раскрывается затем и в обществе без заметных качественных отличий. Эти структурные и функциональные сходства природных и социальных объектов были подмечены еще в XIX в. (Г. Спенсер, буржуазные экономисты). Шаг от анализа субстанциональных свойств к функциональным в натуралистической исследовательской программе был ее значительным достижением в области обществознания, но и вместе с тем пределом ее развития. В рамках натуралистического подхода методу понимания фактически не было места.

Ограниченность натуралистической исследовательской программы в определенной мере была уже осознана немецкой классической философией. Диалектический подход к социальным явлениям, рассмотрение истории деятельности людей служили основой для попыток построения антинатуралистической исследовательской программы. Ее формирование было медленным и влияние слабым вплоть до XX в. Учет исторических характеристик социальных объектов в XIX в. вполне уживался с натуралистической программой в ее историко-эволюционистском варианте, будь он продуктом перенесения биологических закономерностей на социальные объекты или следствием применения позитивистского подхода к обществу.

Для того, чтобы антинатуралистическая исследовательская программа окрепла, необходимы были условия, при которых была бы найдена иная онтологическая реальность, отличная от природы, но столь же самостоятельная и значимая как первая. Такая новая реальность была найдена в культуре, получившей признание в качестве столь же самостоятельной сферы, что и область природы. В качестве ведущей черты постклассической (современной) философии многие исследователи отмечают переход от ориентации на каноны наук, изучающих природу, к признанию равноправия с природой культуры, социальной сферы и соответственно равноправия этих наук с естествознанием.

Можно назвать ряд причин, в силу которых натурализм возможен как исследовательская программа обществознания в XVII–XVIII вв. Во-первых, принцип раннебуржуазного и классического буржуазного рационализма состоял в утверждении тождества разума и бытия, при котором разум сам рассматривается как при-

родное свойство. Отсюда следовало, что источник человеческой активности – предмета изучения наук об обществе – естественен, и что культура (это понятие возникло еще в XVII в.) есть способ адекватной реализации природы человека: быть культурным человеком – значит не забывать своей природы. Во-вторых, естествознание выделилось раньше в самостоятельную область и давало блестящие образцы исследования уже тогда, когда обществензнание еще не имело никакого собственного опыта.

Кризис натуралистической программы в конце XIX – начале XX в. был связан с осознанием различий природы и культуры, отличия природных объектов от общественных. С развитием капитализма разрушались первоначальные природные зависимости людей и создавались все новые связи, определяемые совокупным общественным трудом. Открытие второй по сравнению с природой онтологической реальности – культуры означало отказ от ее понимания как деятельности, направленной на реализацию природной сущности человека. Культура вместе с тем создавала, особенно в городах, все больше искусственного и нового³¹. Культура была теперь понята как формирование человека и общественных связей, как продукт истории и сама история, как самоосуществление человека, в ходе которого меняется его собственная природа. На той ступени развития, когда отношение к природе предстает как общественное отношение, получающее *«всеобщее (универсальное) развитие, впервые и полагается объективное различие между природой и культурой»*, – отмечает В.М. Межуев, раскрывая далее смысл этого утверждения следующим образом: на начальных стадиях капитализма человек является в определенной мере элементом природной среды, составляя с ней непосредственное единство, на более поздних ступенях развития сама природа становится элементом человеческой среды, реализуется деятельностное единство человека с природой. *«В культуре тем самым представлен всеобщий специфический именно для человека характер его связи с природой, возвышающий его над особенностями чисто природного бытия и прямо совпадающий с его существованием как общественного субъекта деятельности»*³².

³¹ См.: Беньямин В. Центральный парк. М., 2015.

³² Межуев В.М. Указ. соч. М., 1977. С. 122.

Таким образом, культура как созданное человеком и создание самого человека выступает как всеобщее определение, которое, однако, предстает в конкретно-исторических формах. Первоначальная природная зависимость сменяется открытием социальных связей, произведенных совокупным общественным трудом, т. е. отношений людей, создаваемых не природным способом, а исторически созданными условиями труда и активностью общественного субъекта, который не просто приспосабливается к природе, но и творит свою новую «искусственную» среду как материальную, так и социальную, так и духовную. В культур-центристской исследовательской программе этот позже, чем природа, открытый объект – культура – становится логически первым.

Культур-центристская исследовательская программа не столь явным образом, как натуралистическая, опирается на частные науки, ибо общественные науки, на которые она могла бы опереться, сами в существенной мере формируются той или иной исследовательской программой. И все же можно фиксировать присущую культур-центризму ориентацию на антропологию, историю, искусство и науки об искусстве, культурологию, психологию и пр., но в гораздо большей мере – развитие этих наук под влиянием культур-центристских ориентаций.

Открытие культуры как особой реальности не разрывает связей человека с природой. Это – одна из причин, вследствие которой культур-центристская исследовательская программа не упраздняет натуралистическую программу. Природа остается в качестве предпосылки деятельности человека, но культур-центризмом не схватывается, оставляя место натурализму. Другой причиной жизненности натуралистической исследовательской программы является вызванное объективными социальными изменениями крушение классических рационалистических установок. Постклассический рационализм существует как представление о тождестве целей и средств. Так он реализуется в социальной деятельности, так и в схемах познания, ориентированных на натуралистическую программу. Натурализм соответствует новой фазе рационализма, более грубой и упрощенной в сравнении с классическим рационализмом.

В силу сказанного натуралистическая исследовательская программа может распространяться и на такой объект изучения как культура. Способ натурализации культуры состоит в рассмотрении

ее не как самоосуществления человека, в ходе которого меняется он сам и его социальные связи, а как деятельности, источник активности которой лежит в индивидуальных устремлениях абстрактного индивида. Абстрактный индивид есть продукт натуралистической редукции культуры. Натурализация культуры состоит также в превращении ее из процесса в объект, состояние, результат деятельности, воплощение активности природного существа.

Первоначально культур-центристская программа формировалась только применительно к обществознанию. Она по существу указывала на границы натуралистической программы. Культур-центристская исследовательская программа охватывала такие области действительности, где качества субъекта были не элиминированы и интересовали не только как среднетипичные, а, прежде всего, как наиболее характерные, исключительные, способные дать ключ к среднетипичному.

Натуралистическая и культур-центристская исследовательские программы доминируют в методологии обществознания. Попытки создания иных программ, как правило, характеризуются тяготением к одной из названных. Например, возможна ли психологическая исследовательская программа? Психологический редукционизм, как и вообще редукционизм, одна из заметных черт методологии. Но все дело в том, какие аспекты психологического знания и самой психики оказываются преобладающими при редукции. Если это психофизиологические (субстанциональные) или поведенческие (функциональные) аспекты, то психологизм выступает как проявление натуралистической научной программы (Ж. Пиаже, З. Фрейд, бихевиоризм). Если психика интересует в ее историческом, социальном, душевно-духовном аспекте, то тогда налицо поворот к культур-центристской исследовательской программе. Так, В. Дильтей в ранний период своей деятельности претендовал на создание психологической программы, отделив науки о природе от наук о духе и исключив возможность социологии как науки, подобной наукам о природе. Но понимание, обоснованное им как метод постижения духовной реальности есть вместе с тем метод соотнесения ценностей и смыслов одной исторической эпохи с другой, т. е. исторический метод, ставящий в центр исследования, в конечном итоге, культуру. И В. Дильтей с полным правом

ставится в один ряд со своими критиками В. Виндельбандтом и Г. Риккертом как представитель культур-центристской исследовательской программы.

Попытки построить экономическую исследовательскую программу тоже характерны креном в экономический материализм, либо структурно-функциональным поворотом (т. е. тягой к натурализму), либо обращением к индивидуальным, исторически изменчивым экономическим мотивам (т. е. культур-центристской ориентацией).

В XX в. противоречие двух исследовательских программ – натуралистической и культур-центристской – явилось одним из источников движения методологического знания, а также самих наук. Эти программы следует признать основными в методологии обществознания. Они же играют ключевую роль в естествознании. Они являются системообразующими факторами, определяющими видение специфики научного знания и его методов.

Понимание как инструмент культур-центристской исследовательской программы. Тенденция превращения культур-центристской программы в общенаучную

Натуралистическая исследовательская программа рассматривает любой предмет науки как природный. Оценка такой стратегии в западной литературе сводится к тому, что все многообразие данного в опыте материала приводится наукой к некоторому порядку, так что определенные явления описываются родовыми понятиями и на этой основе выводятся формы и отношения, представленные в общих законах. Это схема объяснения.

Культур-центристская программа не просто устанавливает границы объяснению, но противопоставляет ему понимание. Данная стратегия также допускает понятийное упрощение и обеднение явлений³³: действительность упрощается до тех ее элементов, которые имеют ценностное значение для индивидов и в ряде концепций – А. Шютца, Ю. Хабермаса – для коллективов или социальных групп.

³³ Иногда ошибочно думают, что методы индивидуализации, а соответственно понимания, в той или иной мере представленные в различных культур-центристских подходах, не допускают упрощений, идеализаций, а представляет собой исключительно фиксацию индивидуального явления или смысла.

Выделение культуры в качестве особой и равноценной природе онтологической реальности привело к тому, что культура стала рассматриваться в качестве специфического объекта познания наук об обществе, требующего своих собственных методов исследования, учитывающих социальную активность субъектов деятельности, выступающих в качестве объектов исследования.

Метод понимания, как уже отмечено, наиболее активно разрабатывался в области социологии. Отнесение социологии в том виде, как она была развита позитивистским направлением к социально-гуманитарному знанию, вызвало существенные трудности, ибо социология пользовалась теми же методами обобщения, что и естествознание. Именно поэтому Г. Риккерт критиковал разделение наук по предмету и, опираясь на пример социологии, показывал, что эта наука об обществе пользуется теми методами, которые делают ее более сходной с естествознанием, чем с науками о культуре.

Предмет социологии диктовал, однако, ее *сходство* и с науками о культуре. Поэтому М. Вебер, В. Дильтей, Г. Зиммель, В. Зомбарт, Г. Мид, М. Шелер и многие другие исследователи пытались привести метод социологии в соответствие с ее предметом.

Общим итогом таких устремлений было усмотрение специфики знания об обществе в тождестве субъекта и объекта исследования: объект социально-гуманитарного знания отличен от природного. Это – живой, действующий индивид или сообщество индивидов, фрагмент социальной реальности, включающий в себя человека; субъектом же познания выступают те же индивиды или их сообщества или общество в целом. Поэтому возникает, по мнению представителей всех вариантов «понимающей социологии»³⁴, направленность познания не только и не столько на объяснение объекта исследования, сколько на его понимание. Однако сущность понимания в различных направлениях культур-центристски ориентированной социологии была представлена по-разному: герменевтически, семантически, как основанная на теории деятельности. Ими однако не исчерпывается разнообразие точек зрения по названному вопросу. Ориентации в трактовке понимания очень разнообразны. Например, немецкий социолог В. Бюль, делая обзор названной проблемы в предисловии к сборнику статей наибо-

³⁴ См.: *Ионин Л.Г.* Понимающая социология: историко-критический анализ. М., 1979.

лее видных западных исследователей, характеризует следующие подходы: 1) социологическая теория деятельности (М. Вебер, Х. Беккер), развитая затем Т. Парсонсом посредством соединения с системной теорией и превращенная Н. Луманом в «понимающий функционализм», и другая ветвь этого направления – Г. Мид, Б. Томас вплоть до символического интеракционизма А. Розе, Г. Блумера и др.; 2) идущая от М. Вебера и Э. Гуссерля феноменологическая трактовка понимания (А. Шютц), попытки построения феноменологической социологии знания (П. Бергер; Т. Лукман); 3) направление, весьма путано обозначаемое автором как «понимающий материализм» или даже совсем ошибочно «понимающий марксизм» (но тут приходится отдать дань времени) – Ж.-П. Сартр, Х. Лефевр, Д. Колаковски и др. Сюда же Бюль относит так называемую «диалектическую социологию» Г. Маркузе, Т. Адорно; 4) лингвистический и герменевтический подход (Р. Винч, Г. Гадамер, Ю. Хабермас, П. Рикёр); 5) критико-идеологическое направление (К. Мангейм, И. Габель и др.)³⁵. Думается, что и этот «список» неполон, однако дает и сегодня «дорожную карту» методологических подходов в социологии. Но, по крайней мере, в нем отсутствуют психологические концепции понимания (ранний В. Дильтей), культурологические (поздний В. Дильтей), не указанные парадигмальные позиции Ф. Шлейермахера, Г. Зиммеля и др.

При всем многообразии точек зрения на сущность понимания, введение представленного подхода в исследовательскую программу обществознания преследовало ряд сходных целей. Прежде всего, сложилось стремление учесть специфику наук об обществе и их гуманистические, культурные функции, оградить обществознание от безудержной сциентизации, изъятия из него смысла человеческой деятельности. Понимание предполагало, что предметом общественных наук должны быть не только цели и результаты деятельности людей, но и ее ценности, мотивы и смысловое содержание.

Неразрывно связанной с этими чертами социально-гуманитарного знания оказывалась его историчность, обусловленная как развитием самих объектов исследования, так и способов их освоения. Наличие прошлого и настоящего, «своего» и «чужого» опыта имеет для обществознания принципиальное значение. Понимание

³⁵ Buhl W. *Verstehende Soziologie: Grundzuge und Entwicklungstendenzen*. Munchen, 1972. S. 7–8. См.: *Hermeneutik und Dialektik*. Bd. 1. Tubingen, 1970.

было призвано установить отношение объекта к контексту своей и чужой культуры, и, если это объект прошлого, поместить его в контекст истории.

И, наконец, посредством понимания пытались преодолеть эмпиризм социально-гуманитарных наук специфическим для них образом. Исторически меняющаяся деятельность субъекта, положенная в основу культур-центристской исследовательской программы обществензнания, своеобразно учитывалась на уровне выбора исследователем познавательных средств. Так, по М. Веберу, социологическое обобщение должно установить смысл и причинность. Это – не обязательно осмысление «чужого» опыта, но прежде всего – самой совместной жизни индивидов, ставших предметом социологического изучения. М. Вебер говорит о двух типах понимания – объясняющем и актуальном. Актуальное понимание необходимо для идентификации конструкторов сознания исследователя с социальными феноменами, уяснения объема и содержания понятий и построения социальной реальности, не данной эмпирически так, как она дана в теории. Актуальное понимание – это идентификация «идеальных типов», нахождения общего смысла социальных образований. Объясняющее понимание должно вскрыть причины и отдельные, ситуационные смысловые значения изучаемой деятельности.

Критика веберовской концепции социально-гуманитарного знания осуществлялась как с позиций натуралистической и наивно реалистической, так и с марксистской.

Например, широко известна критика понимания как метода общественных наук, предложенная Т. Абелем³⁶. Абель считал, что социальная реальность всегда непосредственно наблюдаема, а понимание охватывает только мотивы действующих лиц и потому может играть роль лишь в предварительном формировании гипотез. Он полагал, что понимание «не верифицируемо», т. е. любое понимание может иметь место и его нельзя отбросить как неистинное.

Эта критика концепции понимания, в частности, в ее веберовском варианте, весьма наивна. Ясно, что такие социальные реальности как «культура», «цивилизация» и др. не являются эмпи-

³⁶ *Abel Th.* The Operation called Verstehen // *Theorie und Realitat: Ausgewahlte Aufsätze zur Wissenschaftslehre der Sozialwissenschaft* / Hrsg. v. H. Albert. Tübingen, 1964. S. 177–188.

рически данными³⁷. Более требовательные критики веберовской методологии отмечали, что она не изменяет описательного характера историографии и социологии. Выделение типа предстает нередко не как инструмент объяснения общественных явлений, а как вывод, настолько бедный, что может быть уподоблен навешиванию ярлыков. Например, Дж. Лопреато и Л. Олстон предлагают не ограничиваться такими идеализациями. Они считают, что в практику социальных наук должны быть введены, во-первых, предваряющие идеальные типы – понятийные схемы, парадигмы, идеализации конкретных явлений, во-вторых, теоретические идеализации – открывающие законы, обязательно действующие при идеальных условиях³⁸. Они отмечают большую слабость в разработке теоретических идеализации. Эта критика справедлива. Способ идентификации теоретических конструкторов социального знания с объектами реальности на основе понимания очевидно является необходимым, но недостаточным. Марксистская критика веберовской методологии была направлена против ее субъективности.

В ряде западных книг и статей приводится даже без редакционных изменений три правила конструирования идеальных типов: 1) соответствие постулату логической согласованности, под которым понимается следование научным методам данной дисциплины; 2) соответствие постулату субъективной интерпретации (принципу «понимания», модели индивидуального сознания); 3) соответствие постулату адекватности³⁹. Последний постулат не означал требования анализа объективного содержания идеальных конструкторов. Речь шла совсем о другом: необходимо, чтобы понятие было бы ясно тому, кого оно описывает (человеку, живущему в данном «типе культуры», «бюрократии» и т. д.). В этом случае

³⁷ Легко заметить, что подобная же проблема интерпретации теоретических конструкторов занимает видное место в методологии современного естествознания.

³⁸ *Lopreato J., Alston I. Ideal Types and the Idealisation Strategy // American Sociological Review. 1970. Vol. 35. № 1. P. 88–96.*

³⁹ *Rowls J. The Type as a Logical Form // Sociology and Social Research. April 1967. Vol. 51. P. 347–360.* См. также: Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 252; Наука глазами гуманитариев / Отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2005; Многомерный образ человека. На пути к созданию единой науки о человеке / Общ. ред. Б.Г. Юдина. М., 2007.

понимание превращается в способ рационализации опыта обыденного сознания, и содержание теоретических конструкторов заведомо сводится к этому опыту.

С введением метода понимания в методологию общественных наук возростала опасность релятивизации знания, ибо разные предпосылки и контексты установления фактов, различные конвенции относительно смыслов могли породить совершенно разные системы знаний⁴⁰. В ряде направлений герменевтики понимание выступает как канал субъективизации знания (В. Дильтей, Ф. Шлейермахер). С другой стороны, уже Дильтей, рассматривающий понимание как постижение жизни через историю и заметно психологизирующий эту проблему, ставит вопрос об общезначимом объективном знании⁴¹. Известны два основных способа отойти от психологической интерпретации понимания в сторону общезначимости и объективности. Один из них – трансцендентальная постановка вопроса, при которой понимание рассматривается как приобщение к данной в логике или языке сферы значений (Г. Риккерт, М. Шелер). Второй – онтологическая интерпретация, при которой предпосылки познания рассматриваются как его онтология (М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер). Наконец, есть третья попытка – социологизация предпосылок.

Эта последняя тенденция вместе с потребностью содержательной интерпретации теоретических конструкторов естествознания⁴² способствовала появлению второй фазы культур-центристской исследовательской программы. На первой фазе развития эта программа формировалась исключительно для наук об обществе и человеке. Теперь она приобретает общенаучное значение, отчасти фиксируя некоторые тенденции естественных наук, отчасти забегая вперед и утрируя эти тенденции. Общей причиной распространения культур-центристской стратегии на методологию естествознания являлась назревшая потребность рассмотреть развитие

⁴⁰ Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека. М., 2012. С. 53–61.

⁴¹ Гайденко П.П. Герменевтика и кризис буржуазной культурно-исторической традиции // Вопр. лит. 1977. № 5. С. 130–165.

⁴² Kolb J. Hermeneutik in der Physik // Hermeneutik als Weg heutiger Wissenschaft. Salzburg; Munchen, 1971. S. 85–89.

естественных наук как воплощение деятельной активности общественно-исторического субъекта (Т. Кун, П. Фейерабенд, М. Маклэй, Штарнбергская группа)⁴³.

На наш взгляд, имеется объективная причина превращения культур-центристской программы в общенаучную и метода понимания – в универсальный метод научного познания. Она коренится в научно-технической революции, основным содержанием которой является технологическое применение фундаментальных наук и открытие посредством науки новых видов производственной практики. В этих условиях наука оказывает огромное непосредственное влияние на общество, и сама, в свою очередь, испытывает его влияние – проявляющееся, в частности, в организации и финансировании науки, в создании системы приоритетов. Обнаруживается методологическая роль социально-культурных факторов не только в обществознании, но и в естественных науках.

Толчком к обсуждению метода понимания в естествознании сегодня послужило крушение индуктивистско-фундаменталистских познавательных схем, построенных на основе предположения, что существует стабильный, независимый от теории фактуальный базис. По мере усложнения теоретического строя науки и превращения в предмет науки абстрактных объектов, стала осознаваться более сложная связь теории и эмпирии, фактов и их интерпретации. Было выявлено, что сам фактуальный базис является итогом определенной теоретической работы. Эти особенности естествознания были зафиксированы в тезисе Куна–Фейерабенда о концептуальной нагруженности факта. Представление о факте как событии было явным образом вытеснено взглядом на факт как на элементарную истину, получение которой связано со сложностями, присущими всякому поиску истины. Исходя из этой реальной проблемы науки и ее отображения в методологии возникла ситуация герменевтического круга: теория строится на основе фактов, но и сам факт теоретически выделен и обработан.

В самом деле, отношения факта и теории весьма сходны с теми кругами, которое сложились в традиционных системах герменевтики: целое понимается по его частям, а часть может быть постигнута только через целое (Ф. Шлейермахер); познающий субъект

⁴³ Зиневич Ю.А., Федотова В.Г. Роль социально-культурных факторов в исследовании науки // *Вопр. философии*. 1982. № 9.

узнает себя через других, но других он понимает на основе того, что есть в нем самом (В. Дильтей); изучая традицию, историк сам находится во власти традиции (Г. Гадамер) и т. д. И исходной точкой движения в этом новом круге или даже выходе из него многие исследователи начинают считать понимание фактов.

Думается, что введение проблематики понимания в методологию естествознания, как в целом ориентация на культур-центристскую исследовательскую программу имеет своей причиной повышение интереса к истории естествознания, прежде всего, к логическому воспроизведению этой истории, представленному в конкурирующих схемах. Как соотносен современный опыт науки с ее традицией? Подобные вопросы возникли в связи с качественно новым этапом развития науки, переходом от классической механики к квантовой, от описательных методов биологии и др. естественных наук к теоретическим.

Исследовательские программы обществознания и частные науки

Мы уже отмечали, что методологические установки, представленные в натуралистической и культур-центристской исследовательских программах обществознания, находятся в сложных отношениях с исследовательской деятельностью, осуществляемой в частных общественных науках⁴⁴. В методологических схемах особенности отдельных наук предстают в огрубленном виде, в виде тенденций. Можно говорить о своего рода методологической реальности, которая, подобно физической, биологической и пр. реальностям замещает изучаемую область с определенной степенью соответствия и полноты⁴⁵.

Сложность применения названных исследовательских программ к отдельным общественным наукам определена так же тем, что, кроме общенаучных закономерностей и закономерно-

⁴⁴ Знание в социокультурном пространстве / Отв. ред. В.С. Степин. М., 2011. С. 13–43, 114–137, 179–388, 516–528.

⁴⁵ См.: *Алексеев И.С.* О философских основаниях физики // *Философские основания науки.* Вильнюс, 1982. С. 228–232; *Багдасарьян Н.Г., Горюхов В.Г., Назаретян А.И.* Теория, философия и методология науки и техники. М., 2014. С. 91–107.

стей, присущих системе обществознания, каждая из наук имеет свои собственные. Глобальные исследовательские программы обществознания находят в каждой из наук специфические трансформации, связанные с наличием собственных исследовательских программ каждой из них, с их собственными предметами, целями и методами.

Например, знакомясь с историей политико-экономических учений XX столетия, определяющих развитие других экономических дисциплин, ни в коей мере не представляется возможным разделить их все на натуралистические и культур-центристские (что, кстати, не имело бы эвристической ценности). Главной проблемой экономической науки на стадии монополистического капитализма является вопрос об экономической роли государства. Политико-экономические концепции могут быть исторически подразделены на такие, в которых отрицается экономическая роль государства и предполагается неизменно стихийный характер капиталистической экономики, и те, которые считают необходимым государственное вмешательство в экономику. Первые концепции предполагают действие в экономической практике методов товарного хозяйства, вторые – методов централизованного управления экономикой. Неудачи того и другого подхода порождают до сих пор апологетику натурального хозяйства как естественной формы деятельности мелкого производителя. Натуралистический характер последней позиции очевиден.

Однако, в основных противостоящих друг другу подходах – стихийной или регулируемой экономики – можно найти ориентации как на натурализм, так и на культур-центризм. Вполне очевидно, что концепции стихийной экономической деятельности создают больше предпосылок для обоснования естественного характера экономического процесса и применения к его анализу позитивистских подходов, а также математических моделей и методов. Можно отметить влияние Г. Спенсера на В. Парето, предложившего идею экономического равновесия. Эта идея была поддержана рядом других экономистов, обратившихся к анализу экономических циклов, что создало возможности для математического моделирования в экономике (П. Самуэльсон, В. Леонтьев). «Традиционные», основанные на идее эволюции концепции экономики оставались долгое время популярными в Англии, где были сильные позитивистские тради-

ции. Натуралистическая исследовательская программа в экономике уделяла повышенное внимание к технике анализа. Самую возможность построения экономических теорий многие исследователи связывают со стихийным характером экономического процесса.

Наряду с этими концепциями, среди теорий неуправляемой экономики получил распространение маржинализм, исходящий из субъективной теории ценностей и психологизма. Маржиналисты (Ф. Визер, Е. Бем-Баварек и др.) заменили трудовую теорию стоимости классической буржуазной политической экономии, с их точки зрения не отвечающую наиболее оптимальным режимам работы экономической системы, теорией предельной полезности и производительности, призванной рационализировать субъективные устремления торговых партнеров и любых других агентов экономических отношений.

Они предполагали, что предприниматель стремится максимально увеличить свой доход, а покупатель приобрести максимально полезную вещь. Эти мотивы агентов экономических отношений представлялись маржиналистам столь простыми, что их выявление не требовало какого бы то ни было анализа. Поэтому в этих субъективистских концепциях метод понимания в сколько-нибудь разработанном виде не используется. Экономические теории маржиналистов построены «на основе формальной разработки суждений, вытекающих из определенных предположений относительно человеческой деятельности, причем сами исходные предположения обладают лишь ограниченной достоверностью»⁴⁶, – отмечает историк экономических учений Б. Селигмен. Субъективистские установки маржинализма сочетаются с построением экономических теорий, введением статистического и другого математического аппарата в экономику. Ввиду абстрактного в своей сущности толкования интересов индивидов как всегда неизменных маржиналисты остаются в рамках натуралистической исследовательской программы. Поскольку человеческий фактор всегда так или иначе учитывается обществознанием, к культур-центристским следует отнести те экономические и пр. концепции, которые исходят из исторически и психологически изменчивого характера участия

⁴⁶ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968. С. 233; Роббинс Л. История экономической мысли. Лекции в Лондонской школе экономики. М., 2013. С. 349–371.

субъекта в рассматриваемом процессе. В этом случае возникает необходимость «понимания» мотивов, выявления исторического контекста деятельности.

Однако, названное условие отнесения концепций к культур-центристским является необходимым, но недостаточным. Так, в теориях, допускающих вмешательство государства в экономику, роль человека по самой сути названных концепций представлена в большей мере. Но и здесь встречаются натуралистические тенденции. Например, Дж. Кейнс ищет объяснение неравномерности экономического процесса в изменчивости психологических мотивов предпринимателя и покупателя. И все же при всей этой изменчивости он находит «основной психологический закон»: люди увеличивают свое потребление с ростом дохода, но не прямо пропорционально его росту. Поэтому спрос зависит не столько от платежеспособности, сколько от психологической склонности к потреблению и сбережению, соотношение которых является переменной величиной. Экономическая концепция Кейнса направлена на устранение этой переменчивости посредством мер государственно-монополистического регулирования (налоговой, инфляционной политики, субсидирования предпринимателей из госбюджета и др.). В ходе государственного вмешательства экономика претерпевает своего рода натурализацию посредством поддержания должных количественных соотношений постоянного набора факторов, влияющих на воспроизводство.

Наряду с этой натуралистической, хотя и искусственно сконструированной экономической моделью в теориях государственно регулируемой капиталистической экономики имеются (и преобладают) культур-центристские подходы, берущие свое начало в исторической школе М. Вебера, Б. Зомбарта, Г. Шмоллера. Эти немецкие социологи и экономисты составили наиболее откровенную оппозицию классической политической экономии как источнику марксизма и самому марксизму. Исторические условия Германии начала века отличали ее от других стран: буржуазное государство уже тогда вмешивалось в экономику, а рассмотрение истории как духа народа, воплощенного в государстве, придавало этому вмешательству оправдание. Концепции исторической школы в экономике получают все большее влияние по мере роста государственного регулирования экономики в других странах.

Историческая школа в экономике совершенно сознательно ориентирована на культур-центристскую программу, в формировании которой представители этой школы приняли заметное участие. При всех различиях конкретных экономических построений общим для названных экономистов является убеждение в социально-культурной специфике экономической науки, которая, в отличие от естествознания, ищет не причинные связи и их объяснения, а понимает мотивы, цели, способы поведения действующего индивида. В экономике человек (общество) изучает сам (само) себя, и *тождество субъекта деятельности и субъекта познания как ведущий методологический принцип культур-центристской исследовательской программы* полностью перенесено в методологию экономической науки. Историческая школа политэкономии использовала классификацию жизненных проявлений, данную В. Дильтеем. Согласно этой классификации жизненные проявления могут быть представлены как, во-первых, логические построения (понятия, суждения и др.), во-вторых, как действия, в-третьих, – как переживания. Первый класс проявлений осуществляется в естественных науках и, по мнению Дильтея (признанному ныне ошибочным) не предполагает понимания как особого метода, ибо понимающий суждение не может это сделать иначе, чем тот, кто его высказал. Содержание логических идей рассматривается Дильтеем как однозначно заданное. Здесь автоматически достигается полное понимание, имеющее элементарный характер. Область собственно понимания, требующая овладения его высшими интуитивными формами – это переживание⁴⁷.

Экономическая наука изучает жизненные проявления второго рода – действия людей как одностороннее выражение душевной жизни. Действие не предназначено для сообщения о мотивах, которые к нему привели, и все же может быть понято на основе предполагаемых мотивов.

Г. Шмоллер поставил себе задачу анализа меняющихся способов деятельности агентов экономических отношений с учетом совокупности психологических, географических, экономических и пр. факторов. Внеэкономические аспекты экономической деятельности

⁴⁷ Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. 7. Leipzig; B., 1925. S. 205–220, 320.

были главным предметом его интересов. Экономические изменения рассматривались им как следствия изменений тех содержаний душевной жизни, которые человек проявляет в экономике.

В. Зомбарт отрицал экономические законы и ставил характер экономической деятельности и институтов в зависимость от места и времени. Как отмечает Б. Селигмен, Зомбарт «...исходя из метода исследования “культуры”, ...хотел обнаружить стремления и цели, характерные для каждого общества»⁴⁸. Экономическая система, по Зомбарту, является воплощением хозяйственного духа, обладающего культурно-созидательной ролью. Поэтому экономическая деятельность должна быть не просто изучена, а понята.

М. Вебер в своей более рационалистической теории хозяйства стремился к превращению политической экономии в строгую науку, способную вместе с тем понимать. Но его «идеальный тип» становится методом обнаружения уникальных аспектов, присущих конкретной исторической ситуации»⁴⁹. Вводя «актуальное понимание», М. Вебер действительно делает шаг к распространению этого метода на естественные науки, который в полной мере мог быть продолжен при приложении культур-центристской исследовательской программы к естествознанию. В экономике М. Вебера интересуют институциональные аспекты экономической деятельности, связь религии, социологии и экономики. В основе развития капитализма, по мнению М. Вебера, лежит развитие «духа капитализма», на который оказывают влияние религиозные идеи.

Наряду с культур-центристскими концепциями государственно регулируемой экономики можно найти технико-центристские (Дж. Гэлбрейт), знаменующие поворот от культур-центризма к сциентизму, своего рода новому натурализму⁵⁰. На этом примере обнаруживается диалектика натуралистической и культур-центристской программ: вторая вырастает из первой и вновь возвращается к ней. Утилитарное отношение к культуре приводит к тому, что взгляд на культуру как логически первое в сравнении с природой вновь уступает место поискам в обществе присущего природе равновесия.

⁴⁸ Селигмен Б. Указ. соч. С. 32.

⁴⁹ Там же. С. 40.

⁵⁰ Колтаков В.А. Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания. М., 2008. С. 86–138; Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени / Под. ред. С. Бродберри и К. Рурка. Т. 2. 1870 – наши дни. М., 2013.

Работу натуралистической и культур-центристской исследовательских программ без особых трудностей можно видеть на примере психологических учений, о чем уже шла речь при обсуждении вопроса о построении самостоятельной психологической исследовательской программы. М.Г. Ярошевский убедительно показал, что психика, являясь, одновременно, проявлением биологического и социального, нередко получает в психологии интерпретацию посредством физиологической редукции или эпифеноменализма. Он подчеркивает наличие различных исследовательских программ в психологической науке, в том числе и у отдельных ученых своих собственных исследовательских программ, где имеется «...относительно инвариантное содержание, сконцентрированное благодаря усилиям всего научного сообщества»⁵¹. При сравнении различных исследовательских программ в психологической науке наблюдается тенденция к преодолению идеализма на основе натурализма. Влияние культур-центристской программы с присущим ей методом понимания проявляется в экзистенциальной психологии (Г. Олпорт, А. Маслоу), в социально-психологических направлениях.

Названные исследовательские программы действуют во всех общественных (а ныне и многих естественных) науках и методологически организуют обществознание, доводя соответствующие философские и мировоззренческие установки до уровня частных общественных наук.

В настоящее время в методологии заметна тенденция критики односторонности названных исследовательских стратегий и нахождения способов их совмещения. Однако подобные поиски не приводят к синтезу этих подходов, создавая своего рода их интерференции, которые отличаются наличием неснятого противоречия⁵².

Данная глава раскрывает предпосылки организации науки, создающие как возможности саморегуляции, так и управления. Они по-разному действуют при избрании разных методологий – следования объясняющим или понимающим подходам, в естественных, общественных и технических науках.

⁵¹ *Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии: теоретические проблемы развития психологической науки. М., 1974. С. 19.

⁵² См.: *Albert H.* Die Einheit der Sozialwissenschaften// *Logik der Sozialwissenschaften* / Hrsg. V.E. Topisch. Königstein; Ts., 1980. S. 53–70.

ГЛАВА III. КОНЦЕПЦИЯ ФИНАЛИЗАЦИИ НАУКИ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ОБЩЕСТВОМ

В условиях научно-технической революции 1970-х гг. произошли серьезные сдвиги во взаимодействии науки и практики. Изменения характеризовались прежде всего технологическим применением фундаментальных естественных наук, которое изменяет традиционный взгляд, разделяющий науки на прикладные и фундаментальные. Если мосты строились издревле без теоретической механики, попытка полета могла быть предпринята без аэромеханики, урожай выращивался без агрохимии, то полет в космос основывался на научных данных и без них не мог возникнуть, не мог возникнуть без Циолковского, без теории, дающей скорости отрыва от Земли. Генная инженерия не могла возникнуть без генетики, атомная энергетика – без теории атома, вычислительная техника без булевой алгебры, без развития мате-матики. НТР – это технологическое применение фундаментальных наук. Обнаружилось также, что применение знаний оказывает влияние на процесс их формирования, а «возможность функционирования получаемого знания в различных контекстах должна определяться самой природой знания»⁵³. Для социального философа эти процессы выступают как закономерный этап развития науки, подлежащий пристальному изучению. По крайней мере, приходится искать новые категории, не ограничиваясь разделе-

⁵³ Юдин Б.Г. Методологический анализ функционирования знания // Вопр. философии. 1982. № 8. С. 101.

нием знания на фундаментальное и прикладное, и изучать изменения в формировании и функционировании знания, его взаимоотношениях с обществом.

Финализация науки

Эти обстоятельства привлекли внимание западных методологов, социологов, особенно немецких. В Германии после Второй мировой войны имелся определенный опыт государственного вмешательства в управление наукой⁵⁴. Это делало их ситуацию и их идеи в некотором отношении сходными с российскими (хотя при временном различии – в 1980-х в Германии и сейчас в России) и приводило к проблемам реформ в организации науки. Оба периода характеризовали одновременно сложившееся в этих странах сходство ситуаций.

Одной из наиболее обсуждаемых социально-философских и одновременно социологических концепций науки в 1980-ые гг. была концепция науки, развитая Штарнбергской группой (Г. Бёме, впоследствии Директор Института философии во Франкфурте на Майне, В. Деле, Р. Холфелд, В. Крон и В. Шэфер). Эта исследовательская группа была организована в рамках института им. Макса Планка (Штарнберг). История этой группы по существу закончилась, но не закончилось ее значение для современного осмысления взаимоотношений науки и общества, анализа типов социального знания, формирующихся, в отличие от социального знания в публичном пространстве, институционально – как, условно говоря, академическое социальное знание, развиваемое по внутренней логике, и доакадемическое или постакадемическое – ориентированное на практические цели.

Первые публикации группы относятся к началу 1970-х гг.⁵⁵ *Финализацией* Штарнбергская группа называла процесс формирования теорий под влиянием внешних целей. Он осуществляется не всегда. В концепции *финализации* выделяются три стадии разви-

⁵⁴ *Langegger M.* Das Wissenschaftsverständnis der Bundesforschungspolitik. Seine Entwicklung in den 1962–1975. Erlangen, 1978.

⁵⁵ *Bohme G., van den Daele W., Krohn W.* Finalisierung der Wissenschaft // *Zeitschrift für Soziologie.* 1973. № 2. S. 128–144.

тия науки. На первой – *предтеоретической* – преобладают эмпирические методы и способы описания и отбора данных, а так же, как кажется сейчас, публичное знание. На второй стадии – *парадигматической* – осуществляется построение теории. Оно подчинено таким исследовательским идеалам, как повышение точности воспроизведения объекта в теории, улучшение согласованности с фактами, установление соответствия между теориями, и др. Факторы, определяющие формирование парадигмы, являются внутринаучными. Развитие науки по внутренней логике характерно для построения фундаментальных теорий. Они являются теоретически завершенными дисциплинами, способствующими переходу науки на третью стадию – *постпарадигматического* исследования. Здесь направление исследования определяется не проблемами теории, а внешними целями, выполняющими функцию регуляторов дальнейшего развития теорий. Логическое развитие теорий продолжается не автономно, а под влиянием общественных целей. Многообразие внешних условий создает возможность развития теоретических альтернатив⁵⁶.

Авторы данной концепции подчеркивали, что последнюю стадию они не рассматривают как приложение фундаментальной теории к решению некоторой задачи. Речь идет о способах развития дисциплины, о генерировании новых теорий на основе фундаментальной. Понятие финализации, по мнению представителей Штарнбергской группы, дает более адекватную характеристику связи науки с внеаучными социальными, политическими, военными и экономическими целями, чем понятие «прикладное исследование». Теории, возникающие под влиянием внешних целей, не сводятся к фундаментальным и не выводятся из них, и вместе с тем они не могли бы быть получены без фундаментальной теории. Концепция формирования новой теории под влиянием внешних целей отрицает интернализм, не признающий социальное влияние на развитие науки или ограничивающим его. Интернализм отрицает социальную и институциональную позиции, присущие постакадемической науке, развитие которой стимулируется внешними, а не внутринаучными целями. Призна-

⁵⁶ Bohme G., Daele W. van den, Krohn W. Alternativen in der Wissenschaft // Zeitschrift für Soziologie. 1972. № 4. S. 302–316.

ние регуляции развития научной теории внешними целями имеет ценностное содержание: в концепции финализации звучит требование «соответствия понятийных структур и результатов совокупности общественных интересов»⁵⁷.

Знание задач применения будущих теорий, их функций превращается в методологический регулятив научного исследования, самого построения этих теорий.

Наиболее важным для определения перспектив концепции финализации было уяснение вопроса о том, считали ли ее авторы понятие «прикладного исследования» неадекватным современной стадии развития науки или в целом отрицали его значимость? Иными словами, являлась ли концепция финализации ответом на некоторые новые аспекты взаимодействия науки и общества, науки и практики или она претендовала на универсальное историческое объяснение этих отношений?

Представители Штарнбергской группы различали связь науки с внешними целями, имеющую место на протяжении всей ее истории и связь типа «финализации», которая возникает лишь в конце XIX в. и особенно активно проявляется в XX и, добавим, в XXI в.

До определенных пор (хронологически этот период четко не фиксируется) в науке, считали представители Штарнбергской группы, действовала «дарвиновская модель» внутренней эволюции и решающую роль играли внутринаучные методологические регулятивы⁵⁸. Снижение веса внутренних факторов развития науки обусловлено, по мнению ученых Штарнбергской группы, рядом причин: необходимостью согласования теоретической стороны исследования с внешними целями; тенденцией к уменьшению возможностей генерализации знания из-за перехода от универсальных к специализированным теориям; происходящим под влиянием практических задач движением от каузальных к функциональным связям в науке; увеличением сложности систем, описываемых наукой; соизмеримым с объяснительной силой науки и даже превосходящим ее использованием ее достижений для специфических целей.

⁵⁷ Bohme G., W. Daele W. van den, Krohn W. Finalisierung der Wissenschaft. S. 143.

⁵⁸ Утверждая, что процесс финализации начался в конце XIX в., Штарнбергская группа в то же время по всему контексту своей концепции явно предполагала его неразрывную связь с современными процессами.

Эти причины приводят к тому, как считали исследователи данной группы, что *эволюционное развитие в науке сменяется социальным управлением наукой*. На стадии финализации альтернатива выбирается не путем «естественной» внутринаучной эволюции, а посредством сознательной постановки внешних целей, с учетом всех приоритетов, в которых заинтересовано общество. Это *характеризует состояние науки как неклассическое, с одной стороны, и постакадемическое, с другой*. При этом, на мой взгляд, понятие постакадемической науки становится более адекватным прежним терминам, например, понятию «прикладное знание». Сознательно, путем управления знанием со стороны государства и институтов управления наукой осуществляется стремление к повышению ее эффективности. Этому соответствует сегодня политика в отношении науки в России, мотивированная, хотя и не всегда верно, стремлением снять имеющийся «перекос» в сторону академических, фундаментальных отраслей науки и финансовыми обстоятельствами. Штарнбергская группа дает, в конечном итоге, пример разочарования в том способе управления наукой, который она выдвинула и глубоко разделяла.

В упомянутой программной статье авторы, представляющие концепцию Штарнбергской группы, указывали несколько исторических условий финализации: объекты, имеющие отношение к экономическим, военным, медицинским и другим проблемам, сами выделены в результате научных исследований; обращение с ними и управление ими невозможно на основе навыков донаучного характера; в ряде случаев теоретическое освоение определенных областей знания является той формой, которая связывает науку и внешние для нее цели. Это предполагает «онаучивание» специфических объектных областей, а не простое приложение результатов, достигнутых в других областях; онаучивание областей, обращение к которым определено внешними целями, базируется на «зрелых» теориях. В рамках объяснительных программ этих теорий сформулированы законы, которые могут быть использованы для предсказаний, касающихся предмета теории; благодаря той роли, которую наука стала играть в увеличении «научно-технической сложности общества», возрастает зависимость общества от дальнейшего научно-технического прогресса.

Такова в основных чертах концепция финализации Штарнбергской группы. Она является и поныне одной из созданных в Германии концепций социальной философии науки и способом ее социологического изучения, нашедшей немалый резонанс и в других странах Запада. Уже когда сами авторы этой концепции обнаружили в ней некоторые изъяны, их статьи начали публиковаться в США. На первый взгляд, это кажется удивительным: социология науки Штарнбергской группы многое заимствует из концепции Т. Куна, интерес к которой уже прошел и слабости которой достаточно выявлены⁵⁹.

На мой взгляд, два обстоятельства обусловили чрезвычайный интерес к концепции финализации сначала в Германии, а затем в других странах⁶⁰.

Во-первых, концепция Штарнбергской группы предполагала, в отличие от теории Куна, не историко-теоретическую, а историко-социологическую реконструкцию науки. Специфика последней состоит в том, что каждая из фаз развития науки определена не с точки зрения исторического состояния науки, а с позиций отношения общества к становлению теории. Логика развития науки оказывается социально обусловленной, а концепция Штарнбергской группы в точном смысле слова становится социальной философией науки. Естествознание утрачивает свои специфические черты в сравнении с обществознанием, ибо оно, как и науки об обществе, социально обусловлено и социально произведено. Потребность социальной философии науки, как и социологии науки в концептуальном представлении взаимоотношений науки и общества, доведенном до выводов относительно когнитивных параметров научного знания, очень велика. Она вызвана тем, что интенсивное взаимодействие науки и общества, их взаимовлияние в условиях НТР и тем более позже, на стадии постиндустриального общества и реиндустриализации, не получило должного теоретического ото-

⁵⁹ Первая фаза развития науки в концепции финализации – предтеоретическая – была воспринята как соответствующая «предпарадигмальной» стадии науки Куна. Вторая характеризуется появлением парадигмы. «Зрелая теория» напминает «нормальную» науку Куна.

⁶⁰ Переводы работ Бёме и других представителей Штарнбергской группы на английский и французский язык появляются и активно обсуждаются, начиная с 1975–1977 гг. по настоящее время.

бражения. Назрела также необходимость выявить зависимость между социальной организацией науки и ее когнитивной структурой. Это отвечало духу второго организованного модерна с его организованным капитализмом.

Во-вторых, в Германии 1980-х преобладали исследования вопросов об управлении наукой, о политике в области науки, о соотношении науки и политики. Идея социально организованной науки получила в немецкой литературе перевес над концепцией «свободной от ценностей» и саморазвивающейся науки, но господствующее значение имели плюралистические схемы политической регуляции науки. Многие работы базировались на чисто эмпирической основе. Штарнбергская группа в известной мере противостояла названной ориентации, она вводила более жесткие нормы регулирования и социальной организации науки, чем просто «демократическая дискуссия» или плюрализм как признание одновременно существующих нескольких линий развития, и не удовлетворялась эмпирическим описанием соотношения науки и общества.

Специалисты, разделяющие эти интенции группы, оказали ей поддержку. Так, П. Вайнгардт, известный критикой как интернализма, так и экстернализма и попытками построения такой социологии науки, которая бы позволяла судить и о когнитивных структурах, начинает публиковаться вместе со сторонниками концепции финализации⁶¹.

Критика концепции финализации

Идея социального управления наукой, выходящая за рамки плюралистических схем, сделала концепцию финализации предметом критики различно политически ориентированных специалистов. Эта критика осуществляется как «слева», так и «справа»⁶². Критика «слева» требовала не приспособления науки к уже имею-

⁶¹ Деле В. ван ден, Вайнгардт П. Сопrotивление и восприимчивость науки к внешнему руководству: возникновение новых дисциплин под влиянием научной политики // Научная деятельность: структура и институты. М., 1980. С. 161–199.

⁶² См.: The «Finalisation» Debate in Germany: Some Comments and Explanations // Social Studies of Science. 1979. Vol. 9. № 1. P. 115–124.

щимся в обществе целям, а изменения самих этих целей. Например, Р. Чидель, обсуждая один из наиболее острых для Германии того времени социологических вопросов науки – о возможности применения атомной энергии в мирных целях и сомневаясь в способности немецкого общества верно ориентировать науку, считал концепцию финализации бесконфликтной, излишне уповающей на автономность развития науки⁶³. Критики «слева» занимали леворадикальные или антисциентистские позиции. Очень часто и неожиданно обе эти ориентации совпадали.

Критика «справа» весьма многообразна: от неоконсерватизма до неолиберализма. Она исходила из идеи независимой от общества науки, из представлений о ее саморазвитии, интерналистских схем. Политическая оценка концепции финализации во всем многообразии представлена в книге «Политические требования к науке»⁶⁴. Позиции неоконсерваторов и неолибералов сближаются в отрицании возможности регуляции развития научной теории посредством социально обозначенных целей, общественной практики. Их сближение происходит по линии решительного отказа от тех аспектов концепции финализации, которые близки марксистскому взгляду на науку. Штарнбергская группа обращалась к марксизму как своему источнику. Это делало нападки на нее со стороны социологов очень острыми и одновременно требовало ответа. Марксизм не был единственным источником концепции финализации. Надо отметить, что Штарнбергская группа и ее немецкие критики относили к марксизму не только учение К. Маркса, но и социологию знания М. Вебера и позицию Франкфуртской школы. Представления о марксизме у научной интеллигенции Германии были весьма расплывчатыми в связи с множеством направлений, выступающих от имени «подлинного» марксизма. Социальная философия науки и социология знания представляли собой реакцию на марксизм, сопровождающуюся усвоением некоторых его принципов. Франкфуртская школа известна своей неомарксистской, ревизионистской ориентацией, претензиями на «аутентичное» выражение марксизма. Недифференцированное отношение Штарнбергской группы к данным течениям приводило оппонентов к од-

⁶³ *Tschiedel R.* Zur Theorie der Orientierung von Wissenschaft. Munster, 1976. S. 34.

⁶⁴ *Die Politische Herausforderung der Wissenschaft.* Hamburg, 1976.

новременной критике не только концепции финализации, но и всех ее «корней», которые функционировали в духовной жизни Германии самостоятельно (марксизма, социологии знания, Франкфуртской школы, в особенности принадлежавшего к ней в то время Ю. Хабермаса и всех других течений, допускающих социальное вмешательство в развитие науки). Оппоненты не скрывали своей озабоченности прежде всего политической стороной вопроса.

Попытки обосновать необходимость планирования науки были неотделимы для критиков «справа» – неоконсерваторов Г. Люббе, Г. Радницкого, Е. Топича от «террора», «догматизма», «нетерпимости» и для неолибералов Н. Лобковича, Г. Андерсона, К. Хюбнера от нежелательной политизации науки, разрушения «либерального» отношения к ней. Они были обеспокоены возможностью узурпации управленческих функций какой-либо частью общества и использованием планирования в политических целях. Определенность позиции неоконсерваторов, их резкая враждебность марксизму, социализму с характерными для него организацией и социальным управлением наукой привела их к тотальной политической критике всех точек зрения в немецкой социологии науки, признающих ее социально-зависимое развитие. Позиции многих сторонников этого подхода неоконсерваторы не подвергали дифференциации и научной критике с разбором теоретических аргументов критикуемой стороны.

Неолиберальная критика была более изоцирена. Ее отличала, прежде всего, определенная направленность, выбор той концепции в общей амальгаме взглядов на зависимость развития науки от общества, которая представлялась наиболее политически опасной и теоретически необоснованной. Так, Н. Лобковиц сосредоточился на критике взглядов Ю. Хабермаса. Последний без детальной апробации своих взглядов на материале конкретных наук попытался в духе социологии знания обосновать методологические принципы исследования познавательной деятельности путем указания на ее связь с интересами⁶⁵. Лобковиц считал, что позиция Хабермаса подготовила концепцию финализации⁶⁶. Он отмечал, что правильность теории не зависит от того, каким интересам она служит.

⁶⁵ *Habermas J.* Erkenntnis und Interesse. Fr. a/M., 1968; *Idem.* Theorie und Praxis. Neuwied, 1963.

⁶⁶ *Lobkowitz N.* Erkenntnisleitende Interessen // Die Politische Herausforderung der Wissenschaft. 1976. S. 55–65.

Другой либеральный критик, Г. Андерсон был не согласен с предпосылкой Штарнбергской группы о том, что для финализации – развития науки под влиянием внешних целей – обязательно требование закрытости теорий⁶⁷. Но его критика положения о закрытости теорий была явно индуцирована политическими аналогиями с «закрытым» обществом. Он прямо пишет: «...политический радикализм не может терпеть автономию науки. История как левого, так и правого радикализма дает многочисленные примеры этого»⁶⁸. Во всех концепциях такого рода, по мнению автора, вначале «конструируется» противоречие между наукой и жизнью людей, а затем предпринимаются попытки его устранить посредством планирования науки.

Среди прочих Андерсон выдвинул аргумент, приведший Штарнбергскую группу к уточнению своих позиций: говоря о закрытой теории, авторы концепции финализации фактически утверждают наличие готовых дисциплин, в которых уже решены все существенные проблемы. Представление о готовых дисциплинах следует, по Андерсону, из признания конечности фундаментальных проблем. Он обвиняет Штарнбергскую группу в наивном реализме, недооценивающим сложность теоретического отображения действительности.

Андерсона не удовлетворяет отношение к применению науки как к политической проблеме. Но в своих требованиях сохранить автономию науки он делает существенные оговорки, отличающие его критику тезиса о социально обусловленном развитии науки от неоконсервативной точки зрения: «Защита автономии фундаментальных исследований не означает, что ориентированные на применение исследования также должны быть автономны. Это было бы экстремальной позицией, представлять которую несерьезно. Либеральная позиция пытается защитить только автономию фундаментальных исследований, а не автономию исследований вообще»⁶⁹.

Эта критика не совсем точна: ведь Штарнбергская группа признавала автономное развитие науки как одну из фаз, характерную фундаментальных дисциплин. Андерсон справедливо полагал, что

⁶⁷ Andersson G. Freiheit oder Finalisierung der Forschung? // Die Politische Herausforderung der Wissenschaft. 1976. S. 66–76.

⁶⁸ Ibid. S. 66.

⁶⁹ Ibid. S. 74.

интерес к проблеме социальной обусловленности науки вызван отрицательными последствиями научно-технического прогресса, которые не могут быть устранены лишь посредством науки и техники. Но чтобы такое заявление не прозвучало слишком «радикально», он добавлял, что сектор автономной науки способен лучше решить имеющиеся проблемы, чем управляемая обществом наука.

В либеральной оценке Штарнбергской группы наличествует уже теоретическая критика, хотя и не лишенная политической окраски. Сходную позицию имел К. Хюбнер, для которого идея социально контролируемой науки, изложенная в концепции финализации, представляла собой «особый пароль, который все больше определяет духовную и научно-политическую атмосферу в нашей стране»⁷⁰. (Сегодня этот «пароль» появляется и в России.) Хюбнер отмечает, что еще несколько лет назад требование финализации не могло возникнуть⁷¹. (В настоящее время это близко и к российской ситуации.) Финализация науки для Хюбнера однозначно было связанным с ее политизацией. «Рациональный консенсус» относительно целей науки представлялся ему «дарвиновской» борьбой за выживание, ибо нет инстанции, способной определить, какие цели более соответствуют интересам общества. Хюбнер занимал срединную позицию между неоконсерватизмом и неолиберализмом.

Это видение в высшей степени было характерно для Г. Альберта, по мнению которого идеал научности связан с двумя регуляторами – идеей истины и идеей свободы от ценностей. Идею примата воли – интересов, потребностей, ценностей он считает характерной для прагматических позиций, а также для «политической практики... равным образом как левой, так и правой сторон политического спектра»⁷². Вместе с тем, он отмечает, что хотя бессмысленно отрицать влияние внешних целей, но следует признать его нежелательным.

Будучи участниками рабочей группы «Исследования науки в ФРГ», названные критики совместно выступили против концепции финализации. Многие критически оценивали политические

⁷⁰ *Hubner K.* Die Finalisierung der Wissenschaft als allgemeine Parole und was sich dahinter verbirgt // *Ibid.* S. 89–96.

⁷¹ *Ibid.* S. 89.

⁷² *Albert H.* Die Idee der Wahrheit un der Primat der Politik: Uber die Konsequenzen der deutschen Ideologie fur die Entwicklung der Wissenschaft // *Ibid.* S. 149–158. Hier S. 153.

аспекты идеи социально организованной науки. А. Димер указывал на «три болезни» современной науки – политизацию, педагогизацию и администрирование, которое он сравнивал с туберкулезом⁷³. Опыт Штарнбергской группы показал, что опасения не были напрасными. Они все больше касались самого общества, превращая дискуссию о науке в спор по поводу его проблем.

Ф. Тенбрук критикует излишнюю заорганизованность науки, ее «легитимизацию», «рутинизацию», уменьшение творческих возможностей ученых, тотальное онаучивание общества⁷⁴.

Многие критики Штарнбергской группы подчеркивали, что ее модель имеет не только позитивный, но и критический смысл, предполагающий институциональную перестройку науки. В этом – коренная причина политических нападков на группу. В значительной своей части политизированная немецкая социология науки не подверглась ожесточенным нападкам, поскольку ее притязания ограничивались «подрегулированием» существующего института науки.

С нашей точки зрения, гораздо большее влияние, чем Ю. Хабермас, на Штарнбергскую группу оказал П. Вайнгардт, сформулировавший идеал когнитивной социологии науки. Но он остался в плоскости академических размышлений, не затрагивающих реальную науку, в то время как Штарнбергская группа указывала «опасные» перспективы институциональных изменений. Либеральное кредо в оценке Штарнбергской группы кратко можно изложить так: *доведение результатов теоретического развития науки до регулируемого обществом применения не является универсальной чертой науки и не способно осуществиться во всем мире и во всех отраслях. Эта черта в отдельных случаях свидетельствует о развитии науки, но чаще всего – о ее упадке.*

Итак, Штарнбергская группа оказалась в центре идеологической и политической критики «слева» и «справа», причем критика «справа» обнаружила свой широкий политический спектр (неоконсерватизм, неолиберализм, промежуточная позиция). Научная контраргументация выдвигалась умеренными и либеральными «правыми» критиками, но и она была подчинена политическим целям.

⁷³ Diemer A. Dreikrankheiten des aktuellen Wissenschaftsbetriebes // Ibid. S. 187.

⁷⁴ Tenbruck F.H. Wissenschaft und Vermissenschaftlichung // Ibid. S. 213–220.

Понятие зрелой, завершенной, замкнутой теории

Однако на одной из аргументаций стоит остановиться. Прежде всего, на аргументе о финализации как стадии развития науки в целом, «обязательном» характере этой фазы. Подвергался сомнению тезис о том, что финализации предшествует достижение теориями зрелости, завершенности, замкнутости. Понятие замкнутой теории представлялось недостаточно ясным, равно как и тезис о том, что именно замкнутость теорий является условием финализации. Многие критики задавали вопрос, почему финализации не могут быть подвергнуты открытые теории⁷⁵.

Понятие зрелой, завершенной теории встречалось в ряде работ других авторов. Его истоки коренились в концепции «замкнутых теорий» В. Гейзенберга, который выделяет четыре замкнутые теории: механику Ньютона; теорию Максвелла со специальной теорией относительности; учение о теплоте и статистическую механику; квантовую механику с атомной физикой и химией. Замкнутые теории, по В. Гейзенбергу, отличаются отсутствием внутренних противоречий, полнотой, опытным установлением границ применимости, пригодностью для всех времен⁷⁶. Эти теории не подвергнутся изменениям.

Г. Бёме, В. Деле, Р. Холфельд предприняли попытки уточнения понятия замкнутой теории. Они апеллировали не только ко взглядам В. Гейзенберга, но и К. Вайцзеккера⁷⁷. В сущности позитивная часть их понимания сводилась к тому, что это – теории, которые полностью исчерпали описываемую ими эмпирическую область. Негативная часть определения замкнутых теорий состоит в том, что это – теории, которые не могут быть устранены научной революцией. А если так, если они завершены, а предполагалась в целом завершенность фундаментального знания, то новым тео-

⁷⁵ Здесь, на наш взгляд, не вполне понята специфика социального регулирования науки, именуемая финализацией. Если теория открыта, полагает Штарнбергская группа, то у нее сохранен потенциал саморазвития. Она может быть применена. Если теория замкнута, то она уже не саморазвивающаяся. Финализация – это формирование новой теории под влиянием внешних целей. Но действительно не ясно отличие приложений открытой теории (они ведь тоже могут быть связаны с появлением новых теорий) от развития «замкнутых» теорий под влиянием внешних целей.

⁷⁶ Heisenberg W. Schritte über Grenzen. München, 1971. S. 87–94.

⁷⁷ Weizsacker C.F. Die Einheit der Natur. München, 1971.

риям ничего не остается, кроме как формироваться под влиянием внешних целей. Получается, что зрелость, замкнутость теории устанавливается только ретроспективно (исторически), когда уже зафиксировано развитие науки под влиянием внешних целей. По крайней мере, факт влияния внешних целей оказывался более легко установимым, чем замкнутость теорий.

Иллюстрируя неопределенность рассматриваемого понятия «замкнутая теория», а также нехватку подтверждающего его значимость материала из истории науки, Бёме отмечал, что замкнутость теории характеризуется тремя критериями: завершенностью концептуального аппарата и исчерпывающим значением понятий и принципов для анализа определенного круга явлений; применимостью лишь для определенной эмпирической области; неизменяемостью во времени⁷⁸. Хотя тут повторены, по сути, критерии замкнутости теорий Гейзенберга, количества замкнутых теорий предполагалось много большим. Например, в качестве примера замкнутой теории приводится теория Навье–Стокса, дающая дифференциальные уравнения несжимаемой вязкой жидкости в классической гидродинамике. Для жидкостей этого рода уравнения Навье–Стокса сохраняют свою неизменную применимость. Жидкости, которые они описывают, называются классическими. Отнесение жидкостей к этому классу осуществляется эмпирическим путем, т. е. эмпирически выделенный круг явлений характеризует применимость теории. В иных случаях замкнутые теории характеризуют условия возможности определенного опыта⁷⁹, что считалось применимым и к социально-гуманитарным наукам. Названные уточнения оставляют большую степень неопределенности относительно критериев замкнутости теорий⁸⁰. Это отмечается рядом исследователей (в том числе и из других стран), считающих,

⁷⁸ Bohme G. On the Possibility of «Closed Theories» // *Studies in History and Philosophy of Science*. L., 1980. Vol. II. № 2. P. 163–172.

⁷⁹ Ibid.

⁸⁰ В советской литературе высказано мнение, что устойчивость так называемых замкнутых теорий и их особое положение в науке не могут в полной мере гарантировать полное отсутствие в них внутренних импульсов к постановке новых проблем (См.: Филатов В.П. Критическая оценка тезиса «финализации» // Структура и развитие научного знания. Системный подход к методологии науки: Материалы к VIII Всесоюз. конф. «Логика и методология науки». Вильнюс, 1982. С. 159; Он же. Социальная детерминация науки и феномен «финализации» // Социальная детерминация познания: Тез. докл. науч. конф. Тарту, 1982. С. 87).

что понятие зрелости должно явно поддаваться распознаванию и указывать на исторические условия финализации. Без этого нельзя установить, чем теория, подвергшаяся финализации, отличается от прикладной науки. Не ясно, являются ли критерии замкнутости, выдвигаемые Штарнбергской группой, эпистемологическими или социологическими.

Критика концепции Штарнбергской группы связана также с большой неопределенностью других понятий, например, понятия «внешние цели». Не ясно, например, могут ли в качестве внешних выступать цели другой теории. Неточно определен объект, который финализируется, – наука ли это в целом или отдельная дисциплина. Не учитывается разная степень теоретичности различных дисциплин. Поэтому гейзенберговский критерий полной математической определенности системы не может быть перенесен из физики в другие науки. Не вскрыты переходы от одной фазы развития науки к другой. Критикуется представление о замкнутости теорий в связи с тем, что эмпирическое поле всегда больше теоретического и может по-разному структурировать теории. Отмечается невыявленность механизма финализации; не ясно, кто и как ставит внешние цели. Непонятно место социальных наук в процессе финализации и специфика финализации в различных науках. Штарнбергскую группу упрекали также в редукции науки к техническим интересам.

Концепция финализации была оценена в западной социологии науки как экстерналистская. Эта оценка не совсем точна: по крайней мере, вторая фаза развития науки описана как раз интерналистски, и только последняя явным образом экстерналистски. Представители Штарнбергской группы проявили сильное стремление к преодолению этих крайностей, но оно реализовалось несколько механически, путем выделения интерналистской и экстерналистской фаз.

Ответ на критику

Ответом на критику стали разъяснения представителей Штарнбергской группы, несколько изменяющие их прежние взгляды. Были предложены уточнения, свидетельствующие о развитии

некоторых положений концепции финализации и даже об отказе от других в многочисленных журнальных статьях, а также в ряде книг. Ведущими среди них явились сборники статей «Экспериментальная философия», первый том которого «Общественная ориентация научного прогресса» отличался наиболее радикальной коррекцией концепции финализации⁸¹. До сих пор представляет интерес конкретный анализ примеров из истории науки, данный в книге «Запланированные исследования»⁸².

Отмежевываясь от упреков в экстернализме в первой книге, авторы показывают, что они всегда понимали социальную обусловленность первых двух фаз развития науки, при которой наука получила возможность автономного развития: «Разделение познания природы и нормативной рефлексии – отграничение науки от политики, морали, социальных реформ и религии – является историческим компромиссом, заключенным не только по научным основаниям, но также путем рефлексии институциональных шансов науки... внутренняя история науки имеет внешние источники»⁸³. Эта основная мысль книги, вынесенная на обложку, показывает расширение круга обязательств, которые брала на себя когнитивная социология Штарнбергской группы: не только показать зависимость содержания науки от социальных особенностей производства научного знания, но и выяснить социальные условия, при которых когнитивные структуры могут обладать определенной независимостью. *Саморазвитие науки оказывается следствием предоставляемых обществом возможностей, а интерналистские концепции выступают не более, чем дозволенное самими социальными условиями развития науки упрощение.* Эти весьма интересные соображения авторы книги подробно иллюстрируют на примере науки Ренессанса, институционализации и становле-

⁸¹ Bohme G., Daele W. van den, Krohn W. Experimentelle Philosophie: Ursprungen-autonomer Wissenschaftsentwicklung. Fr. a/M., 1977; Starnberger Studien I: Die gesellschaftlichen Orientierung des wissenschaftlichen Fortschritts. Fr. a/M., 1978.

⁸² Geplante Forschung. Vergleichende Studien über den Einfluss politischer Programme auf die Wissenschaftsentwicklung. Hrsg. W. van den Daele, W. Krohn, P. Weingart. Fr. a/M., 1979.

⁸³ Bohme G., Daele W. van den, Krohn W. Experimentelle Philosophie. S. 8. См. также: Daele W. van den. Autonomie contra Planung: Scheingefecht um der Grundlagenforschung // Wirtschaft und Wissenschaft. 1975. Heft 2. S. 32.

ния позитивных наук во второй половине XVII в., когнитивного размежевания естествознания и ньютоновской математической натурфилософии.

При этом концепция финализации сохраняет методологическое значение для решения названных проблем. Она представляет большой интерес для историков, социологов и философии науки, но во многом она – уход от обсуждения тех теоретических проблем, которые были подняты критикой. Концепция финализации здесь сама по себе не является предметом обсуждения, а рассмотрена как один из возможных вариантов перехода к постакадемической науке. Требуется определенные усилия для ее экспликации из содержательного анализа истории науки.

Ответ на высказанные критикой замечания мы находим во второй работе «Запланированные исследования».

Для избежания упреков в экстернализме В. Шэфер предлагает выделить два вида экстернализма. Один «слабый» – социальный экстернализм, согласно которому социальная история и история науки взаимосвязаны. Другой, более «сильный» – когнитивный экстернализм, допускающий, что социальные факторы воздействуют не только на генезис науки, но и на выбор ее концептуальных структур, а следовательно, на истинность знания⁸⁴. Шэфер пишет: «Минимальная позиция, которую мы всегда представляли и которая остается достаточно правдоподобной, говорит о том, что вненаучные факторы регулируют направление научного развития. Этот тезис экстернализма относится исключительно к реконструкции фактической истории науки (отдельных событий, разработок. – В.Ф.) и не применим к анализу самой науки, понимаемой как система истинных положений. Более сильное экстерналистское предположение, которое мы иногда разделяли, но которому никогда не следовали в действительности, расширяет область значения вненаучных факторов и распространяет социокультурное влияние также на теоретическое содержание науки»⁸⁵.

Шэфер склоняется к мысли, что динамика науки в целом сохранила эволюционный характер и что целесообразно в отношении всей науки говорить только о социальном экстернализ-

⁸⁴ Schafer W. Normative Finalisierung: Eine Perspektive // Stamberger Studien I. S. 382–388.

⁸⁵ Ibid. S. 383.

ме. Фактически же он описывает ситуацию, при которой социальная обусловленность науки сочетается с ее относительной самостоятельностью. Финализация – когнитивный экстернализм – сказывается на научной динамике отдельных дисциплин начиная с XIX в.

Это «смягчение» прежде категорических, но не совсем ясных в отношении выбора объекта финализации позиций меняет точку зрения Штарнбергской группы и структурно, и содержательно. Разделение общей динамики науки и динамики отдельных научных дисциплин приводит группу к построению новой, отличной от куновской, историко-логической реконструкции развития науки и ограничению сферы действия трехфазной модели отдельными дисциплинами. *Социальная философия науки и социология науки при этом предстают не как имплицитно содержащиеся в историко-логической реконструкции научного развития социальные представления, а в специализированном виде как социология отдельных научных дисциплин.*

Какова же реконструкция общей динамики науки? *«Общую динамику представляем мы тезисом о фактическом дарвинизме прежней истории науки и о современной тенденции к финализации науки. Концепция общей научной динамики снова представляет эволюционный переход от дарвиновской к финалистской истории науки»⁸⁶.*

Сохраняется определенное противоречие между «смягчением» жесткости связи социальных и когнитивных аспектов науки и рассмотрением финалистской (жесткой) схемы как «обязательной» для современной науки. Исторические условия финализации и критерии зрелости теорий остаются неуточненными.

Представление об общей динамике отлично, таким образом, от имеющихся историко-логических реконструкций. Отличие от К. Поппера и Т. Куна специально подчеркнуто⁸⁷. Дело в том, что принцип замкнутой теории, предполагающий переход к финализации, несовместим ни с позицией Поппера, для которой невозможна эмпирическая проверка истинности общих предложений, ни с концепцией научных революций.

⁸⁶ Schafer W. Normative Finalisierung: Eine Perspektive. S. 380.

⁸⁷ Bohme G., Daele W. van den, Hohlfeld R. Finalisierung revisited // Starnberger Studien I. S. 203–209.

Прежняя версия финализации полностью прилагается к отдельным дисциплинам: «*Специальную динамику научного развития в конкретных областях исследования мы обрисовываем в трехфазной модели дисциплинарного образования теорий*», – пишет Шэфер⁸⁸. «Специальные научные исследования поставляют данные для критической социальной истории наук при включении забытых или вытесненных альтернатив. Они исследуют внутреннюю логику развития дисциплинарных теорий. Они преследуют цель обнаружить внешние влияния на исторический ход и – когда возможно – когнитивную структуру науки. Они анализируют выбор современной исследовательской политики и не только в случае финализации постпарадигматического развития теорий. Они поставляют данные для критической плановой теории научного прогресса. Это – *разновидность* (курсив наш. – В.Ф.) историко-социологического исследования, которым мы преимущественно занимаемся»⁸⁹.

Итак, пересмотр концепции финализации под влиянием критики приводит к разделению социальной и историко-логической реконструкции научного развития в целом (общей научной динамики) и социальной реконструкции развития отдельных наук (специальная научная динамика). В первом случае – в анализе общей динамики действуют принципы «слабого» экстернализма, и социальные факторы развития науки изучаются наряду с прочими аспектами – историей, логикой. Это – разновидность социологических исследований науки, при которой социальные факторы являются аспектом ее комплексного изучения. Другая разновидность – социология отдельных научных дисциплин.

Надо отметить, что Штарнбергская группа проделала весьма интересные конкретные исследования в последнем направлении в статьях В. Крона и В. Шэфера «Происхождение и структура агрохимии»⁹⁰, статье Бёме, где приведены примеры об изучении брожения и формировании гидродинамических концепций – «Автономизация и финализация»⁹¹, работе Х. Холфельда об исследовании рака⁹² и др.

⁸⁸ *Schafer W.* Op. cit. S. 380.

⁸⁹ *Ibid.* S. 402.

⁹⁰ *Krohn W., Schafer W.* Ursprung und Struktur der Agrikulturchemie // *Starnberger Studien* I. S. 23–68.

⁹¹ *Bohme G.* Autonomisierung und Finalisierung // *Ibid.* S. 69–130; *Die Wissenschaft der Erkenntnis und die Erkenntnis der Wissenschaft.* Stuttgart, 1978. S. 337–361.

⁹² *Hohlfeld H.* Praxisbezüge wissenschaftlicher Disziplinen: Das Beispiel der Krebsforschung // *Starnberger Studien* I. S. 131–194.

Концепция Штарнбергской группы занимала видное место в социологии науки по ряду причин, которые не исчерпывались произведенным ею резонансом и широкими, в том числе и зарубежными дискуссиями⁹³. Дело прежде всего в том, что это именно *концепция*, а не просто размышление над актуальными вопросами социологии науки. Штарнбергская группа теоретически синтезировала многие разновидности социальной философии науки и социологических исследований науки. Она дала ответ на назревшую потребность выйти за пределы эмпирических социологических схем и соединить представление о предмете социологии науки и социальной философии как соотношения науки и общества с конкретными разработками в этой области, приводящими к анализу предметного содержания науки. А также попыталась сохранить историзм в логической реконструкции развития науки, доводя исследования до уровня социальной философии науки. Это – реальная попытка построения когнитивной социологии науки, где социальные и внутринаучные содержательные аспекты теории оказались поставленными в столь тесную связь, что прочие концепции могут располагаться лишь по разные стороны от этого жесткого ядра, в котором поставлен вопрос о «новом социальном естествознании» и тем более о социальной философии наук об обществе, которой идеи Штарнбергской группы касаются еще больше, чем естествознания.

Социология науки, в поле зрения которой попадают содержательные аспекты научного знания, не может быть безразлична к гносеологии и методологии. Влияние социальных факторов на развитие когнитивных структур науки не является непосредственным. Социальные цели должны каким-то образом реконструироваться в средства и методы познания. При этом эвристическую роль в науке всегда играет понятие истины. Каковы бы ни были цели знания, его приложений, самым существенным для науки и, в конечном итоге, обеспечивающим ее максимальную эффективность является истинность получаемых знаний. Штарнбергская группа пренебрегала этими вопросами и в анализе современного состояния науки и динамики отдельных дисциплин проявляла все же социологический редукционизм, абсолютизирующий соци-

⁹³ См., например: Rip A. A Cognitive Approach to Science Policy // Research Policy. 1981. Vol. 10. № 4. P. 295–311.

альные аспекты развития науки. Без решения вопроса об истине Штарнбергская группа подвергала себя риску релятивизма и субъективной интерпретации целей науки.

Социальные условия всегда превращались в предпосылки исследования благодаря практике. Развитие практики существенно для выделения объектов исследования. В классической концепции истины, как показано в Главе I, в качестве цели научного знания предстает достижение его объективной истинности. Выделялись две формы объективности: объективность природы и объективность практики, целеполагающей деятельности человека⁹⁴. Объективность понималась как соответствие наших знаний об объекте ему самому. Объективность первого рода рассматривается как характерная для естественных наук. Объективность второго рода рассматривается как присущая наукам об обществе и человеке, в которых имеется «двойная» включенность практики в познавательный процесс: и в объект познания, выступая как «субстанция социальных явлений»⁹⁵ и в процесс получения истины. Вместе с тем, эта методология всегда подчеркивала односторонность данных противопоставлений и исторически преходящий характер разделения наук о природе и наук о человеке и обществе.

У неисчерпаемости и бесконечности познания природы есть параметр, связанный не только с неисчерпаемостью ее самой, но и с неисчерпаемостью форм деятельности по ее освоению. Вовлечение все новых объектов познания – микромира и космоса – результат этой деятельности, сама возможность которой открыта наукой. Возрастает постоянный обмен, циркуляция между практикой и наукой, наукой и практикой, в ходе которой интерналистские модели научной деятельности терпят неизбежный крах. Качественно новая связь науки с практикой находит проявление, хотя далеко не всегда осознанное, в методологии и гносеологии. Возрастает роль практики для теории познания во всех ее аспектах: как предпосылки, условия, цели познания и критерия истины.

⁹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 79.

⁹⁵ Давыдова Г.А., Черткова Е.Л. Историческое творчество. Ленинская теория отражения в свете развития теории и практики. Т. I. София, 1981. С. 664. См. также: Хотькова В.А. Научное общественное знание как система: Автореф. дис... д-ра филос. наук. М., 1981 и др.

Новая ситуация ставит перед методологией естествознания проблему объективности в некоторых аспектах таким образом, как она уже стояла перед методологией обществознания. Так, обществознание, претендуя на объективность и общезначимость своих результатов, тесно связывает этот вопрос с целями практики, с нахождением такой практической позиции, которая способствовала бы элиминации необъективного знания. Отмеченная в качестве специфики социального познания «двойная» включенность в него практики – и в его объект, и в качестве источника, цели познания и критерия истины – начинает ныне рассматриваться многими методологами как характеризующая социальную обусловленность всякого, в том числе и естественнонаучного познания. В этой методологической модели *фиксируются некоторые важные тенденции, характеризующие исчезновение социальных предпосылок, породивших обособленность естественных и общественных наук.* Поэтому в методологии естествознания обсуждается вопрос о неклассическом решении проблемы объективности в условиях связи естественных наук с целями общества. *Важным является то, что новое качественное состояние естествознания – изменение его отношений с практикой – приводит к возрастанию роли социального знания в организации, то есть к своеобразному участию общественных наук в изучении природы.*

Наука становится не просто знанием о мире, но и программой человеческой деятельности, дающей знания о путях осуществления поставленных целей. Но и в этом смысле наука дает объективное знание, так как для успеха деятельности необходимо ее совпадение с обстоятельствами. Без учета целей нельзя охватить очень существенные черты развития современной науки, важные тенденции, но в концепции финализации они получили абсолютизированное, утратившее характер тенденции выражение и были превращены в норму. Штарнбергская группа упрощала связь методологии и социологии науки с познавательными процессами, осуществляемыми в самой науке. Реальное развитие науки более многообразно, чем оно представлено в методологических схемах, ориентированных на наиболее развитые «образцы». Социальная философия науки, историко-логическая и историко-социологическая реконструкция развития науки так относится к реальному процессу ее развития, как логическое к историческому, общее к

отдельному. В методологических реконструкциях формируется своя собственная – методологическая – реальность. Она складывается подобно тому, как физическая реальность – в физической науке, биологическая – в биологической, историческая – в исторической и т. д. Мир, как и процесс развития науки в изучающих его дисциплинах, предстает в теоретизированном виде. Выражаемое в теориях содержание характеризует реальный процесс в том его виде, как он просматривается сквозь призму данной теории⁹⁶. Представители Штарнбергской группы наивно-реалистически интерпретировали содержание своих теоретических конструкций. И потому отождествили свою модель, фиксирующую ряд важных тенденций, с реальным, далеко не всегда олицетворяющим реализацию этой тенденции, развитием науки. Эта позиция высказана и в последнем варианте концепции, отвечающем на критику, излишне ригористично: «Наша исследовательская программа ставит под вопрос науку как чистое познание, мы критикуем традиционную идею истины асоциального позитивизма, и мы следуем экологической ориентации научного прогресса»⁹⁷. Экология выступает, следовательно, как модель новой ориентации естествознания и тем самым ведущая теоретическая дисциплина естественных наук. Но сегодня очевидна ее значимость и для социально-гуманитарного знания. Эта интересная (хотя уже и не новая теперь) мысль указывает на некоторый «резервуар» методологических подходов, который представляет собой экология для всех прочих наук. Преимущественное значение здесь имеет идеал экологии, который отображает некоторые черты ее реального развития, но все же речь идет об ориентации на некоторое будущее знание, подтверждающее увеличение влияния социальных факторов на когнитивную структуру науки как тенденцию.

В заключение отметим, что предложенная Штарнбергской группой концепция содержала ряд рациональных моментов, кающихся поворота в исследовании науки в сторону ее социально-философской и социологической трактовки и социальной организации. Это – не оказалось вчерашним днем, ибо практика организации науки в России начинает напоминать то, о чем мечтали ученые

⁹⁶ Чудинов Э.М. Природа научной истины. М., 1977. С. 229.

⁹⁷ Schafer W. Op. cit. S. 401.

Штарнбергской группы. Но в отличие от Штарнбергской группы, она не имеет ясного теоретического содержания и учета ошибок данного типа организации науки.

Наибольший удар по концепции финализации – завершения производства фундаментальных теорий на основе указанных положений В. Гейзенберга – нанесли новые фундаментальные открытия в квантовой физике, на которые штарнбергцы поначалу не обратили внимания. Среди них: труды Н.Г. Басова и А.М. Прохорова, показавшие незавершенность квантовой физики и квантовой электроники. С 1980-х гг. были открыты получившие Нобелевскую премию результаты, связанные с изучением симметрии в распаде мезонов (1980), развитием лазерной спектроскопии (1981). Ежегодно вплоть до 2015 г. присуждались Нобелевские премии за фундаментальные открытия в физике, в частности (отмечу только ученых российского происхождения): в 2000 г. Ж.И. Алферову за разработку полупроводниковых гетероструктур, в 2003 г. В.Л. Гинзбургу и А.А. Абрикосову за пионерский вклад в теорию сверхпроводников и сверхтекучих жидкостей, в 2010 г. А. Гейму и К. Новоселову за новаторские исследования двумерного материала графена. Нобелевскими премии за фундаментальные открытия постоянно присуждаются, опровергая тезис о завершенности фундаментальной теории и познания природы. Гуманитариям присуждается в качестве аналога Нобелевской премии премия норвежско-датского писателя XVII в. Л. Хольберга, которую получили Ю. Кристева (2004), Ю. Хабермас (2005), Ш. Айзенштадт (2006), Р. Дворкин (2007), Ф. Джеймисон (2008), Я. Хакинг (2009), Н. Земон Дэвис (2010), Ю. Кокка (2011), М. Кастельс (2012), Б. Латур (2013), М. Кук (2014), М. Уорнер (2015). Тут тоже представлена цепочка новых незавершенных, по крайней мере, временем теорий.

Как я уже отмечала, Г. Бёме стал директором Института философии во Франкфурте на Майне. В ответ на мое письмо, в котором я задала вопрос о новых взглядах Штарнбергской группы, он ответил, что группа распалась, но что входившие в нее ученые сотрудничают, что они смягчили свои позиции, но по-прежнему уверены, что внешние цели – борьбы с раком, борьбы с инфекциями, защиты окружающей среды имеют большее значение, чем прежде, и влияют на формирование новых теорий. Он отметил также, что расширяется влияние религий и других вненаучных систем.

ГЛАВА IV. АКАДЕМИЧЕСКАЯ И (ИЛИ) ПОСТАКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА?

В главе рассматривается соотношение академической и постакадемической науки как социальная проблема, ставшая предметом публичных дискуссий и управленческих решений. Она появилась на Западе в период позднего индустриализма – в 1970–1980-е гг. и в разных вариантах продолжает существовать до сих пор. Сегодня она коснулась российских ученых и российского общества самым непосредственным образом. Автором рассмотрены ее проявления и ее преодоления, роль социально-гуманитарных наук и философского знания в ее понимании. Раскрывается понятие «социальная проблема» и его значимость для социально-философского анализа науки и политики в отношении науки сегодня.

Академическая и постакадемическая наука

В настоящее время характерным процессом на социальной карте России является многообразие видения науки и «война» представлений о ней, о ее задачах и эффективности, вызванная стремлением оказать влияние на организацию науки и образования. В Германии это получило первоначально название как противостояние «университетской» и «постуниверситетской науки», поскольку наука развивалась здесь в университетах. Именно словом «война» обозначил в 2004 г. немецкий исследователь А. Бамме сложившуюся конфронтацию, которую он начинает называть про-

тивостоянием академической и постакадемической науки, имея в виду как всю совокупность институтов, производящих научные знания, так и (прежде всего) различие парадигм и зависимостей от внешнего управления и внешних целей. Вопрос не только о новых формах знания, но и о новых формах его производства, о выходе науки из «башни из слоновой кости», который давно возник, становясь частью «научных войн»⁹⁸. Были выделены два типа научного знания: один – свободный от целей, саморазвивающийся и другой – целеориентированный, социально управляемый. Отмечалось, что различия между ними не всегда приводят целеориентированную науку к достижению целей лучше, чем это делают фундаментальные науки. Известный российский экономист, Р.С. Гринберг приводит в своей книге «Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора» следующие слова американского ученого: «Вы знаете, сколько стоит уравнение Максвелла? Этого не знает никто, и никто не будет его покупать. А уравнение Максвелла, благодаря которому весь мир пользуется электричеством, окупило все затраты на фундаментальную науку всех 200 стран на 200 лет вперед»⁹⁹. Это подтверждает мнение А. Бамме относительно двух способов социальной ориентации науки и управления ею: под влиянием внешней цели – *финализацию*, рассмотренную нами на примере Штарнбергской группы в естествознании, и *практическую доминанту в науках об обществе*. Немецкий автор ставит диагноз: в постакадемической социально управляемой науке прогресс наук (как естествознания, так и социального знания) выступает как процесс тривиализации.

Объявленная в июне 2013 г. реформа Российской академии наук была воспринята научным сообществом с большой долей критики и противостояния. Всякие большие перемены в обществе связаны с тем, что укорененные принципы, принятые договоренности начина-

⁹⁸ *Bamme A.* Op. cit. P. 9–11; *Bamme A.* Science, Technology, Society: Prologue // Yearbook 2005 of the Institute for Advanced Studies on Science, Technology and Society. München, 2005; *Fields of Knowledge: Science, Politics and Publics in the Neoliberal Age* / Ed. by D.J. Hess, S. Frickel. Bingley, 2014; *Bastow S., Bisiaux R., Tinkler J.* et al. The Impact of the Social Sciences: How Academics and Their Research Make a Difference. L.; New Delhi, 2014.

⁹⁹ Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 413.

ют расшатываться, а потом ломаются, и им на смену приходят другие. Но в данном случае предполагалось не ускорение естественно идущей эволюции, не изменения со стороны самого научного общества, а сознательная перестройка академической науки новыми менеджерами и функционерами с целью повышения научной эффективности. Если сопоставить административные решения с возможным теоретическим видением науки, они соответствовали бы восприятию науки в сегодняшней России как способной, но не желающей дать однозначные и по возможности окончательные решения для большинства проблемных сфер. Потенциал науки видится в основном в способах ее организации, что было характерно для организованного модерна конца XX в. в Западной Европе и весьма наглядно представлено Штарнбергской группой. Модерн представлялся организованным техникой, технократией, бюрократией, социал-демократией. Но подобная «заорганизованность» привела к кризису организованного модерна, постмодернизму как его критике и сопротивлению ему, оппозиции капитализму, который стали называть поздним, и переходу к третьему модерну, который не является ни либеральным, ни организованным, а зависящим от культурной специфики осуществляющих модернизацию стран.

Как уже было отмечено, под классической наукой и идеалами классической научности понимается не просто знание, создаваемое в Академии наук, в других научных учреждениях, а фундаментальное научное знание, добываемое в науке как социальном институте, опирающемся в ходе саморазвития на определенный этос получения истины. Это – этос науки, выражающий классическую рациональность. Он описан Р. Мертоном как аффективно окрашенный комплекс ценностей и норм, разделяемый учеными, и включает в себя четыре императива: *универсализм* (оценка любой идеи или гипотезы вне зависимости от национальности или научного статуса); *коммунизм* (*коллективизм*), т. е. открытость результатов научного исследования для научного сообщества; *бескорыстность* – следование не личной выгоде, а удовлетворению от решения научной проблемы; *организованный скептицизм* (т. е. критичное отношение как к собственным идеям, так и к идеям коллег)¹⁰⁰. Идеал классической научности имеет разное воплощение в естественных, социально-гу-

¹⁰⁰ Merton R.K. The Institutional Imperativs of Science // Sociology of Science / Ed. by B. Barnes. L., 1972. С. 67.

манитарных и технических науках соразмерно запросам познаваемого предмета. Выделяются *фундаментальные и прикладные науки*, различие между которыми существенно стерто технологическим применением фундаментальных наук. По мнению Л.П. Киященко, дисциплинарная матрица *классической научности* включает универсальность; устранение субъективного, случайного, произвольного; очевидность правил, законов и теорий; действия по образцу решения научных загадок¹⁰¹. Результатом этого становится возможность науки самоорганизоваться для выдвижения актуальных проблем фундаментального характера и даже прикладных задач. Организационные источники научной деятельности лежат тут внутри науки и лишь в исключительных случаях в социальном заказе и управлении. Роль социального управления высока в разработке атомных, военных проектов, борьбе с инфекциями, решении экологических проблем, но само их появление чаще всего инициировано открытиями науки, позволяющими поставить социально значимые технические задачи, увеличить финансирование их решений, подобрать кадры. Абсолютно чистой науки, предстающей сегодня не только как форма общественного сознания, но и как изолированный социальный институт не существует. Но даже в СССР, где управленческие функции государства были чрезвычайно развиты, организационные формы управления науки преимущественно шли вслед за ее саморазвитием, а социально-гуманитарное знание не подменялось целиком идеологией.

Неклассическая научность имеет признаки неклассической междисциплинарной матрицы: *представление об универсуме, равное общенаучной картине мира* – динамичную мозаику взаимодействия дисциплинарных онтологий; *преобладающую ценность – контингентное согласие взаимодействующих методов, парадигм и т. п.; неустойчивые и не всегда очевидны правила, законы; действия по образцу*, возникающему в процессе решения междисциплинарных проблем¹⁰².

Этос постнеклассической науки – трансдисциплинарность, для которой характерны представления об универсуме как о единстве сообщающихся, становящихся и множественных миров; со-

¹⁰¹ Киященко Л.П. Этос постнеклассической науки (к постановке проблемы) // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М., 2005. С. 44.

¹⁰² Там же. С. 47.

*отнесение внутринаучных ценностей с целями и ценностями универсума, существующего в естественнонаучных и социально-гуманитарных дисциплинах; изменчивость и необратимость законов; общение без общения; выход за пределы дисциплинарного знания; действия по образу общих закономерностей и принципов, существующих в процессах самоорганизации открытых систем*¹⁰³.

О классической, неклассической, постнеклассической науке можно было говорить также в терминах фундаментального и прикладного знания. Доминирующим представлялось саморазвитие фундаментальной науки, из чего вытекают ее приложения. Сегодня именно в связи с изменением системы управления наукой в России и в ряде других стран, не всегда, правда, всей наукой, имеют значение новые термины – «академическая» и «постакадемическая» наука. Эта новая линия в классификации наук, построена на конфронтирующих способах управления ею – путем доминирования саморазвития или под давлением внешних целей и внешнего управления. Примером постакадемической науки и одновременно примером распада концепции и коллектива ученых стала, как уже показано, Штарнбергская группа, несмотря на то, что на последнем этапе своего существования она отказалась от жесткой социально управленческой концепции науки и перешла к ее более слабым версиям. Причиной этого перехода стало ее ошибочное представление о завершенности фундаментального познания природы. Среди других причин можно назвать недооценку специфики социально-гуманитарного знания, высокую степень регулирования науки в ФРГ в рассматриваемый период, оппозиционным ответом на что стали антисциентистские концепции. Дилемма академической и постакадемической науки перевернула отношения сциентизма и антисциентизма, усилив видимый сциентизм постакадемической науки и представив академическую науку чуть ли ни как антисциентистскую¹⁰⁴.

Новые категории «академическая» и «постакадемическая наука» характеризуют разную степень свободы самоуправления науки в постановке проблем и решении фундаментальных вопросов. Академическая наука имеет как фундаментальные, так и при-

¹⁰³ Киященко Л.П. Этос постнеклассической науки (к постановке проблемы). С. 51.

¹⁰⁴ См.: Федотова В.Г. Критика социокультурных ориентаций современной буржуазной философии. Сциентизм и антисциентизм. М., 1981.

кладные задачи. Она обладает внутренней логикой саморазвития, и управление ею подчинено этой логике и лишь частично может осуществляться управленцами широкого профиля, но с опорой на цели ученых-профессионалов и лидеров научных направлений. Академическая наука предстает как форма всеобщего, никому в отдельности не принадлежащего труда и результата.

Постакадемическая наука включает многообразные виды знания, добываемые не только в академической среде, университетах, но и в лабораториях, на предприятиях, в публичном пространстве, во внеакадемических сферах, обладающие высокой и непосредственной применимостью, эффективностью, внедряемостью и направленностью на практические задачи. Этнос этого типа научного знания совершенно другой, чем в академической науке. Он направлен на получение применимого результата, практическую значимость, усовершенствование, более адекватное задачам знания, понимаемого прежде как прикладное, часто следующим за теоретическим или вытекающим из него. Здесь же роли меняются: неакадемическое знание доминирует над академическим. Принцип технологического применения фундаментальных наук фактически воспринимается как редкий случай прошлого, ибо предполагается достаточность уже имеющихся фундаментальных достижений, господствует неявное согласие с наличием почти завершенного множества замкнутых, окончательно выстроенных теорий, появления которых не приходится ждать или приходится ждать годами. Всеобщий характер результата научной деятельности, как и классический этнос науки Р. Мертона утрачен в постакадемической науке, результат кому-то принадлежит, коммерциализируется, достигается с применением социальных технологий. П.Д. Тищенко показал, что изобретший в 1955 г. вакцину от полиомиелита Й. Салк отказался от патентования своего выдающегося результата, спасающего жизни детей, считая, что оно принадлежит человечеству. Но с конца 1970-х гг. происходит коммерциализация достижений медицины, особенно в области борьбы с раком, достигаемая с привлечением социальных технологий¹⁰⁵. Компании, успешные в фармакологии лечения рака, вряд ли могут ставить задачи фундаментального его изучения и победы над ним, как это сделал Салк, из-за своих ком-

¹⁰⁵ Тищенко П.Д. «Коммерциализация» фундаментальной науки - инновационные социальные технологии // Человек. 2014. № 6. С. 112–126.

мерческих интересов. Только такая «компания», как государство, или такая, как коммерчески незаинтересованный ученый (ученые) могут ставить вопросы о сущности опасных и все более распространяющихся болезней (рака, болезни Альцгеймера и др.) под углом зрения их преодоления.

«Социальная проблема» как категория, необходимая для понимания соотношения академического и постакадемического знания

Множество проблем затрагивает жизнь общества. Термин «социальная проблема» приобрел в ряде направлений социологии категориальный статус. Социальная философия нуждается в этом понятии. *Социальными проблемами* в концептуальном смысле называют те противоречия или те явления общественной жизни, которые оказывают негативное, беспокоящее воздействие на социум и человека и нуждаются в разрешении или преодолении. Их решения все более склоняются с конца 1970-х гг. к технологическим и (или) организационным. Они включаются в осмысление социальных проблем сегодня чаще всего через экспертизы и нахождение технологических возможностей социальных наук решить проблему с заметной потерей присущих им ценностно-смысловых установок.

Весьма специализированная проблема науки и ее целей долгое время оставалась в России в рамках профессиональных решений и не была социальной проблемой, интересующей общество. В советское время было немало отступлений от этой политики, но данный принцип в Академии наук был восстановлен. Только недавно он снова возник, когда сверху был поставлен вопрос о реформе РАН, о передаче принципиально важных исследований ВУЗам, не началось противопоставление академической науки – вузовской, академической (фундаментальной), в значительной мере самоорганизованной – постакадемической (прикладной, ориентированной на практику, подлежащей внешнему управлению), пока социально-гуманитарные и философские науки не исчезли из официального реестра дисциплин. Указ Президента Российской Федерации от 07.07.2011 № 899 «Об утверждении приоритетных

направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» не имеет в списке таковых ни философских, ни социально-гуманитарных наук. Будучи философом, я единственно что нашла в этом списке из необходимого для заполнения анкеты для подачи проекта на грант, это – когнитивные технологии из рубрики «нано, био, информационные, когнитивные технологии», хотя наша специализация могла быть бы выражена точнее.

Социальные проблемы изучались социологами как проблемы, имеющие объективный характер. В 1941 г. против такой трактовки выступили социологи Р. Фуллер и Р. Майерс, показавшие, что «каждая социальная проблема имеет свою историю, и что исторический подход является многообещающей концептуальной рамкой для исследования конкретных социальных проблем»¹⁰⁶. По их мнению, социальную проблему недостаточно определить как некое объективное состояние или условие. Это состояние или условие воспринимаются как социальная проблема только в том случае, если значительное число людей считают их существование проблемой. Если же люди не видят в этом проблемы, то она не существует или существует только для некоторых. Люди воспринимают как социальные проблемы то, что затрагивает их ценности, – считали упомянутые авторы этой концепции. Следуя своим ценностям, они могут признавать или не признавать наличие социальной проблемы и быть согласны или несогласны с предлагаемыми решениями: «Социальные проблемы не возникают как нечто окончательное, созревшее... Напротив... социальные проблемы обнаруживают временной порядок развития, в котором могут быть выделены различные фазы или стадии. Каждая стадия предвосхищает последующую, и каждая последующая стадия содержит новые элементы, которые отличают ее от предыдущей. Социальная проблема, понимаемая, следовательно, как находящаяся всегда в динамичном состоянии “становления”, проходит исторические стадии *осознания, определения политики и реформы...*»¹⁰⁷. К этому можно добавить, что процесс становления социальной проблемы

¹⁰⁶ Фуллер Р., Майерс Р. Стадии социальной проблемы // Контексты современности – II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и ред. С.А. Ерофеев. Казань, 2001. С. 139.

¹⁰⁷ Там же. С. 141.

может пойти и другим путем, начиная с реформы, а затем определения политики, осознания приобретений и ошибок, исправления ошибок, формирования нового определения политики в области науки. Именно так случилось со Штарнбергской группой.

Сегодня соотношение фундаментального академического знания и знания постакадемического в России – это социальная проблема, касающаяся перспективы не только науки, но и страны, и человека в ней, коллективно признанная, по крайней мере, большой группой людей. Она затронула не только науку, но и образование, перспективы будущих производств, развития среднего класса, того, какие виды труда предлагаются гражданам России, каким видится ее социально-политическое устройство, социальный и культурный капитал.

Убедительным для доказательства возможности превращения именно науки в социальную проблему, затрагивающую общество в целом, стал аргумент Л.А. Марковой о превращении науки в социальную систему, формирующую механизмы ее связи с обществом¹⁰⁸.

Антитезой конфронтационному способу решения острых социальных проблем является интерес к тому, как 1) важнейшие социальные проблемы рассматриваются философией и социально-гуманитарными науками, в том числе 2) как они выглядят в публичном пространстве при опоре на эти области знания и духовной деятельности, а значит, с участием специалистов указанного профиля. Примером может служить проект Института философии РАН совместно с итальянскими учеными «Философия в публичном пространстве», большая заслуга в организации которого принадлежит А.А. Кара-Мурзе. Этот проект позволил исследовать проблему публичного пространства, которая не сводится к знаниям, хотя работает с ними, и рассмотреть роль философии в современном мире, исходя из ее значимости для общества.

В 1971 г. к обсуждению социальных проблем обратился Г. Блумер. Наиболее интересной и подходящей для понимания социальной проблемы он считал то же самое, что и предшествующие авторы: «Основной мой тезис заключается в том, что социальные проблемы не имеют независимого существования в качестве совокупности объективных социальных условий, а являются прежде

¹⁰⁸ Маркова Л.А. Наука на грани с ненаукой. М., 2013. С. 221–236.

всего результатами процесса коллективного определения»¹⁰⁹. Блумер также показал непродуктивность позиции сведения социальной проблемы к объективным условиям, ибо она порождается не только их наличием, но и восприятием людьми этих условий как проблемы. Условия – это только объективная основа социальной проблемы. Блумер критиковал социологов, которые обнаруживают социальные проблемы до их признания в качестве таковых обществом¹¹⁰. Многие тяжелые условия, по мнению Блумера, не осознаются как социальные проблемы или то осознаются, то не осознаются (бедность, экология, неравенство женского статуса и др.).

Он указывал, что «исследователи социальных проблем должны изучать процесс, посредством которого общество признает социальные проблемы. Социологи, однако, этим не занимались»¹¹¹. Блумер полагал, что «социальная проблема существует прежде всего с точки зрения определения и восприятия в обществе, не являясь объективным условием с определенной объективной структурой»¹¹². Суть социальной проблемы, согласно Блумеру, заключена в процессе ее коллективного признания. Процесс исследования социальных проблем имеет, по его мнению, пять стадий: возникновение социальной проблемы; легитимация проблемы; мобилизация действия в отношении проблемы; формирование официального плана действия; трансформация официального плана в ходе его эмпирического осуществления¹¹³.

Наше исследование касается самого начала этого пути –превращения отношений академической и постакадемической науки в социальную проблему в глазах научного, образовательного, интеллектуального сообщества и той части общества, которая ощущает проблемность этой ситуации на себе (аспирантов, студентов, их родителей, школьников, профессоров, менеджеров и пр.). Поскольку министерства просвещения, высшего образования и госкомитет по науке и технике слились в одну организацию, социальная проблема, которая могла бы затронуть только ученых, разрослась, охватывая все ступени пирамиды – школы, имея про-

¹⁰⁹ Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Контексты современности. С. 151.

¹¹⁰ Там же. С. 151–153.

¹¹¹ Там же. С. 153.

¹¹² Там же. С. 152.

¹¹³ Там же. С. 153.

должение в ВУЗах, в отраслях, в которых работают выпускники, в научных учреждениях, распространяясь на семьи, рабочие места, судьбы людей, потерявших работу в ВУЗах в связи с их слияниями и закрытиями филиалов, наличием абитуриентов, у которых нет денег на образование и пр. Например, в отношении образования можно констатировать социальную проблему (волнующую специалистов и общество), приведя следующие аргументы. Сегодня разоблачаемое взяточничество в ВУЗах – продукт российской торговли образованием. Она началась с 1990-х, совмещаясь иногда с предельно некачественным образованием. Высшее образование в Финляндии бесплатно и обладает высоким престижем. В университете маленького пятидесяти-семитысячного города Йёнсюу имеется огромный, великолепно оборудованный университет, с прекрасной библиотекой, с высоким уровнем обучения, за которое не платят жители Финляндии и почти не платят обучающиеся здесь иностранцы – французы, немцы и другие жители Евросоюза. Здесь есть система переспециализации под имеющийся рынок труда. В Норвегии студент может взять кредит, чтобы через несколько лет после получения образования выплатить его. Великолепное и почти бесплатное образование в Германии, во Франции оно платно на 85 %. В США, в Гарварде, например, образование дорого – на некоторые факультеты 80 тыс. долларов в год. Однако прием студента в университет не обусловлен целиком наличием денег, а преимущественно блестящей подготовкой, которая заставляет администрацию искать формы помощи абитуриенту, чтобы он мог заплатить и учиться. В социально-неблагополучные периоды, например, во время терроризма в Италии в 1970-е годы правительство этой страны отменило прием экзаменов в ВУЗы и зачисляло всех желающих без экзаменов, чтобы увести молодежь – пороховых улиц – и не дать разгореться столкновениям и конфликтам. Легкость открытия университетов, филиалов университетов в России 1990-х выполнила отчасти функции декриминализации общества. По данным МВД преступность в Люберцах снизилась из-за открытия университета. Хотя реформы университетов и академических специализаций сегодня происходят во многих странах, на них не возлагаются уже те задачи, о которых писал Х. Ортега-и-Гассет – сделать из студента культурную личность и образованного профессионала, при этом обеспечивая непреклонность требова-

ний университета к ученику¹¹⁴. Большинство в настоящее время недовольно реформами образования, в особенности тем, что оно подвергается постакадемическим преобразованиям, связанным с усилением управленческого контроля и регламентацией¹¹⁵. Не рекомендовано «кошмарить бизнес». Но ВУЗы просто живут в кошмаре проверок, не всегда осуществляемых теми, кто превосходит проверяемых. Министерство образования России объявило программу объединения региональных ВУЗов до 2020 г., отрезая возможности качественного образования для регионов. Это коренным образом отличается от политики Китая, США, Европы в сфере образования, развитие которого всесторонне поддерживается. Не менее 100 тыс. китайских студентов обучается в США. Бродвей 116 улица Нью-Йорка (Колумбийский университет) выглядит как китайский квартал, но студенты-китайцы возвращаются домой, работают на свою страну. И в самом Китае имеют возможность получить образование огромное число китайских студентов, обучается много студентов из Африки и русских студентов, чаще из Сибири и Дальнего Востока.

Сегодня набор специальностей российских университетов 1990-х гг. пополнился новым списком специальностей, включающим экономику, инженерные, математические дисциплины, фундаментальные науки. Но бюджетных мест мало, особенно в провинциальных университетах. Деньги в провинции сосредоточены в руках бизнесменов, торговцев и представителей власти. В результате создается социальное расслоение между теми, кто может заплатить, и теми, кто не может. Имеющие деньги стремятся поступить на прибыльные или «легкие» специальности – гостиничный бизнес, стоматологию, туризм, таможенное дело, несмотря на то, что «хоть тыщу верст скачи» из иной провинции ни до какой границы (таможни) не доскачешь. На «тяжелые дисциплины» перекидывают тех, кто не сумел заплатить «за легкие». Бюджетных мест больше для менеджмента, финансов и кредита, в целом для областей, которые давно компьютеризированы и не

¹¹⁴ *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета. М., 2010. С. 91, 113–114.

¹¹⁵ Будущее высшего образования и академической профессии. Страны БРИК и США. М., 2013; *Ридингс Б.* Университет в руинах. М., 2010; *Бок Д.* Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. М., 2012; *Кларк Б.Р.* Создание предпринимательских университетов. М., 2011.

нуждаются в расширении штатов, чем для математических методов в экономике, бизнес-информатики, инженерных специальностей. Студенты, окончившие специальность «Государственное и муниципальное управление» мало привлекаются на госслужбу и в управленческие организации на местах. Мне известен случай, когда из 80 человек, закончивших в солидном ВУЗе областного города в 2003 г. указанную специальность, только трое работали по специальности. Причем один из них, имеющий солидные публикации, гранты, награды, бывший зав. кафедрой московского филиала в этом городе, сегодня потерял работу из-за закрытия филиала. Возникает вопрос, а кто же работает в органах государственного и муниципального управления? Менеджеры, которых производится невиданное количество – это не профессия, а должность в определенной профессии. Ф. Тейлор, бывший студент-нормировщик, осуществил менеджмент на заводском предприятии в практически и теоретически известной ему профессии, опубликовал книгу «Принцип научного менеджмента» в 1911 г., поместив между рабочими и предпринимателем управляющих, которые смягчили классовый конфликт и внесли изменения в процесс производства. Сейчас же готовят менеджеров всего, т. е. ничего. ЕГЭ является ужасающей системой натаскивания. И в целом удивляет политика в области образования, чудовищная бюрократия в этой сфере, которая только ухудшает дело, формализация и макдональдизация (следование рациональности Макдональдса – эффективность, предсказуемость, калькулируемость и контроль) создают не просто социальную проблему, а социальную катастрофу¹¹⁶.

Эти пути превращения науки в социальную проблему возникают из-за того, что способы получения научного знания и суть науки мало понятны не специалистам (не ученым). Как уже было отмечено, ожидания чиновника от науки состоят чаще всего в том, чтобы получить готовый и полезный в применении результат. Науке же для этого порой требуется проделать большую «неполезную для практики» работу. Ожидания общества и управленцев получить от науки полезный практический результат могут быть оправданы нередко теоретической работой, не имевшей в

¹¹⁶ Федотова В.Г. «Образовательный Макдональдс» // Лит. газ. 2009. № 9–10; Федотова В.Г. Невыученные уроки // Ректор ВУЗа. 2009. № 5. С. 24–28.

виду получение этого результата, но давшей такую возможность. Разные социальные системы – науки, образования, управления, публичная сфера общества и другие его подсистемы имеют свою специфику, отчасти не проницаемую друг для друга. Внеаучная сфера в целом заинтересована получить от науки определенный, конкретный и желательно долговременно или даже навсегда пригодный результат. Наука же, как и другие сферы общества, и общество в целом не может избежать неопределенности, изменчивости подходов, различия направлений решения одной и той же проблемы и долго идет даже к столь неудовлетворяющему управленцев результату. У науки нет средств и целей сделать всех понимающими науку. Известный американский ученый-геофизик и специалист в области исследования Земли Г.Н. Поллак показал даже на примере естественных наук, что наука дает результаты, которые могут со временем измениться, имеет неопределенность по многим вопросам, ибо неопределенность присуща самой реальности. Наука не может ответить однажды и обо всем, что хорошо видно на примере парникового эффекта и других проблем, рассмотренных им. Но люди думают, что когда ученый не отвечает на вопрос однозначно, он плохой ученый, не знающий своего предмета. По мнению Г.Н. Поллака, внутринаучные критерии оценки – удобство концепции для научных целей; оригинальность подхода и результата; отсутствие ошибок в эксперименте и противоречий в теории; уровень неопределенности результата; применимость на практике, характерные для требований к статьям и книгам, предназначенным для публикации, не предполагают ожидания от науки однозначного, немедленно применимого и отвечающего ожиданиям публики вывода. Он пишет: «Большая доля проблем состоит в том, что у значительной части людей чаще всего отсутствует понимание, что такое наука. Эта научная безграмотность является питательной почвой для требований определенности и путаницы в отношении неопределенности»¹¹⁷. Именно на отрицании неопределенности основана мания тестирования, которой была захвачена Америка, и которую мы переняли. Для Поллака – это то, что максимально далеко от понимания задач науки. И, добавим, образования.

¹¹⁷ *Pollack H.N. Uncertain Science... Uncertain World. Cambridge, 2003. P. 16.*

Наука превращается в социальную проблему из-за культивирования подобных методов, невозможности адекватного представления СМИ о науке, ее упрощенного функционирования в публичном пространстве, с чем дело обстоит не лучше, а хуже в социально-гуманитарных науках, чем в естествознании.

Несмотря на решающее значение вопроса, как возникают социальные проблемы, он, по мнению Блумера, игнорировался социологами. Блумер высказал важную мысль, что исследователи социальных проблем должны изучать процесс, превращающий данные социальные условия в социальные проблемы, беспокоящие общество, и отмечает роль агитации в признании проблемы; роль насилия в обретении такого признания; деятельность заинтересованных групп, ожидающих получения материальных выгод в результате перевода некоего условия на уровень проблемы; роль политических деятелей в провоцировании беспокойства относительно одних проблем и снижении беспокойства по поводу других; роль влиятельных организаций и корпораций в этом процессе; беспомощность групп, не обладающих властью, в привлечении внимания к тому, что они считают проблемой; роль средств массовой коммуникации в отборе социальных проблем; роль случайных, шокирующих общественность событий¹¹⁸. Далее он выдвигает задачу необходимой мобилизации общества на решение социальной проблемы.

На фоне преобладания технократических и организационных парадигм управления наукой при решении вопроса о взаимоотношениях академической и постакадемической науки мое внимание привлекла монография Ю.В. Верминенко, которая, следуя за Г. Блумером, сформулировала понимание социальных проблем как того, чем обеспокоено общество, и публичного пространства не как некой целостности, а как представленного аренами обсуждения различных проблем. Как известно, понятие арен социальных проблем ввел Г. Блумер, понимая под ними прессу, школы, все средства коммуникации, гражданские организации, церковь, законодательные собрания, места сосредоточения должностных лиц, бюрократии и пр.¹¹⁹ Ныне к этим публичным аренам присоединил-

¹¹⁸ Блумер Г. Указ. соч. С. 155.

¹¹⁹ Там же.

ся Интернет¹²⁰. К ним относят законодательную и исполнительную власти, прессу, телевизионные каналы, общественное мнение¹²¹. Мы бы добавили к числу этих арен виртуальное публичное пространство и публикации не только в прессе, но и в научных изданиях, дискуссиях, обсуждениях на конференциях, в лекциях, идеи, представленные в лозунгах социальных движений и массовых выступлениях, ибо арены дискуссии по проблеме, которую мы считаем социальной – «академическая – постакадемическая наука» *шире*, чем необходимы для решения других социальных проблем (например, социальной проблемы нехватки детских садов) и *уже* других (например, обсуждаемой Ю.В. Верминенко проблемы алкоголизации и наркотизации в России). Рассматриваемая нами социальная проблема затрагивает понимание роли технологических трансформаций на данной стадии провозглашенной в стране модернизации и оценки ее перспектив. Трудностью ее решения на публичных аренах является ее специальный характер, требующий не только мнения публики, но и знания специалистов, работающих в области социальной теории и социальной философии и способных обозначить сущность сегодняшнего этапа развития общества. Отсюда может возникнуть вопрос, а нуждается ли эта проблема в обсуждении на многообразных аренах публичного пространства. Мой ответ: «да», если она является социальной проблемой, т. е. затрагивает все общество, и «нет», если она касается только ученых, не влияя на систему ценностей, воспитания, образования, перспективы прогресса, в том числе и научно-технического. Иногда путем расширения публичных арен мы получаем идеологему вместо научного решения, например в случае с объявленной в России в 2008 г. программой модернизации. О модернизации вскоре стали говорить люди, которые не изучали ни историй, ни теорий модернизации, ничего не знают о ней и воспринимают ее как усовершенствование или технологическое развитие. Философы, социальные теоретики обнаруживают в этом, тем не менее, идеологию готовности населения к модернизации, но одновременно отсут-

¹²⁰ *Постер М.* Кибердемократия: Интернет и публичная сфера // Контексты современности. С. 120.

¹²¹ *Верминенко Ю.В.* Индустрия социальных проблем. СПб., 2012; *Верминенко Ю.В.* Конструирование социальных проблем в современном российском обществе. СПб., 2012.

ствии возможности разъяснить ее суть на всех публичных аренах. Это – не ошибка людей, проникшихся идеей важности модернизации, и не ошибка социальных теоретиков. Это ошибка, связанная с разорванностью публичных арен. Тоже происходит сейчас в отношении академической и постакадемической науки. Философы и специалисты в области социально-гуманитарных наук не вхожи во многие публичные арены для разъяснения мегатрендов социального развития, которые делают проблему соотношения академической и постакадемической науки социальной, глубоко ответственной за будущее, за грядущие мегатренды, а значит, делают ее социальной проблемой. Многие публичные арены не способны дать глубокое понимание этого вопроса.

Ю.Н. Верминенко использует российские источники и западную концепцию индустрии социальных проблем, выдвинутую Г. Блумером в его символическом интеракционизме, разработанную С. Хилгартнером, Ч. Боском, Д. Лазиком в конструктивизме. Обратим внимание на статью С. Хилгартнера и Ч. Боска «Рост и упадок социальных проблем. Концепция публичных арен», в которой они показывают, что социальная проблема конституируется коллективным признанием¹²². Если общество не видит в чем-то проблемы, то ее пока нет. Авторы развивают концепцию индустрии социальных проблем, под которой понимается их производство, воспроизводство или разрешение путем публичной борьбы социальных групп за признание легитимности определения социальных проблем и нахождения ресурсов снижения их остроты с учетом своих интересов. Методы, которые предлагают указанные авторы для разрешения противоречий и конкуренций на этих аренах, они называют экологическими, т. е. мягкими (конкуренция, отбор, адаптация), с которыми следует встретить функционера, принимающего решения. Возможно, признав эту методологию – конкуренции, отбора, адаптации или методологию анализа противоречий, более свойственную российскому видению, или какую-то другую, можно суметь найти пути разрешения новой социальной проблемы – конфронтации академической и постакадемической науки, предпочтения функционерами немедленной практической эффективности всей

¹²² Hilgartner S., Bosk Ch.L. The Rise and Fall of Social Problems. A Public Arenas // Journal of Sociology. Chicago, 1988. Vol. 94. № 1. P. 73.

мощи эффективности научного фундаментального знания с его огромным багажом непрекращаемых инноваций, ценностных и социальных образцов.

От этоса науки к организационным формам производства знания

Р. Мертон писал: «Нормы выражаются в форме предписаний, запрещений, предпочтений и разрешений... Хотя этос науки не кодифицирован, его можно вывести из того морального консенсуса ученых, который находит выражение в обычной научной практике, в бесчисленных произведениях научного духа и в моральном негодовании, направленном на нарушения этого этоса»¹²³.

Большинство исследователей новых форм получения знания (постакадемической науки) считают этос классической академической науки полностью разрушенным. Наука потеряла характер всеобщего и никому в отдельности не принадлежащего труда, производителя общественного продукта, сообщества свободных ученых. Это – следствие позднего индустриализма, образовавшегося в период второго организованного модерна на Западе (с окончания Первой мировой войны, особенно после Второй мировой войны вплоть до конца 1970-х гг.), в котором технократия, бюрократия, поздний индустриализм, капитализм, коммерциализация оказались заинтересованными в модели индустриальной или организованной науки. Следствием этого была партикуляризация научного знания вместо прежней универсальности и наличия универсального контекста. По мнению Е.Г. Гребенщиковой, «новые оргсхемы индустрии знаний не соотносятся с нормой универсализма, а напротив, имеют только локальный характер, направленный на решение практических задач»¹²⁴. Они же ведут не только к парти-

¹²³ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 769. См. также: Novotny H. The Concept of Ambivalence in the Relationship Between Science and Society // Concepts and the Social Order. Robert K. Merton and Future of Sociology / Ed. by Y. Elkana, A. Szigety, G. Lissauer. Budapest; N.Y., 2011. P. 87–100.

¹²⁴ Гребенщикова Е.Г. Этос «постакадемической» науки и трансформация нравственных императивов производства знания // Философия образования. 2012. № 1. С. 35.

куляризации знания, но и к его коммерциализации (вместо прежней бескорыстности) и к декоммунизации (декоммунитаризации, декоммунализации) путем создания экономической и прочей конкуренции между учеными. Организованный скептицизм погиб в этой новой экономически обусловленной сфере деятельности, а так же из-за ее зависимости от социальных, политических, частных и иных интересов.

Разрушение этоса классической науки и появление нового этоса раскрыто в работах Л.П. Киященко, Е.З. Мирской, Б.И. Пружинина. Ими показано, что усиление прагматизма ведет к потере онтологического основания науки и взгляде на нее как полезное знание, которое вместе с тем «ничего не несет в себе, кроме эффективно структурированной информации об устройстве фрагментов бытия»¹²⁵. С философской точки зрения, наука не могла сохраниться неизменной на протяжении всей своей истории, но ее движение к постакадемической стадии сегодня не может быть принято некритически. Для того, чтобы понять смысл и перспективу этого, надо изучить адекватность той или иной формы научности эпохе, в том числе и с точки зрения способности быть адекватными сегодняшнему времени и способности открывать перспективу будущего, приемлемого для человечества. В этом отношении методология отечественных авторов, ищущих в науке не только прагматическую задачу, равно как «мягкая» «экологическая» методология западных авторов, на которых мы сослались, должны быть тщательно изучены.

От дискуссий конца 1970-х, когда вопрос об академической и постакадемической науке начал рассматриваться на Западе, до 2014 г. много воды утекло. Б.И. Пружинин делает в начале упомянутой нами его статьи заявление, которое может быть использовано не только в научных дискуссиях, но и на публичных аренах для дискуссий по социальной проблеме «академическая – постакадемическая наука», беспокоящей общество в целом: *«Этос современной науки неоднороден. В нем представлены установки двух фактически различных этосов – установки сообщества ученых, ориентированных традиционными в общем, классическими целями и ценностями чистой науки, и установки сообщества, ориенти-*

¹²⁵ Пружинин Б.И. Прикладное и фундаментальное в этосе современной науки // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. С. 112.

рованного на задачи прикладного исследования. И все реже и реже встречаются ученые, способные работать одновременно в обоих сообществах. Ибо у этих сообществ, помимо всего прочего, уже сложились разные гносеологические ориентиры и нормы, и они очень по-разному представляют себе результаты своих усилий. Есть наука фундаментальная; есть наука прикладная. И сегодня существуют достаточно мощные социально-экономические факторы, способствующие их отдельной институционализации. Между тем такого рода процессы провоцируют кризисные явления и в том, и в другом типе научно-познавательной деятельности. Я полагаю, что перспективы сохранения науки как самостоятельного социокультурного феномена связаны с поиском и выработкой новых социально и культурно приемлемых форм эпистемологического единства науки»¹²⁶.

Молодые авторы разных специализаций с Урала схематически и популярно, даже упрощенно, изложили западные организационные схемы производства знания, представляемые в терминах Mode 1, Mode 2, Mode 3, используя принятые на Западе термины (термин, предложенный Дж. Зиманом, М. Гиббонсом и означающий «тип», «способ» и др.). Одновременно упомянутые молодые авторы предложили свою схему Mode 5, названную пентаспиралью. Их подход приемлем для популярных арен обсуждения сложной социальной проблемы отношений академической и постакадемической науки. Тип (Mode) 1 – характеристика классического академического способа получения знания, основанного, как справедливо пишут Дж. Зиман и М. Гиббонс, на концепции традиционного дисциплинарно-организованного производства знания. Тип (Mode) 2. Трансдисциплинарный подход (М. Гиббонс, К. Лимож, Х. Навотны, С. Шварцман, П. Скотт, М. Троу) к исследованиям науки. Использование диалога в отношении проблем, данных в определенном контексте, и обеспечение передачи знаний в процессе активной коммуникации и практического взаимодействия с учетом потребностей общества. Здесь действует идея «двойной спирали» – взаимодействия университетов – предприятий; государства – университетов; государства – рынка, науки – бизнеса и пр.

¹²⁶ Пружинин Б.И. Прикладное и фундаментальное в этосе современной науки. С. 109.

Тип (Mode) 3 – это концепция «тройной спирали»: университет – правительство – бизнес-предприятие (Д. Ицковиц, Л. Лидесдорф). Ядро инновационной деятельности – университет, взаимодействующий с бизнес-предприятием под руководством государства.

Сравним с первоисточником – работой Навотной и Гиббонса, у которых Mode 1 характеризует доминирование дисциплинарной науки, внутреннюю иерархию дисциплин и приводит к автономии ученых и их институтов, университетов. Mode 2 характеризует новую парадигму производства знания, которая социально распределена, ориентирована на практическое применение, трансдисциплинарна и требует множественных типов ответственности. Это – новый проект распределенного знания. Социально распределенное знание не позволяет авторитарным путем закодировать его в традиционных формах публикаций. Авторы пишут, что имеется проблема защитить в традиционном научном дискурсе Mode 1, а также его возможности сблизиться с дискурсом Mode 2, что, на мой взгляд, может снять конфронтацию академической и постакадемической науки, избавив их отношения от статуса социальной проблемы¹²⁷.

Тип (Mode) 5 – это предложенная российскими авторами из Екатеринбурга концепция «пентаспирали»: «наука – образование – бизнес – власть – институты гражданского общества», интегрированные темой человека. Пока это – не вполне готовый научный продукт, слишком схематичный, но в публичном пространстве возможно уместный для дискуссий по проблеме соотношения академических и постакадемических способов получения знания¹²⁸.

Научные дискуссии по проблемам взаимодействия академического и постакадемического научного знания

Из изложенного выше можно заметить, что проблема взаимоотношения академического и постакадемического знания действительно является социальной проблемой, касающейся общества, и

¹²⁷ Nowotny H., Scott P. and Gibbons M. Re-Thinking Science: Mode 2 in Societal Context // Knowledge Creation, Diffusion, and Use in Innovation Networks and Knowledge Clusters. Westport, 2006. P. 40.

¹²⁸ Федоров М.В., Пешина Э.В., Грелина О.В., Авдеев П.А. Пентаспираль – концепция производства знания в инновационной экономике // Управленец: Научно-аналит. журн. Екатеринбург, 2012. Март–апр. С. 4–13.

ее нужно обсуждать на публичных аренах. Однако, как уже было отмечено, ввиду профессионального характера этой проблемы она должна быть рассмотрена, прежде всего, как научная проблема. В научной сфере по данному вопросу состоялись дискуссии в 1970, 1980, 1990 и 2000-е годы и назрела новая необходимость в подобных обсуждениях. Дискуссии 1970-х прошли под лозунгом *финализации (завершенности) фундаментальной науки*, 1980-х – в связи с постмодернистским поворотом, 1990-х – в связи с проникновением модели индустриальной, организованной науки в посткоммунистический мир, а на Западе в связи с идеями постиндустриализма и общества знания, 2000–2015-ые – в связи с поисками большей эффективности науки, новыми технологическими возможностями электронных средств, интернета и пр., пересмотром концепции общества знания, реиндустриализацией.

НТР 1970-х внесла серьезные изменения во взаимодействие науки и практики.

Уже было обращено внимание читателя на то, что паровая машина была построена без термодинамики, на основе практических знаний, атомная же электростанция не могла возникнуть без ядерной физики. Компьютеры не могли появиться без новых отраслей математики. Генная инженерия основывалась на научных достижениях генетики, и не имела других путей возникновения. Самолет еще было относительно возможно построить без аэродинамики и усовершенствовать его ею. Выход же в космос был основан на выявленных наукой скоростях преодоления земного притяжения и способов их достижения, а никак иначе. Это было технологическое применение фундаментальных наук. Его предсказывал К. Маркс. Он видел его как будущее, открывающее перспективу умственного труда.

Однако именно тогда, когда в ходе НТР раскрылись реальные перспективы применения фундаментального знания и его революционные возможности для общества и технологий, появляется концепция исчерпанности познания фундаментальных свойств и закономерностей природы и общества, перехода к практически ориентированной науке. Она ищет не закономерности, считая, что фундаментальная наука их все уже открыла, исчерпала себя, а решения важнейших проблем – борьбы с раком, с экологическими проблемами, с угрозами войны, усовершенствованием ядерных технологий и пр. Так, рассмотренная в предыдущей главе Штарн-

бергская группа в Германии назвала свою концепцию 1980-х годов «финализацией науки», т. е. завершением науки, открывающей закономерности природы.

Она произвела революционные сдвиги в области понимания задач науки и ее применения, являясь прологом будущих постакадемических теорий научного знания, основными чертами которых являются: работа на заказ, обусловленный внешними целями, оплачиваемая по ее результатам администраторами–менеджерами, возможность сделать ее результаты закрытыми, корпоративными, которые можно продать. Постакадемическая наука теряет принцип всеобщности (всеобщей доступности) научного труда и его результата. Однако идея исчерпанности фундаментальных исследований после НТР, обеспечившей поток фундаментальных открытий и значение науки как производительной силы, вдохновивший Штарнбергскую группу на предположение о завершенности фундаментальных исследований, была вскоре опровергнута. Как мы уже отмечали, фундаментальные открытия Н.Г. Басова и А.М. Прохорова и другие исследования, получившие Нобелевскую премию, противоречили идее завершенности познания фундаментальных законов и продемонстрировали еще раз неисчерпанность познания фундаментальных явлений природы. В социальной философии науки и социологии науки нет привычки к фиксации результата как научного открытия и мало работ, где говорится о таких открытиях.

Под влиянием очевидной неисчерпанности возможностей фундаментальных открытий наукой Штарнбергская группа позже отказалась от жесткого тезиса о финализации закономерностей природы, но продолжала настаивать на преобладающей значимости фундаментального ответа науки на сформировавшиеся вне науки цели постижения и преобразования природы, общества и человека. К новым проблемам были отнесены проблемы религии. Но в целом эта исследовательская группа завершила свое существование в качестве научного сообщества.

Выводы ученых, изучавших колебание «маятника» «академическая, фундаментальная науки – целеориентированная, чаще заказная, не всеобщая по типу труда, постакадемическая» сегодня разные. Известный европейский социолог П. Вагнер, ставящий эту проблему в контекст модернизационного развития считает, что «...есть постоянные вариации в использовании социальных наук в

странах и сферах (знания. – В.Ф.). Есть социальные науки, которые ориентируют себя на государство и правительство и чьи практические ориентации являются релевантными публичной политике и вмешательству государства в науку в Европе в большей мере, чем в Соединенных Штатах. В противоположность этому изучение индивидов и их развития с возможным применением и учетом их профессий, включая самопомогающие группы и профессии, более развиты в США... поскольку это хорошо для бизнеса и стран, поддерживающих бизнес»¹²⁹. Вместе с тем, Вагнер считает, что «ни тезис о важности проникновения в жизненный мир посредством комплекса власть/знание, ни противоположный взгляд – об отходе к саморегулирующейся модели общества не могут быть поддержаны. Есть лишь настойчивая проблематизация в постпросвещенческих обществах, запрашивающая полярность и неспособная разорвать ее»¹³⁰. События прежде были связаны с технологическим применением фундаментальных естественных наук, меняющих традиционный взгляд на разделении наук на прикладные и фундаментальные. Подтвердилось, что функционирование знаний оказывает влияние на процесс их формирования. Как уже показывалось, знание задач применения будущих теорий, их функций становится значимым для осуществления научного исследования и построения новых теорий.

И, тем не менее, сегодня произошло резкое обострение проблемы соотношения академической и постакадемической науки, доведение ее до социальной проблемы, затрагивающей общество в целом через образование, смену этоса научного сообщества и другие отмеченные и всех касающиеся черты. Особенностью сегодняшних проблем является меньший временной отрыв интереса к этой проблеме в России, в сравнении с Западом, чего раньше не происходило (проблемы Запада доходили до нас много позже). Сегодня происходит радикализация проблемы науки и на Западе, и в России. Это рождает стремление к балансу академической и постакадемической науки.

Однако здравый смысл часто оставляет радикалов, что происходит и на Западе, и в России.

¹²⁹ *Wagner P. The Uses of the Social Sciences // The Cambridge History of Science. Vol. 7: The Modern Social Sciences / Ed. by Th. M. Porter, D. Ross. Cambridge, 2008. P. 551.*

¹³⁰ *Ibidem.*

ГЛАВА V . ЗАБОТЯСЬ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНОМ КАПИТАЛЕ: ПУБЛИЧНОЕ (ВНЕАКАДЕМИЧЕСКОЕ) СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ

Я обратилась к ряду текстов, в которых представлено знание, статус которого не изучен. Это – своего рода манифесты о том, каким должно быть общество и науки о нем, а так же тексты о науке в ее взаимоотношениях с обществом. Рассмотрено несколько манифестов: 1) опубликованный в 1955 г. Манифест Рассела–Эйнштейна об угрозе применения ядерного оружия, которая не сразу была полностью понята. Это привело авторов Манифеста и их коллег к выводу о необходимости отказа от его применения. Манифест сыграл роль в понимании единственно возможной роли этого оружия – как средства сдерживания, предотвращающего гибель человечества. 2) второй – Потсдамский манифест 2005 г. физика профессора Х.-П. Дюрра и двух его коллег. Они ставили вопрос о том, что человечество входит составной частью в космический Универсум, и, в отличие от материалистически-механистической картины мира, квантово-механическая картина мира более адекватна в своих принципах нелинейности, противоречивости, синергии для сегодняшнего общества. 3) третий, исследованный автором блок знания – журнал *Cadmus* Всемирной Академии искусств и науки в г. Напа (Калифорния). Это особые тексты гуманитариев и естествоиспытателей, высказывающие опасения по поводу угроз человечеству.

Мы попытались определить представленный в этих текстах тип знания¹³¹. Он не является ни повседневным, ни эмпирическим, ни теоретическим, не является дисциплинарно обозначенным. Мы

¹³¹ *Irwin A., Michael M.* Science, Social Theory and Public Knowledge. Berkshire, 2003; *Broks P.* Understanding Popular Science. Berkshire, 2006.

вводим новый термин: это – *публичное социальное знание*, претендующее на социальное конструирование реальности. В системе прежде обозначаемых терминов «академическая – постакадемическая наука» этот тип знания может быть обозначен как внеакадемический. Хотя манифесты подготовлены крупнейшими академическими учеными, в них они обращаются к публике, знакомя ее с опасностями и призывая изменить мировоззрение.

Манифест Рассела–Эйнштейна

9 июля 1955 г. лорд Б. Рассел огласил в Лондоне Манифест Рассела–Эйнштейна. Его подписывают М. Борн, профессор теоретической физики в Берлине, Франкфурте и Геттингене, естественной философии в Эдинбурге, лауреат Нобелевской премии по физике; П.У. Бриджмен, профессор Гарвардского университета, лауреат Нобелевской премии по физике; А. Эйнштейн; Л. Инфельд, профессор теоретической физики Варшавского университета; Ф. Жолио-Кюри, профессор физики, лауреат Нобелевской премии по химии; Г. Мёллер, профессор зоологии Университета штата Индиана, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине; Л. Поллинг, профессор химии Калифорнийского технологического института, лауреат Нобелевской премии по химии; С. Пауэлл, профессор физики Бристольского университета, лауреат Нобелевской премии по физике; Дж. Ротблат, профессор физики Лондонского университета; лорд Б. Рассел; Х. Юкава, профессор теоретической физики Университета в Киото, лауреат Нобелевской премии по физике. Авторы – крупнейшие естествоиспытатели Европы – заявили о трагическом положении, в котором оказалось человечество после того, как достижения науки стали использоваться для создания оружия массового уничтожения. Они выступили, по их собственному утверждению, как представители человеческого рода из-за опасности, которая нависла над ним. Они заявили: «Мир полон конфликтов; и все второстепенные конфликты отступают перед титанической борьбой между коммунизмом и антикоммунизмом. Почти каждый человек, который остро чувствует политическую обстановку, питает симпатию или антипатию к той или иной проблеме; но мы хотим, чтобы вы, если это возможно, отбросили эти

чувства и рассматривали себя только как представителей одного биологического вида, имеющего замечательную историю развития, и исчезновения которого никто из нас не может желать»¹³².

Хотя обозначенный конфликт между коммунизмом и антикоммунизмом утратил свое значение, новые конфликты представляли не меньшую угрозу. Авторы Манифеста провозгласили, что надо научиться мыслить по-новому, не с позиций лагерей, к которым люди принадлежат, а с позиций предотвращения конфликтов, ведущих к общей катастрофе. Они отмечали, что ядерное оружие в своем применении теряет локальный характер, распространяется на большей территории и способно нанести смертельный удар по человечеству. В это время результаты применения ядерного оружия не были достаточно известны, и авторы Манифеста информируют общество об угрозах: большие города будут уничтожены. В случае гибели Лондона, Нью-Йорка и Москвы потребовалось бы несколько столетий, чтобы человечество могло оправиться от этого. Но смерть и разрушение коснется территорий гораздо более обширных, чем места поражения. Где бы ни была взорвана бомба большой мощности (под водой или под землей), радиоактивные частицы осядут на поверхности Земли. Война с применением водородных бомб грозит уничтожением человеческого рода, причем, для большинства это будет медленная и мучительная смерть. «Мы убедились, – говорят авторы Манифеста, – в том, что точка зрения специалистов на эту проблему не зависит в какой-либо степени от их политических взглядов. Она зависит только, как показали наши исследования, от степени знаний специалистов. Мы установили, что люди, которые знают очень много, выражают наиболее пессимистические взгляды»¹³³. В Манифесте не поднимается вопрос о том, должны ли были ученые сами ограничить себя в раскрытии разрушительных сил природы. Этот вопрос не ставится в принципе: компетенция отбора применимых результатов возлагается на общество, а на ученых не в плане их профессиональной деятельности, а как на членов общества. Манифест Рассела-Эйнштейна, рекомендация Оппенгеймера организовать Всемирную Академию искусства и науки, об идеях которой будет рассказано ниже, сви-

¹³² The Russell-Einstein Manifesto. 1955. July 9.

¹³³ Ibidem.

детельствуют об этом. Поэтому вопрос, который представлен в Манифесте, – «вопрос суровый, ужасный и неизбежный: должны мы уничтожить человеческий род, или человечество откажется от войн?.. Люди не хотят столкнуться с такой альтернативой, так как очень трудно искоренить войну. Искоренение войны потребует мер по ограничению национального суверенитета, которые будут ненавистны чувству национальной гордости»¹³⁴. Общество должно понять, что такое человечество, чтобы добиться запрещения водородных бомб, ибо в военное время к ним обязательно кто-нибудь прибегнет.

Авторы Манифеста приходят к следующим выводам: соглашение между Востоком и Западом должно быть направлено на уменьшение напряженности; запрещение термоядерного оружия будет способствовать уменьшению страха перед неожиданным нападением. В Манифесте говорится: «Все мы пристрастны в своих чувствах. Однако, как люди, мы должны помнить о том, что разногласия между Востоком и Западом должны решаться только таким образом, чтоб дать возможное удовлетворение всем: коммунистам или антикоммунистам, азиатам, европейцам или американцам, белым и черным. Эти разногласия не должны решаться силой оружия. Мы очень хотим, чтобы это поняли как на Востоке, так и на Западе»¹³⁵. В резолюции авторы Манифеста обратились к людям всего мира со следующими словами: «В связи с тем, что в будущей мировой войне будет непременно использовано ядерное оружие и поскольку это оружие угрожает существованию рода человеческого, мы настаиваем, чтобы правительства всех стран поняли и публично заявили, что споры между государствами не могут быть разрешены в результате развязывания мировой войны. Мы требуем, чтобы они находили мирные средства разрешения всех спорных вопросов»¹³⁶.

Приведем еще один образец подобного типа знания.

¹³⁴ The Russell-Einstein Manifesto. 1955. July 9.

¹³⁵ Ibidem.

¹³⁶ Ibidem.

Потсдамский манифест 2005 г.: «Мы должны учиться думать по-новому»

Данный Манифест, иначе называемый Манифестом профессора Ханса-Петера Дюрра, бывшего зам. директора Института Макса Планка, умершего в 1914 г., подготовлен им в 2005 г. совместно с Даниелем Дамом и профессором Рудольфом Липпе¹³⁷. Я неоднократно встречала проф. Дюрра на Родосском форуме «Диалог цивилизаций», слушала его доклады и получила его разрешение на публикацию его Манифеста.

Вспоминая о Манифесте Рассела-Эйнштейна в год его пятидесятилетия, авторы отмечают, что накопление оружия массового уничтожения было кульминацией опасностей, но в своем Манифесте они не только подтвердили свое согласие с Расселом и Эйнштейном, но обратили внимание на структурное насилие с его политическими и экономическими компонентами.

Геополитическая, социокультурная и экономическая властная стратегия разрушают пространственные и материальные пределы Земли, взаимоотношения природы и общества. По существу родилась новая цивилизация, ориентированная на усиленное потребление без адекватной оценки изменений, которое оно вносит в природу. Это упрощает и человеческую жизнь, уменьшая ее диверсификацию.

Многообразие кризисов, – утверждают авторы Манифеста, – вело к ментальному кризису в отношениях человека к живому миру. Это тесно связано с материалистически-механистическим мировоззрением. Авторы Манифеста глубоко озабочены уменьшением живого многообразия на Земле, недостаточным вниманием к сохранению мира.

В Манифесте утверждается, что мы должны расширить наше мышление и фундаментально исправить наше текущее поведение. В нем выражена надежда на появление новой физики, которая сформулирует новые основания мышления и деятельности, позволит решать многие проблемы. Их кредо – новый, ими предлагаемый подход, который может стимулировать новый тип мышления.

¹³⁷ *Dürr H.-P., Dahm D., Lippe R.P. Potsdam Manifesto «We Have to Learn to Think in a New Way».* В., 2005.

Новые ориентации они связывают с квантовой физикой, ибо она дает, на их взгляд, интерпретацию мира, отличную от материалистически-механистического мировоззрения. Вместо механического темпорального понимания «реальности» объективных вещей есть реальная *действительность* (мир, который оказывает воздействие), обращаясь к базовой «потенциальности»: неразделимому, нематериальному, существенно неопределенному, детерминирующему «возможность» возможности, создающему дифференцированный потенциал материально-энергетической реализации. Фундаментальная открытость, креативность, материальная всесвязанность позволяет нам защитить неживой и живой мир как различный – статистически стабильно предстающий открытым и статистически нестабильным, но динамически стабилизированным всеохватывающим преджизненным космосом. Нематериальное, содержащее информацию предшествующее жизни, превалируя в микромире, только опосредствованно оперирует на мезоуровне нашего восприятия мира. Живая природа интегрирована с преджизненной. Предваряющая жизнь сфера организует себя в комплексе вариаций более «высокой» биоэкологической сферы. Культурно-экологическая сфера и формы ее развития существуют как процесс трансформации и равновесия в определенном контексте. Эта новая точка зрения, по мнению авторов Манифеста, позволяет иначе взглянуть и на социокультурную динамику и связь различных форм действительности друг с другом.

Призыв к *новому мышлению* авторы Манифеста считают радикальным и серьезным. Понятие «действительность» введено как теоретически закрытая система. Это ведет к внутренне присутствующему ей индетерминизму, обусловленному фундаментальной неделимостью ее на сферы и ограниченностью способности познавать. Ученые еще не научились говорить о действительности как понятии. Нельзя ответить на все вопросы, находясь на человеческой точке зрения. Вариации влияния других людей и геобиосфера являются частью всех наших действий, оказывая воздействие не только через мост материально-энергетических взаимодействий, связанных с чувствами человека, но и прямо – через нематериальные, но потенциально связанные с каждым человеком факторы, – считают авторы Манифеста. Равным образом действия людей оказывают влияние на целостное состояние

общества и изменяют динамически меняющиеся потенциальные возможности жизненной действительности. Уникальной для Земли ситуацией является то, что индивид, как и все остальное, не изолирован и образует многообразные связи. Уникальность индивида способствует процессу общей культурной эволюции: «Мы – люди и человеческие сообщества, с нашим культурным миром идей, нашими ментальными процессами, и нашими обменами движениями, представляем специальную, глубоко связанную сферу живого мира. Преджизненность является характеристикой всего, включая мир вещей, которые обычно воспринимаются как “мертвые”... Мы нуждаемся в том, чтобы достичь фундаментально нового пути мышления и более всеобъемлюще понимать нашу *Действительность*, в которой мы тоже смотрим на себя как на волокна в ткани жизни, не изменяя нашим человеческим качествам. Это делает возможным увидеть человечество в фундаментальной общности с остальной природой (не впадая при этом в конвенциональный натурализм) или просто с космологией, что может быть связано с мировоззрением и образами культур, оставаясь в тесной связи с природой»¹³⁸.

Материалистически-механистическое мировоззрение классической физики с его жесткими идеями и упрощенным способом мыслить возможное (предполагают авторы Манифеста) стали легитимизирующей идеологией для многих сфер научного и политико-стратегического мышления, экономической практики и пр., опираясь на унифицированную объективацию действительности и не задаваясь вопросом, достаточно ли этого. Современное общество ведет «холодную войну» против разнообразия и изменения, дифференциации и интеграции, развития и равновесия, риска и возможностей, являющихся источником живой эволюции не только в природе, но и в жизненном мире, где происходит интеграция того, что различно, создавая формы жизни, где целое может быть больше, чем сумма частей. Непрерывные изменения, говорится в Манифесте, являются характеристикой культурной эволюции и одновременно критерием культурной устойчивости. Без этого возникнет застой, ведущий к коллапсу, который окажется запрограммированным. Если культуры привя-

¹³⁸ Dürr H.-P., Dahm D., Lippe R.P. Potsdam Manifesto «We Have to Learn to Think in a New Way».

зываются к экономике, то тогда они могут развиваться только в рамках материального мира, а не в рамках эволюции всей жизни. А это неверно, по мнению авторов Манифеста.

Они считают, что квантовая физика – и не только она – бросает вызов застывшим структурам, ибо гибкие вариации могут иметь место. «Это делает возможным терять и мягко растворять моноструктуралистские, централистские конструкции, а формы выражения делать имеющими предпочтения перед материалистически-механистическим мировоззрением»¹³⁹. Проявлением последнего является деструкция ценностей под влиянием доминирования рынка. Новый путь мышления, согласно Потсдамскому манифесту, сливается с полнотой нашей способности к восприятию и умственному развитию, сознательным и бессознательным мотивам человеческого мышления и действия. Речь идет о нефрагментальном восприятии, которое должно стать основанием мышления, чувствования и действия. Таким путем можно трансформировать, утверждают авторы, наши цели, стратегии и действия. Организация образов и форм жизненных структур и биокомплексов должна расти во взаимодействии с движением жизненных комплексов Земли и динамически адаптироваться на протяжении ее истории.

Новые требования, согласно Потсдамскому манифесту, включают мобильность, открытость, эмпатию, внутренне присущее творчество и творческие действия, интеграцию и кооперацию, успешные жизненные стили, интегрирующую кооперацию людей в их жизненном окружении, децентрализацию и многоцентричные, эффективные структуры производства, обеспечивающие жизнь, сохранение человечества, плюрализацию экономики как по существу – плюрализацию ее видов на локальную, региональную, континентального значения, их синергию в обеспечении межконтинентальных структур, обмена товарами и сервисом, глобального разделения труда, доверия к международным обязательствам по обеспечению людей необходимыми благами.

Новые действия прямо следуют, согласно Потсдамскому манифесту, из нового мышления. Они состоят в большей дифференциации, чем имеющаяся сегодня. Обращено внимание на необходимость дифференциации власти и экономических структур,

¹³⁹ Dürr H.-P., Dahm D., Lippe R.P. Potsdam Manifesto «We Have to Learn to Think in a New Way».

интегративно-кооперативные связи, развитие диалога, кооперативно-диалогических связей между культурами и людьми Земли, вариацию стилей жизни, усиление сетевых связей между людьми.

Человечество, отмечается, в Манифесте, не должно склоняться в нашем общем игровом поле к ведущей к катастрофе борьбе за власть. Но основы роста новой устойчивой организмической культурной вариации хорошо подготовлены. И имидж человечества должен быть основан на эмпатии людей. Опыт конфронтаций не может быть продолжен. Взаимосвязанность, которую мы можем назвать любовью, и которая производит жизнь, внутренне присуща и нам, и всем. *Мы есть жизнь.*

Новая парадигма будущего Всемирной Академии искусства и науки

В июне 2014 г. я была приглашена Директором Института экономики РАН членом-корреспондентом РАН Р.С. Гринбергом на встречу с руководством Всемирной академии искусств и науки (Напа, Калифорния, США) в Институте экономики РАН. Предварительно я ознакомилась с публикациями сотрудников этого научного учреждения в издаваемом им журнале *Cadmus*. В данном названии использовано имя героя греческой и финикийской мифологий Кадма – брата Европы и мужа Гармонии, который символизирует синкретизм целей познания, доступных человеку, науки и искусства. Журнал стремится открыть перспективу, интегрирующую знание, науку, искусство и гуманитаристику в попытке дать реалистический ответ на вызовы и возможности современного мира. *Cadmus* – это журнал, разрабатывающий идею реакции на многообразие вызовов глобальному обществу сегодня в экономике, экологии, управлении, стремясь развить новое мышление, которое будет способно сформировать адекватные действия на эти вызовы. «Всемирная академия искусств и науки» создана по предложению выдающегося физика, отца атомной бомбы Р. Оппенгеймера.

Знакомство с работой Всемирной академии искусств и науки по статьям в указанном журнале и совместные дискуссии в Институте экономики РАН привели меня к вопросу о том, с каким

типом социального знания работают ученые этого института, филиалы которого расположены не только в городах Напа и Флориде, но и в других городах и странах, например, в Риме, в Женеве, в Триесте, в Индии.

До сих пор в дискуссиях о социально-гуманитарном знании выделялись: повседневное знание, вырабатываемое людьми в жизненной практике; знание, формируемое в различных формах сознания – искусстве, религии, морали и пр.; научное социальное знание. Цитаделью систематизированного и достоверного знания всегда считалась наука. Принято выделение ее эмпирического и теоретического уровней. Сами науки разделены согласно своим предметам исследования, относящимся к природе, обществу или технике. Анализу общества и человека посвящены социальные и гуманитарные науки. Существуют также парадигмы познания, ориентированные не на априори имеющееся различие социальных и гуманитарных наук, а на возможности разных парадигм – натуралистической и антинатуралистической (холистской, культурцентристской), используемых в познании и конструирующих в соответствии с использованием одной из этих парадигм разделение на социальные и гуманитарные науки.

В апрельском номере журнала *Cadmus* за 2014 г. сформулированы основные задачи новой парадигмы познания общества, основанные на новых свойствах общества: современный мир глобален; имеет комплексный характер; отличается неопределенностью и быстрыми изменениями; современная экономическая, социальная и политическая парадигмы разрушают естественный, человеческий и социальный капитал со все возрастающей скоростью; проблемы, генерированные этой деструкцией, требуют скорейшего решения; все эти проблемы взаимосвязаны и не могут быть преодолены постепенным образом в своих собственных секторах; эти проблемы не могут быть разрешены в рамках существующих парадигм; одна из фундаментальных проблем касается перестройки макроэкономики; мир стал свидетелем внезапных, драматических изменений, меняющих правила игры в XX в.; сегодня необходима парадигма, в центре которой находится человек, а также устойчивая парадигма экономики, общества и управления; она должна в перспективе стать глобальной, способной адаптироваться к посто-

янно меняющимся условиям и отвечать на внезапные неопределенности; новая парадигма достижима, пока сохраняет ценностные компоненты существующей парадигмы¹⁴⁰.

Говоря о наличной парадигме, авторы статей не замечают полипарадигмальности современной теории и практики, наличия многих практик, многих форм связи теории и практики. По сути их волнуют способы замены негативных черт, имеющихся в них, исправление того, что называется ими парадигмой. Движения к новому, отмечает Президент Всемирной академии искусств и науки И. Шлаус, могут проходить по пяти сценариям: без намеренных изменений; путем развития бизнеса в привычном формате (*business as usual*); ориентируясь на возрастающие изменения; революционным путем; посредством парадигмальных изменений. Последний путь является целью. Мир никогда не был глобальным до такой степени, как сегодня. Это меняет все. Поэтому, журнал призывает к изменению парадигмальным. Хотя авторы следуют за Т. Куном, парадигма понимается ими как то, что связывает воедино все виды человеческой жизни и жизни природы, теорию, представления, действия, т. е. *как имеющая одновременно научный и жизненно-практический характер*. Изменения так понятой парадигмы должны характеризоваться тем, что они соотнесены с человеческой сущностью и поддерживают человеческий капитал¹⁴¹. Эпиграфы к журналу: «Пересматривая богатство народов», «Продвигать лидерство мысли так, чтобы руководить действиями».

Требования к парадигме быть человекоразмерной и человекоцентристской ведут авторов к критике внутриотраслевых и внутринаучных индексов, которыми характеризуются достигнутые успехи отраслей хозяйства, ибо *за индексами забыт человек и значимость внеэкономического капитала*. Такие измерения экономики, как производительность, конкурентоспособность, ВВП, индекс человеческого развития способствовали позитивной практике в достижении благосостояния общества, но, вместе с тем, они отодвинули в сторону человека, формализовали экономику. Тоже самое происходит сегодня в науках об окружающей среде. Свой

¹⁴⁰ Curini O., Jacobs G., Slaus I. Inside This Issue // Cadmus. New Perspectives on Major Global Issues. 2014. Vol. 2, Iss. 2. Part 1. P. I–II.

¹⁴¹ Slaus I. Transition to a New Society // Cadmus. New Perspectives on Major Global Issue. 2014. Vol. 14. Iss. 2. Part 1. P. 1–8.

настойчивый призыв к изменению парадигмы авторы объясняют тем, что в науке много неточного, требующего исправлений, но для этого нет времени. Надо делать все быстро, *ориентируясь на стремление улучшить человеческий и социальный капитал.*

Существуют организации, имеющие целью изменение того, что авторы журнала называют парадигмой. Их беспокойство связано с неопределенностью гуманитарного ответа на взаимодействие науки, творчества, политических действий и решений, в то время как необходимо переводить лидерство в мышлении в лидерство в действии через независимые структуры ООН, Мадридский клуб, Римский клуб, Пагуошское движение ученых, Европейскую Сеть лидерства, Всемирную Академию Искусств и Науки, региональные академии, национальные академии и другие организации¹⁴². По мнению Г. Якобса, одного из видных сотрудников Всемирной Академии искусства и науки, надо заметить, что:

- парадигмальные изменения не является чем-то единичном.
- Парадигмальные изменения редко обнаруживаются с началом их появления.
- Изменение парадигмы вызывается внутренними силами, которые наращивают темп под социальной поверхностью прежде, чем оказаться видимыми.

Изменения имеют глубинный характер, включающий в себя рост взаимосвязи свободы и демократии, рост экономических ожиданий, ответ на экологические вызовы, равенство и свободу в образовании. Отмечая, что история идей дала огромный потенциал изменения мира и что фундаментальное изменение ценностей еще произведет такой переворот, Г. Якобс (американец, работающий во Всемирной академии искусств и науки, но живущий в Индии) считает, что изменения нужны в интеллектуальной сфере, необходима их комбинация с новой институциональной политикой, с ценностями человеческого блага. Существующая парадигма не должна быть отвергнута, что представляется революционным решением, а может включить свои достижения в новую парадигму *для поддержания человеческого и социального капитала.* При наличии новых технологических возможностей, капиталистических экономических сетей, интеграции в глобальное общество исход-

¹⁴² *Slaus I. Transition to a New Society.* P. 3.

ным пунктом изменений может стать волеизъявление, состоящее в отказе от иррациональных черт существующей парадигмы. Для новой парадигмы могут быть характерны:

– *реформа финансового рынка*. Речь идет о его способности поддержать реальную экономику, о развитии многообразных форм собственности, об отказе от фетишизации денег, об обеспечении человеческих потребностей и занятости.

– *Право на занятость*. Сегодня не обеспечивается из-за отрыва финансовых рынков от реальной экономики.

– *Инвестиции в образование людей во всем мире*. Образование – это инструмент социальной эволюции, и оно является приоритетным, должно быть мультикультурным.

– *Циркуляция экономики* (Римский клуб). Включает в себя воспроизводство продукта, непрерывность цикла «производства-воспроизводства».

– *Глобальное управление и безопасность*. Они являются источниками распространения репрезентативной демократии, идеи безопасности всех наций. Закон выступает как кодификация публичного сознания. Международное право должно быть рефлексией универсальных ценностей¹⁴³.

По мнению Якобса, изменение парадигмы не только возможно, но и необходимо: вопрос только в том, произойдет ли это раньше путем мирной коэволюции или позже революционным путем¹⁴⁴. Пожалуй, именно у него не вполне внятная из-за своего синкретизма идея новой парадигмы обретает более ясные черты. Он говорит, что «новая парадигма не может быть установлена путем воспроизводства конфликтов, например, между кейнсианской и неолиберальной экономическими концепциями, между поддержанием прав суверенности государств и защитой демократии как института глобального управления. Есть истина в тех и других подходах, но истина частичная. Новая парадигма – более холистский, синтетический, органический способ мышления, принимающий взаимодействие и взаимозависимость между разными областями. Это требует интегральной науки об обществе, основанной на общих принципах, в отличие от сегодняшней фрагментации»¹⁴⁵. Хотя сегодня имеется много пара-

¹⁴³ *Jacobs G.* New Paradigm: The Necessity and the Opportunity // *Cadmus. New Perspectives on Major Global Issue*. 2014. Vol. 2. Iss. 2. Part 1. P. 22.

¹⁴⁴ *Ibid.* P. 12–15.

¹⁴⁵ *Ibid.* P. 20.

дигм в различных областях знания и действия, *они характеризуют свойство мыследействия, отношения с природой, между людьми как имеющими общую парадигму конфликтности, несправедливости, иррациональности. Новая парадигма видится авторам как холистская, удовлетворяющая человечество, не принимающая несовместимых формулировок, нашедшая способ непротиворечиво соединить мысль с действием и лидерство с управлением и политикой.*

Я излагаю эти позиции не для того, чтобы обсудить их содержание, а для того, чтобы обозначить статус такого рода суждений и их место в системе социальных знаний, разбирая ниже сходные примеры.

Тип знания, изложенный в приведенных манифестах

Все три приведенных источника выражают сходные позиции в ряде отношений:

– авторы показывают болевые точки современного мира, среди которых угрозы атомной войны и локальных кровопролитных войн, конфликты, кризис ценностей, преобладание материальных интересов, старые модели мышления и действия и пр.

– Авторы выступают за сохранение мира, предотвращение войн и новые формы жизни, реализующие творческий позитивный потенциал человечества.

– Авторы черпают аргументы из своего повседневного понимания и профессионального опыта своей работы в качестве ученых – как гуманитариев, философов, так и физиков, высказывающихся по социальным вопросам, исходя из знания свойств произведенного водородного и атомного оружия, которые прежде не были известны (Манифест Рассела-Эйнштейна) и попыток сравнить нарастающую непредсказуемость, нелинейность, синергичность и возможность смены траекторий, многообразие форм жизни, биоэкологические проблемы с результатами квантовой физики, в которой они обнаруживают параллели между своим предметом изучения и изменениями в мышлении, в состоянии общества.

– Авторы рассуждают по поводу открытий, сделанных в их дисциплинах, но нуждаются во внеученных инстанциях контроля за использованием научных достижений

В Институте философии РАН, как уже было отмечено, имеется проект «Философия в публичном пространстве». Термин «публичное пространство» принципиально значим для понимания того, какое знание представлено в рассмотренных проектах. Это – не знание, произведенной в некой форме сознания (науке, искусстве, религии), не повседневное, не научно-эмпирическое и не теоретическое знание. Это – внеакадемическое знание, непосредственно предназначенное для социального конструирования новой реальности¹⁴⁶, своего рода феноменологическое, ценностное знание, работающее в публичном пространстве. Назову его *публичным социальным знанием* даже и в том случае, когда в нем речь идет об атомной бомбе¹⁴⁷. Наличие такого знания является еще одной причиной, кроме рассмотренных выше, превращения науки в социальную проблему. Научная популяризация и наука различаются друг от друга, развиваются по законам разных жанров и могут быть приняты одна за другую¹⁴⁸.

Социальная философия науки становится инструментом публичного обсуждения для целей практики и практического применения.

¹⁴⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; Федотова В.Г. Хорошее общество: М., 2005; Федотова В.Г. Какая политическая культура нужна гражданскому обществу // Филос. журн. 2013. № 1(10). С. 34–48.

¹⁴⁷ Miedema F. Science 3.0: Real Science, Real Knowledge. Amsterdam, 2010; Science Transformed? Debating Claims of an Epochal Break / Ed. by A. Nordmann, H. Radder, G. Schiemann. Pittsburgh, 2011.

¹⁴⁸ Hess J.J., Fricke S. Introduction: Fields of Knowledge and Theory Traditions in the Sociology of Science // Fields of Knowledge: Science, Politics and Publics in the Liberal Age / Ed. by S. Fricke, D.J. Hess.; Political Power and Social Theory. Un. Kindom, North America, Japan, India, Malaysia, China. 2014. Vol. 27.

ГЛАВА VI. РОССИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

В советский период российская социальная наука и философия несли несомненную печать идеологии, партийного контроля и некоторой схоластики. Вместе с тем, и в этой оболочке была произведена существенная эволюция и получены новые результаты, значимость которых вышла за пределы времени их получения и оказала влияние на последующее развитие как социальной философии, социально-гуманитарных наук, так и социальной практики. Была отброшена механистическая картина мира, возрос интерес к диалектике как к механизму изменений и развития. Диалектико-материалистическая картина мира была призмой, которая открывала новые свойства реальности.

Певцы революционной целесообразности и практической эффективности похожи друг на друга упрощенным видением мира (внеакадемическое знание)

В 1920–30-е гг. в СССР сохранилось достаточное количество философских школ, было немало знаменитых философов (Г.Г. Шпет, В.Ф. Асмус, А.Ф. Лосев и др.). Но пришли люди *с идеей управления философией посредством революционной целесообразности*, не понимающие значимости философских дискуссий, ответственные за выхолащивание философского знания политической пропагандой, примитивными схемами, идеологическими

догмами. Их понимание целесообразности в революционной форме привело к потере философией СССР своей высокой компетентности на несколько десятилетий. Это произошло и в Академии наук, но я называю академическим знание не по типу института, в котором оно произведено, а по характеру его производства – при институционализации, создающей условия для его саморазвития особенно в фундаментальной области (академическое научное знание); при институционализации, социально управляющей его развитием под влиянием внешних целей (постакадемическое, причем в независимости от места его производства, например в Академии наук или в университетах); внеакадемическое (если оно произведено или функционирует в публичном пространстве или для него); неакадемическое (если это повседневное знание, знание других форм сознания, а не науки, практическое знание).

Период разоблачений коррупции, криминала, плагиата сегодня отличается тем, что раскрывает не столько отдельных виновников, сколько нравы общества. Участниками скандалов стали и ученые, и научные советы, присуждающие ученые степени. У публики наверняка сложилось впечатление, что ученые степени – это нечто, приносящее несомненные выгоды, коль скоро их получение сопряжено с рисками плагиата, подлога и пр. Однако таких выгод нет. Ученые получают мало, и поверить, что даже они при малой зарплате готовы написать диссертацию заказчику за 300 тысяч рублей, как это внушает обществу пресса, нет причин. Дело в том, что сегодня речь идет о форме девальвации науки путем проникновения в нее посторонней силы – неквалифицированных чиновников всех мастей – от членов Думы, губернаторов, всяческого начальства, богатых дельцов, некоторое количество не очень качественно подготовленных и нечестных ученых и кого угодно другого, кто вместе с деньгами и отношениями «клиент-патрон» девальвирует то, что есть у подлинных ученых – любовь к своему делу, осознание себя членами научного сообщества, ищущими, прежде всего, научные результаты и признание их результатов и авторитета научным сообществом. Научная среда похожа на актерскую. Здесь престиж, соревновательность, соперничество не позволяет «прославиться» коррупцией. Степень здесь получают, когда достоинства претендента уже давно признаны сообществом. И времени нет кому-то писать, когда нужно написать себе. *Возможность на-*

писать другому означает работу по критериям, которые много ниже профессиональных, и осуществляется утверждение этих критериев в качестве образцовых. Это проникло в научную среду тоже, особенно в провинциальную, в слабо подготовленные ученые советы, где торжествуют не ученые, а бизнесмены от науки, безразличные к ее содержанию, деляги, повязанные коррупцией.

Почему же научное сообщество не сопротивляется снижению критериев, часто представленных в плохих или кем-то написанных, а значит непрофессиональных, примитивных работах? Повторю – серьезный ученый бережет свое время для своих собственных работ. Считаю, что дело в появлении интереса к диссертациям крупного клиента – чиновничества, начальства всех типов. Но раньше это не происходило. Это возникло в связи с тем, что указанный «клиент» подготовил почву для потока примитивных диссертаций, на институциональном уровне снижая планку работ под флагом эффективности, практической значимости, занятости защищаемой темой на практике и осуществлении безграмотной практики, которую он стал обосновывать «научно». Как это делается, мы намерены показать.

А.П. Огурцов дал обоснованную классификацию стратегии советской власти в отношении науки, описав ее сменяющимися подходами: «Инструментально-идеологический образ науки в Пролеткульте. Персоналистский образ науки. Социоорганизационный образ науки. Образ науки как рационализирующей силы (переход от мобилизации науки к рационализации научного производства. Становление науковедения). Социо-статистический анализ научных сообществ. Семиотический культурно-исторический образ науки. Глобальные проблемы экологии и переориентация науки и технологии»¹⁴⁹.

Когда читаешь философские дискуссии послевоенных сороковых–пятидесятых годов, то, конечно, испытываешь большой ужас и даже непонимание, почему какие-то частные аспекты философского профессионального знания превратились в такую политическую проблему, как это проявилось, скажем, в дискуссии по книге Г.Ф. Александра по истории западноевропейской философии. Во время Великой отечественной войны в Институте философии

¹⁴⁹ Огурцов А.П. Советская власть и наука: смена стратегий // Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы. Т. II. СПб., 2011. С. 144–189.

РАН издавался И. Кант. Стремались показать, что мы воюем не с немецким народом, а с Гитлером. А немецкий народ остается уважаемым в лице своих лучших представителей. М.Б. Митин и П.Ф. Юдин, два академика, близкие к верхам и представлявшие в 1930-ые *революционную целесообразность* упрощения философии, рекомендовали Г.Ф. Александрова на Сталинскую премию. И.В. Сталин знакомился с их рекомендациями и читал труд Александрова. Он постановил присудить за него Сталинскую премию второй степени. Кроме того, Александров был выдвинут сразу в академики. Он не был сотрудником Института философии Академии наук СССР, но был ведущим чиновником в управлении пропаганды, кандидатом в члены ЦК ВКПБ и имел большой политический вес. Но через некоторое время рядовой профессор МГУ З.Я. Белецкий послал Сталину письмо, в котором гневно выступил против концепции Александрова, полагая, что возвеличиванием Канта и Гегеля Александров восславляет аристократическую реакцию Германии против Французской революции. То есть он видел в позиции Александрова антиреволюционную направленность и считал, что страна не должна ориентироваться на консервативную гегелевскую философию. Неожиданно Сталин поддержал Белецкого. Это было странно, ведь он сам присудил этому труду по истории философии Сталинскую премию второй степени. Премию отняли. Начали обсуждать эту ситуацию. Было проведено в Институте философии два заседания. Первое заседание, на котором критиковалась работа Александрова, состоялось в январе 1947 г. Протокол этого заседания – это политический протокол, который не оценивал идеи немецкой классической философии, но обсуждал идеологические следствия, придя к выводу, что в книге слишком возвеличена старая философия и недооценено, что марксизм совершил переворот в философии, что теперь марксистское учение – самое главное учение, которое только может быть. Но ни А.А. Жданова, который стоял во главе этих обсуждений, ни Сталина эта дискуссия не удовлетворила. И поэтому, кроме январской дискуссии 1947 г., была намечена дискуссия, на которой должен был выступить Жданов. Свой доклад он послал Сталину с просьбой сделать замечания, поправить. Сталин исписал много страниц, комментируя доклад Жданова, сказав в итоге, что философия стала научным оружием в руках пролетарских масс. Вторая дискуссия

дала более развернутую критику позиции Александрова. Он ответил, что должен учесть замечания, должен более серьезно относиться к требованиям, совершенно иначе расставить людей в руководящих организациях в области философии. Речь уже шла не только об обсуждаемой работе. Александров соглашался с Белецким по поводу обвинения в консервативном характере немецкой классической философии. Это был период, который А.П. Огурцов назвал сталинизацией науки и подавлением историко-философских исследований¹⁵⁰.

Возникает вопрос – ну, а почему столько страстей и шума, когда в послевоенной стране существует множество практических проблем? Этим делом без конца занимается ЦК, ни одно письмо не минует Жданова и Сталина, даже какой-то инженер написал, что оскорблен возвеличением немецкой классической философии. Ничего национального в этом нет, сохраняется как бы старое уважение к немецкой нации, но декларируется неуважение к немецкой классической философии, которая должна быть чужда новым революционным преобразованиям в российской философии.

И кто такой Белецкий? Белецкий – революционер, в семнадцать лет он «ушел в революцию». И сохранил революционный дух с того времени. Белецкого многие возненавидели. Он был изгоем. Он был горбат. Он был злой. Он был непреклонный. Но он был единственный, кто не приспособился. Термидор революции начался позже, а в период этой дискуссии оставались люди с революционным накалом и революционным пониманием мира, каким и был несгибаемый Белецкий и которого потом все-таки уволили. И Сталин был таким же. Он внезапно присоединился к Белецкому. Это, как ни странно, не опровергало, а подтверждало, что общество в целом уже вышло из революционного мировоззрения. По-моему мнению, *это стало предпосылкой нового проекта общества*. Всеобщая нелюбовь к Белецкому, которая возникла в философской среде, говорила о том, что *конвенции революции уже разрушены*. Всякие большие перемены связаны с тем, что некие укорененные теории, концепции, конвенции, договоренности, принятые вначале, может быть, с трудностями, начинают расшатываться, испытывают кризис, а потом ломаются, и им на смену приходят другие. Если для Белецкого теория познания – это всего

¹⁵⁰ Огурцов А.П. Советская власть и наука: смена стратегий. С. 201–212.

лишь путь к идеологии, и должны быть контролирующие инстанции, которые потребуют от каждого следовать ей, то общество уже этому не хотело подчиняться.

Революционеров к тому времени осталось мало – в этом споре Белецкий и Сталин. Б.М. Кедров, который сам был потом гоним и имел прочную репутацию либерала, писал Жданову письма с ужасающей фразеологией относительно необходимости бороться с людьми, которые не понимают всех преимуществ марксистской философии – я уже не владею этой лексикой как человек другого поколения. Но большинство и тогда мыслило уже в терминах гражданской жизни, и, как пишут многие, одновременно приспособлялось к существующей реальности.

Мне кажется, единственным революционным актом, который произошел после войны, был отказ от революционных конвенций в обществе, прежде всего, у интеллектуалов, у социальных философов, у специалистов по социально-гуманитарным наукам.

К этому привела своего рода *феноменология сознания пятидесятников*, вернувшихся победителями с войны – они хотели перемен.

Пока еще не все общество, а вскоре уже и все разрушило эти революционные конвенции, и 1960-е гг. начинаются в качестве времени релаксации, в сравнении с годами революционного накала, времен большого разнообразия художественных явлений, теоретических подходов в философии и науке, точек зрения. Пришедшие с войны офицеры и солдаты, новая интеллигенция, художественная элита добивалась больших свобод и лучших условий жизни, возможностей творческой реализации. Феноменология сознания *шестидесятников* в большей мере исследована и представлена как поколения, завоевавшего право на свободу мышления и слова на волне начавшегося послевоенного подъема страны в экономике и в сферах творческой деятельности.

Поколение семидесятников оказалось отчасти пропущенным, зажатым между шестидесятниками, которые не хотели сдавать своей славы революционеров, и восьмидесятников, которые подхватили и развили их идеи. Поэтому меня очень занимает вопрос о том, как обеспечить адекватную эпохе конвенцию. Белецкий и Сталин говорили о том, что интеллигенция должна преодолеть свой отрыв от трудящихся и от задач, которые стоят перед обществом. Интеллигенция, занятая в сфере умственного труда,

действительно производит абстрактные продукты и проекты, а философы – самые абстрактные из всех возможных, и потому были важны изменения в подходах, чтобы не принимать абстрактные идеи за истину в последней инстанции, которую надо немедленно реализовать, идеологию, за которую надо сражаться.

Мы уже столько раз производили такие проекты, в том числе и либеральный проект 1990-х гг., который был сформулирован самым революционным образом: «Иного не дано». Это была снова революция, но не реформа. А никакая реформа не шла. Народ, кстати, воспринял с достаточной терпеливостью происходящие перемены, верил в лучшее будущее.

Итак, потребовалось время, чтобы дать простор саморазвитию философии и социально-гуманитарной науке. Но повторились некоторые старые истории. Новые упростили 1990-х – пиарщики, проворонившие наши бренды на глобальном рынке и в изобилии дающие безграмотную рекламу на телевидении, массово подготавливаемые специалисты по финансам и кредиту, в то время, как это в развитых странах стало делом компьютерных программ, избыточно производимые для неразвитой инфраструктуры экономисты и юристы, бездарные в своей массе рекламщики. Сегодня на место ужасающих в наше время сторонников революционной целесообразности пришли сторонники новой *упрощенной целесообразности, имеющей имя «эффективность»*.

В данной главе мне хотелось бы ответить на некоторые обвинения, которые можно нередко слышать в отношении российской социальной науки. Во многих из них заложены неадекватные представления о задачах наук об обществе и философии. Поэтому глава содержит как теоретические соображения о роли социальных наук в обществе, в политической жизни, так и анализ причин неадекватной репутации российской социальной науки. Среди обвинений и подозрений, на которые мы пытаемся ответить – неэффективность, отставание от западной науки и преимущественное следование ее идеям, отсутствие собственных идей и влияний на западную социальную науку, оторванность от жизни и слабость социально-инновационного внедренческого компонента. При этом некоторые адекватные критические оценки всецело адресуются ученым и институту науки, хотя дело не только в состоянии науки, а так же и в том, как общество, элиты, политики восприни-

мают научное знание и готовы ли они работать с ним. Президиум РАН возвращался к признанию значимости фундаментальных исследований в России, признал неверность политики ориентации науки только на экономику, подчеркнул значимость новых фундаментальных разработок и высоких технологий. *Однако в речах журналистов и политиков все еще преобладает оценка научных результатов как утилитарных рекомендаций, которые учеными должны быть сделаны.*

«Совки» и «лохи» социально-гуманитарных наук (1990-е): неакадемическое знание

В 1990-е многие люди в России пережили страшное самоунижение, ставшее закономерной реакцией на прежнее самовозвеличение. Изобретенные в народе термины «совки» и «лохи», которыми пытались характеризовать доверчивого, наивного и непредприимчивого советского человека, исчезли. Сегодня остались только одни «совки» и «лохи» в России – воспринимаемые так ученые социально-гуманитарных наук как те, кого ругают, обвиняют, считают невыполнившими свою задачу. Кому придет в голову критически относиться к физикам, биологам, химикам? – ведь для этого надо быть специалистом. Общество – всем доступный объект, и большинство людей имеет по его поводу свои мнения и оценки. *Повседневное знание людей дает им основание для ориентации в обществе и оценок происходящего. Оно несомненно имеет значение и для ученых. Но в обществе отсутствует представление о том, что ученые могут увидеть нечто большее за гранью повседневности.*

Социальные науки сыграли большую роль в западных странах. Послевоенное «Немецкое чудо» было результатом политики Л. Эрхарда, базировавшейся на ордолиберализме. Ордолиберализм был концепцией, которая соединяла порядок и свободу. Ее теоретическая разработка была осуществлена немецким экономистом В. Ойкеном, который близко общался с такими выдающимися либеральными теоретиками, как Ф. Хайек, И. Шумпетер, знаменитыми философами, среди которых были Э. Гуссерль и К. Поппер. Не эмпирические соображения, а глубокая теоретическая работа

привела к тому, что немецкие ордолибералы – Л. Эрхард и др. реализовали послевоенный проект возрождения Германии. Была осуществлена валютная реформа перехода на новые немецкие марки: каждому немцу дали по сорок новых марок, тайно напечатанных в США и привезенных оттуда. Они мгновенно выдавили серую экономику и черные рынки, обеспечив успех производителям. Фильмы знаменитого немецкого режиссера Р.В. Фасбиндера «Замужество Марии Браун» (1978), «Тоска Вероники Фосс» (1981), «Лола» (1981) великолепно раскрывают обстановку послевоенной Германии, ее полного хаоса. Вот его и победил ордолиберализм Л. Эрхарда. Те, у кого была мастерская, пекарня, магазинчик и пр. немедленно обрели перспективу успешного производства, а черный рынок остался с огромной массой недействующих денег и прекратил свое существование. Страна, получившая поражение в войне, быстрее других поднялась из руин благодаря этой теоретически обоснованной реформе, базисом которой были концептуальные идеи ответственности государства за формирование и воспроизводство *хозяйственного строя, правового влияния государства и свободной рыночной экономики. Конкуренция рассматривалась в этом хозяйственном строе как государственный институт, защищающий от давления монополий. Политика совмещения социального государства и свободной рыночной экономики стала основой «немецкого чуда».* Неолибералист Эрхард (в форме ордолиберализма) сочетал теоретически выверенное соотношение конкуренции и рыночного хозяйства.

Послевоенное «Японское чудо» – продукт проекта японских социологов, предложивших в 1950-е гг. перейти от либеральной реформы, осуществляемой под руководством американских оккупационных властей к поддержке коллективных структур, хорошо проводящих государственные цели (прежде милитаристских), изменив сами эти цели (отказавшись от милитаризма, но не от семейного стиля организации японских производств). Либеральный проект развития в оккупированной американцами Японии после Второй мировой войны нарушал традиционную японскую коллективную идентичность, разрушал ценностную систему страны и не способствовал развитию производства. Японские социологи в 1950-ые гг. предложили модель коллективной продуктивности вместо либерального проекта американцев в послево-

енной Японии. Возвращение модели коллективной продуктивности было тем проектом, который в большей мере соответствовал японскому традиционному опыту и, вместе с тем, обеспечивал инновации и переход к демократическим институтам. Теоретическим выводам японских социологов, изменившим американский проект на японский, тоже, как и в Германии, сопутствовали культурные размышления, сходные с немецкими по смыслу, но не по содержанию (например, в фильме Канэто Синдо «Голый остров» и др.). Это соответствие теоретических выводов ученых и культурных впечатлений является важным симптомом сложной работы культуры в решении социальных проблем, демонстрацией значимости повседневного знания и его критического ответа на неподходящие теории.

Наши неудачи 1990-х – следствие неграмотного социального проекта, который не учел фактора культуры и мотивации поведения людей, возможного преобладания жадности над рациональным экономическим интересом.

«Третий путь» (политика Т. Блэра, Г. Шредера) в Европе – отчасти успешный, отчасти неудачный проект – явился воплощением концепции социолога Э. Гидденса формирующей идеи социал-демократии в условиях глобализации.

Следовательно, *социальная философия и социально-гуманитарные науки повсюду играют роль в преобразовании общества, предлагая социальные проекты или их основу, стремясь предвидеть негативные последствия или риски тех или иных решений.* Для того, чтобы проекты были удачными, нужен рынок идей, независимые экспертизы, планирование рисков и ответов на них, отсутствие приватизации знания, свободная дискуссия, обеспечение механизмов ознакомления власти с реакциями на выдвигаемые предложения.

Встав на путь посткоммунистического развития, Россия оказалась перед задачей перехода от догоняющего, неорганически-мобилизационного развития к органически-инновационному. Для этого важно было не просто поощрять инновации, а формировать *институты инноваций*, к коим относятся наука, рынок, образование. Сосредоточившись на рынке, далеко несовершенном, пытаясь что-то сделать в образовании, власть в 1990-ые гг. весьма пренебрежительно относится к науке, в том числе и социальной.

Были попытки улучшить ситуацию: в марте 2002 г. были приняты девять приоритетных направлений научно-технического развития, открывающих стране перспективу вхождения в глобальную экономику на основе научных и технических достижений и переориентации ее экономики с сырьевой на научно-технологическую. Среди девяти приоритетных направлений не было ни одной науки об обществе. Наиболее приближенной к ним среди включенных в число приоритетных направлений стала экология. Один из физиков радостно заявил, что наконец-то у никчемных гуманитариев заберут деньги для настоящей науки. Другой представитель естественных наук дал интервью из Англии, что социально-гуманитарные науки – это что-то вроде «блошиного рынка», на котором ищут нечто особенное. Такое направление в социально-гуманитарных науках действительно существует. Это утонченное, эстетически окрашенное, часто связанное с постмодернизмом исследование социальных, антропологических нюансов, весьма самоценное и развивающее научную рефлексию. Но им не исчерпываются задачи социально-гуманитарных наук, как познавательные, так мировоззренческие и инновационно-проектные, что было отмечено выше.

ГЛАВА VII. КАК ВОЗМОЖНА СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА В РОССИИ И ДРУГИХ НЕЗАПАДНЫХ СТРАНАХ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИИ)?

Поставленный в заголовке вопрос может удивить. И, кажется, он никогда не ставился в явном виде. Давно возникла русская социологическая школа. Марксистская парадигма социальных исследований в коммунистический период не устранила социально-философских подходов и, в конечном итоге, возникновения советской социологии, придав им определенную направленность. Социология существует и развивается в сегодняшней России, даже можно признать наличие здесь социологического бума. Социология заняла прочное место в дисциплинарной структуре отечественного обществознания и в номенклатуре учебных дисциплин, тесно сотрудничая с социальной философией, политологией, но имея эмпирические методы. (Имели место решения, отодвинувшие ее в число необязательных для университетов дисциплин, представляющиеся нам необоснованными и временными). В других западных странах социология также активно развивается. А если нечто существовало и существует, и будет существовать, то правомерно ли спрашивать о возможности его существования? Вопрос этот поставлен в кантовском смысле. Напомним, что Кант совершенно не сомневался в существовании синтетических суждений в математике, механике и, тем не менее, выяснял, как они возможны. Он стремился выявить гносеологические условия, делающие возможными их существования. Следуя этой методологии, мы пытаемся выявить социальные условия, при которых социология возможна в России и других западных странах. Одновременно

ставится задача проследить связь социологии с изменениями в обществе и описать, хотя бы в общем виде, ее собственную эволюцию и перспективы ее трансформации в будущем. Вопрос не праздный. Западные социологи предоставляют возможности увидеть это, вынося сегодня в заголовки статей проблему возможности социологии в Японии, в Латинской Америке и пр.

Исторические этапы развития социологии

Дело в том, что первоначально социология возникла на Западе, в конкретном месте и конкретном времени – во Франции О. Конта. Однако свое появление она лишь частично связывала с конкретными обстоятельствами: прежде всего, с именем Конта, с его стремлением с помощью этой науки урегулировать конфликты в обществе и не допустить новой революции в современной ему Франции. Вместе с тем, социология отвечала потребностям всех западных обществ не только своей эпохи, но и Запада последующих эпох в той мере, в какой он сохранял свою сущность. И, наконец, западная социология «забывала» о своих «местных» истоках и претендовала на универсальность. Идея универсальности поддерживалась верой в прогресс, в то, что вступление Запада в Новое время, в современность – это только начало процесса, при котором все страны пойдут по тому же пути. Но поскольку это произойдет лишь в будущем, в настоящем социология была нужна лишь самому Западу. Как показали И. Валлерстайн и другие исследователи, вплоть до окончания Второй мировой войны, на Западе и, прежде всего, в США преобладало применение социологии к анализу западных обществ. Для незападных предназначались этнология, культурная антропология, востоковедение. Это нашло свое отражение в системе образования, где в рамках указанных несоциологических дисциплин изучались отдельные страны, но социология преподавалась как универсальная дисциплина, без особого интереса к страновой дифференциации и с явным убеждением, что ее универсальность подтверждена ее способностью объяснять западные общества. По мнению Валлерстайна, сложившееся разделение наук обязано своим существованием либеральной идеологии, которая обособила государство, рынок и гражданское

общество, открыв для каждой из сфер изучения свою логику, на каждой из которых были построены политические науки, экономика и социология. Им показано, что после окончания Второй мировой войны США, сделавшись мировым лидером, ощутили необходимость адекватного знания о мире и организовали страноведческие и региональные исследования. Соответственно, были внесены изменения в систему образования, и социолог, например, мог специализироваться, принимая во внимание особенности какого-либо региона¹⁵¹. Сегодня предпосылки либеральной идеологии о возможности разделения экономики, политики и социальной сферы представляются И. Валлерстайну исчерпанными, ибо эти стороны уже не являются независимыми друг от друга: «...ни одна пригодная исследовательская модель не сможет разделить “факторы” в соответствии с экономическими, политическими или социальными категориями, иметь дело только с одним видом переменных, считая другие постоянными. Мы утверждаем, что существует единый “набор правил” или единый “набор ограничений”, внутри которого оперируют эти различные структуры»¹⁵². Т. е. сегодня социология, согласно, Валлерстайну имеет тенденцию войти в состав единой социальной науки об обществе, способной изучать любое общество.

Интерес к историческим трансформациям социологии всегда требует выделения фаз ее развития. В отличие от И. Валлерстайна, эмпирически описывающего этапы развития американской социологии как науки о западном обществе, затем науки о любом обществе и, наконец, как части единой науки об обществе или, по крайней мере, части комплексного проблемного изучения любого общества, американский социолог М. Олброу предлагает более сложную типологию стадий развития социологии:

– *универсализм*. Это – классическая фаза социологии, при которой доминирует стремление к получению общезначимого знания о человечестве и для человечества (О. Конт, Г. Спенсер).

¹⁵¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI в. Новые направления исследований. М., 1998. См. также: Иммануил Валлерстайн в Москве (докл. И. Валлерстайна в Институте социологии РАН). Лит. зап. и обработка Н.Н. Федотовой // Вестн. проф. социол. ассоциации. 1997. № 1(7).

¹⁵² Валлерстайн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества.

– *Национальные социологии.* Формирование социологии на профессиональной основе, продолжение ее классического периода, отличающееся развитием социологии в пределах национально-государственных границ (М. Вебер, Э. Дюркгейм). Социологические школы возникли в Германии, Франции, США, Британии, Италии, в незападных странах. Производимые идеи не утрачивали универсального характера, но контакты между социологами разных стран были недостаточно развиты: М. Вебер и Э. Дюркгейм игнорировали друг друга.

Здесь не видно особой разницы с предыдущим этапом, поскольку универсальная социологическая теория производилась также в национальных границах. Видимо, дело в том, что французы предпочитали ссылаться на Дюркгейма, а не на Вебера, а немцы наоборот. И это происходило не только по причине национальной принадлежности упомянутых социологов, но и потому, что они отразили в своих универсальных теориях, направленных на получение объективного научного знания, специфику своих стран: Франция – католическая страна, и концепция Вебера очевидно не объясняет происхождение и сущность капитализма в ней, тогда как рационализм Дюркгейма, его теория разделения труда более адекватно отражают французскую реальность, равно как Вебер немецкую. Универсальность же теоретических взглядов Вебера и Дюркгейма состоит в том, что оба они были адекватны в описании классического капиталистического общества, наиболее близким эмпирическим примером которого являлась Англия. Теории, полученные немцем и французом, выступили как общезападные и наиболее характерные для объяснения классического капитализма и, тем самым, базовыми для прочих социологических подходов к изучению капиталистического общества.

– *Интернационализм.* Являлся ответом на разрушение национальных идеологий и на мировые войны. Он представлял собой двусторонний процесс – распространения в западные страны как западной рациональности и теории модернизации (Т. Парсонс), так и идей социализма. Усилились контакты между учеными, в 1949 г. возникла Международная социологическая ассоциация, стали проводиться международные конференции.

Развивая мысль М. Олброу относительно данной фазы, можно отметить, что прямые контакты расширили круг идей. Западным ученым стали более известны именно в этот период теории циклов

Н.Д. Кондратьева (Кондратьев жил в Америке), идеи неформальной экономики А.В.Чаянова, диалогическая теория М.М. Бахтина. Хорошей иллюстрацией интернациональной разработки некоторых идей является применение Валлерстайном циклов Кондратьева для характеристики эволюции капиталистической мир-системы и развитие мир-системных идей Валлерстайна А.И. Фурсовым для анализа мирового значения коллапса коммунизма¹⁵³.

– *Индигенезация социологии*. Сопrotивление западному типу дискурса называется индигенезацией. Так, в Латинской Америке предполагают необходимым включить в латиноамериканский социальный дискурс: местное знание, проблемы участия, власти, исследование коллективов, отношения настоящего к прошлому, использования традиции для мобилизации масс, признание ценностей народной культуры, легитимность отрицания западных ценностей, критику эксплуатации, нужды и несправедливости, проблему трансфера латиноамериканского социального знания в другие страны и, прежде всего, на Запад¹⁵⁴.

Это – фаза появления местных, локальных социологических концепций. Проявилась в 1970-е гг. путем отказа от применения западных теорий в развивающихся странах. Применение марксизма в странах «третьего мира», по мнению Олброу, не является индигенезацией, а характеризуется как сопротивление господству западных теорий (заметим в скобках, что и марксизм является таковой). Подчеркивалась эвристическая значимость собственных культурных традиций как стимулов для появления новых направлений в социологии. Многие из социологов «третьего мира» трагически воспринимали ситуацию, когда им приходится смотреть на себя сквозь призму западных социологических понятий, которым они отказывали в универсальности. С. Хантингтон так характеризует это умонастроение: «то, что является универсализмом для Запада, для всех остальных выступает как империализм»¹⁵⁵.

В некоторой степени индигенезация социологии, по мнению М. Олброу, произошла и на Западе: социологии США, Франции, Британии, Германии, особенно Канады (Олброу ссылается на дви-

¹⁵³ Там же: *Фурсов А.* Колокола истории. М., 1999.

¹⁵⁴ См.: *Borda O.F.* The Application of Participatory-Action Research in Latin America // *Globalization, Knowledge and Societies*.

¹⁵⁵ *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996. P. 184.

жение канадизации социологии) становятся более специфическими. Источник этого – не враждебность к каким-то теориям, а интерес к своим особенностям.

На наш взгляд, индигенизация – это явление не только 1970-х гг. В России она проявлялась в идеях народной науки, пролетарской культуры. Сегодня тенденции индигенизации заметны в Турции в связи с ростом ислама. Стремление учить студентов так, как если бы они жили в США, присущее элитарным университетам этой страны, вызывает реакцию. Как прежде марксизм (в отличие от Олброу, я считаю его фактором индигенизации социологии стран «третьего мира»), в 1970-е постмодернизм стал знаменем поиска локальной идентичности и адекватных ей способов познания¹⁵⁶. Продолжались обсуждения специфичности африканской социологии¹⁵⁷. Что касается западных стран, то такие темы исследования в социологии как «Манеры за столом: XVII–XIX в.», «Изменения в оформлении парижских витрин» сегодня можно встретить не только в Париже (и идут они, кстати, не столько от признанного лидера французской школы Анналов Ф. Броделя, сколько от немецкого исследователя Н. Элиаса), равно как аналитическую традицию – не только в Англии. Скорее, здесь речь идет все же не об индигенизации, а об оживлении фазы национальных социологий, идеи которых быстро распространяются в связи с одновременным действием тенденций к интернационализации.

– *Глобализация социологии*. Это – продукт объединения национальных и интернациональных социологических традиций, индигенизации и универсализма – то есть всех четырех прежних стадий¹⁵⁸. Это – результат свободы социологов мира общаться в научном плане, обмениваться идеями. Фаза глобализации не совпадает, по Олброу, ни с национализацией, ни с интернационализацией. Это специально подчеркнуто Исследовательским комитетом

¹⁵⁶ Приспособление постмодернизма радикальными исламистами в Турции для индигенизации социальной науки рассмотрено в переведенной мною статье: *Ирджик Г.* Философия науки и радикальный интеллектуальный ислам в Турции // *Вопр. философии*. 1999. № 2.

¹⁵⁷ См.: *Creating Indigenous Sociologies // Globalization., Knowledge and Society*. L.; Newbury Park; New Delhi, 1990.

¹⁵⁸ *Globalization, Knowledge and Society / Ed. by M. Albrow and E. King*. L., 1990. P. 5–8.

Международной социологической ассоциации, рассматривающей глобализацию как нечто противоположное интернационализации, поскольку она связана с совмещением всех четырех стадий развития социологии¹⁵⁹.

Последняя фаза, на наш взгляд, ближе к первой – фазе универсальной социологии. Универсальность здесь, в отличие от своей первоначальной формы, построена не на том, что весь мир «догонит» Запад и вступит в фазу современности, делается похожим на Запад и сможет применить его теории, а как раз разочарованием из-за неосуществленности и, скорее всего, неосуществимости этого исходного предположения. Осознано сопротивление модернизации разнообразных и непохожих на западную культур, из-за которого даже при высокой степени рекультивации незападные общества не превращаются в западные. Новая универсальность, достигаемая социологией на этапе глобализации, предстает как мультипликация социологических представлений о самых разных обществах. Социологические знания, представленные как фазы развития социологии не исчезают, а сосуществуют и могут участвовать в совместном производстве нового знания.

Выделенные этапы развития социологии, на наш взгляд, одновременно являются типами социологического исследования, которые действуют в разных ситуациях, нередко совместно и всегда – с сохранением регулятивного значения социологической классики.

Несоизмеримость социологических подходов к обществам разных стадий развития и разных культур

Вопрос о том, как применить западную (универсальную в первом смысле, соответствующую универсализму) социологию в России или Японии, в общем виде был разрешен: это возможно по мере того, как в названных и других незападных странах возникает модернизированный сектор или по мере того, как они осуществляют модернизацию, обретают социальные структуры, сходные с западными. Однако конкретное ее применение содержит много особенностей, нуждающихся в рассмотрении.

¹⁵⁹ *Albrow M. Introduction // Globalization., Knowledge and Society.*

Универсальность же социологии, которая может быть присуща этапу ее глобализации, требует особых обсуждений, ибо механизм мультипликации социологических подходов к разным обществам не ясен. Именно этим проблемам будет посвящен данный раздел. Встает вопрос о соизмеримости обществ и нахождении универсальных социологических средств для их описания. Вопрос о соизмеримости решается при компаративистских исследованиях. Методология этих исследований с конца XIX в. и по сей день предполагает максимально изолированный анализ сравниваемых обществ, чтобы устанавливаемые сходства, пересечения, культурные гибридизации, взаимные влияния, которые могут быть выявлены, не явились бы следствием методологических ошибок, а были установлены, только если они действительно существуют. Методология компаративистского исследования представлена известным социологом П. Штомпкой в виде таблицы.

Таблица 1

Виды компаративистского исследования¹⁶⁰

Фокус компаративистского исследования				
Масштаб Применения		Масштаб Объекта		Масштаб суждений
Направления компаративистского анализа	Поиски одинаковости, сходства	Охват сравниваемых культур	Универсализирующие сравнения	Генерализирующие сравнения
	Поиски уникальности	Индивидуализация сравнений	Конкретизирующие сравнения	Сравнения, выявляющие особенности

В свете стоящей перед нами задачи представляет интерес последняя колонка справа, в которой описываются две разные исследовательские программы социологии – натуралистическая (под именем генерализующей) и культур-центристская (обозначенная в таблице как сравнения, выявляющие особенности). На-

¹⁶⁰ Цит. по: *Stompka P. Conceptual Frameworks in Comparative Inquiry // Globalization, Knowledge and Society / Ed. by M. Albrow and E. King. L.; New Delhi, 1990. P. 54.*

туралистическая программа рассматривает социальные факты как «...вещи того же ранга, что и материальные вещи, хотя и на свой лад», – писал Э. Дюркгейм¹⁶¹. Иными словами, натуралистическая программа формирует идеалы и нормы научности социологии по образцу естественных наук. Она намеренно методологически заостряет противоположность субъекта и объекта познания, ориентируется на объяснение явлений, раскрытие присущих им закономерностей – генерализацию. Культур-центристский подход методологически заостряет неизлиминируемость свойств субъекта из изучаемого социологией объекта, интересуется не типичными, а наиболее характерными его качествами, выделяет особенности, определяемые культурой. Его метод – понимание, а не объяснение, индивидуализация, а не поиск закономерностей. Даже если натурализм и культур-центризм применены для изучения одного и того же социального объекта, они превращают в свой предмет исходно разные части этого объекта. Натурализм позволяет изучить «жесткий каркас», «скелет», закономерности социальной системы; культур-центризм – «мягкие ткани» общества, вплоть до того, чтобы построить историю без героев (школа Анналов) и «социологию без общества»¹⁶².

П. Штомпка, чью таблицу мы привели выше, использует другие термины для выражения идей, обозначенных нами как натурализм и культур-центризм. Он говорит о социологических и социетальных концептах. Социологические концепты объясняют социальные феномены. Социетальные концепты характеризуют участие индивидуальных и коллективных субъектов в социальной жизни¹⁶³. Употребляя термин «социетальные сообщества», Т. Парсонс понимал под ними объединения людей, возникающие в ходе становления обществ. По его мнению, потребовались сотни лет, чтобы локальные социетальные сообщества феодального периода смогли эволюционировать до такой степени социаль-

¹⁶¹ Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод в социологии. М., 1991.

¹⁶² Mayre W.W. Ethnomethodology: Sociology without Society? // Understanding and Social Inquiry. L., 1977.

¹⁶³ Sztoplka P. Conceptual Frameworks in Comparative Inquiry // Globalization, Knowledge and Society / Ed. by M. Albrow and E. King. L.; New Delhi. 1990. P. 54.

ной интеграции как гражданство. То есть «общество» понимается им преимущественно как капиталистическое, западное, четко структурированное, разделенное на уровни, где осуществляются определенные функции. Соответственно и социология является структурно-функциональной¹⁶⁴. Но и в других направлениях социологии натуралистический подход доминирует при исследовании западных обществ. Дискурс социологии здесь преобладающе связан с понятиями структуры, институтов, рациональности, современности, прогресса, модернизации, технического развития и пр. Для многих обществ он совершенно чужд. Разумеется, есть феноменологические, этнометодологические, герменевтические культур-центристские подходы, но раскрываемые ими повседневность, смыслы, коллективные представления Запада так же мало соизмеримы с незападными обществами.

Сопротивление западному типу дискурса и есть индигенизация. Попытка совмещения ведет сначала к интернализации социологии, затем к ее глобализации.

Посмотрим, что же противопоставляется западному социологическому дискурсу в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии, России, Африке.

Как мы уже отмечали, вопрос о возможности японской социологии прямо ставится в литературе. В Японии имеется два основных направления в социологическом знании: использование западных теорий как универсальных и индигенизация – попытка построить социологическую концепцию исходя из японской уникальности. Первое направление базируется на Марксе или модернизационной теории. Большое социологическое сообщество Японии, социологические факультеты издают журналы на английском языке, активно осваивают западную социологию, особенно американскую. Долгое время преобладал интерес к структурно-функциональному подходу Т. Парсонса. Второй подход – поиск японской уникальности и уникальной японской социологии описывается метафорой западных и японских ориенталистов: «хризантема и меч». Она связана с приложением антропологических характеристик к анализу общества, с раскрытием своеобразия японского характера, с утверждением социальной

¹⁶⁴ *Parsons T. The Evolution of Societies / Ed. by J. Toby. Prentice-Hall. 1977.*

и культурной гомогенности Японии, коллективизма, преобладания традиции над изменениями¹⁶⁵. Характеризуя эту ситуацию в японской социологии, Дж. Ли высказывает неудовлетворенность обоими подходами. Первый образ избрал довольно устаревшие и не соответствующие японскому опыту идеи, имеющие культурное и образовательное значение, но не вполне адекватные сегодняшним японским реалиям. Второй не учитывает изменений и не имеет адекватной компаративистской перспективы, не позволяет сравнить японское общество не только с западными, но и с ближайшими азиатскими соседями: «Аргументы уникальности и генерализации являются двумя сторонами одной и той же теоретической медали. Тщательное и придирчивое описание основных институтов или групп можно осуществить без стремления выяснить их специфичность или универсальность. Универсальная теоретическая модель, по контрасту, просто предлагает место для Японии в ее концептуальной схеме. Но оно очень мало и толкает Японию к поискам аналитических инструментов, имеющих смысл для анализа японского общества»¹⁶⁶.

По мнению Ли, японцы более успешны при применении постмодернизма и в эмпирических исследованиях. Действительно, развитие японского общества в послевоенный период имело две стадии: модернизационную, неолиберальную, осуществляемую под руководством американских оккупационных сил, и с середины 1950-х гг. осуществляемую по модели японских социологов, предложивших сохранить старые структуры, например, общины в деревне, хорошо проводящие государственное воздействие, но изменить цели государства. Не завершив модернизационной фазы, японское общество стало развиваться на основе собственной идентичности, и такой тип развития получил в тот период название постмодернизации, а сегодня – развития по национальной модели модернизации. Он сопровождался детальной эмпирической разработкой мероприятий и региональной политики. Этот положительный опыт стоит как бы в стороне от теоретически маргинальных для Японии, но реально магистральных направлений западной социологии.

¹⁶⁵ *Lie J. Sociology of Contemporary Japan // Current Sociology. Journal of the International Sociological Association. L., 1996. Vol. 44. № 1. P. 1–66.*

¹⁶⁶ *Ibid.*

Ли показывает, что в 1960-е гг. в Японии возникло инициированное М. Мариямой движение интеллигенции – быть специалистом, а не интеллектуалом. Оно вписывалось в социологические поиски путей развития страны, но, как и в Америке, не избежало крайностей – производства «специализированных дураков», абсолютно невежественных во всем, что лежит за пределами их экспертного знания¹⁶⁷.

Легко видеть, что социологическое знание в России имеет много сходства с японским опытом. Тут преобладает также бинарная оппозиция освоенной западной социологии и местных попыток описать национальный характер, российскую многонациональность, мультикультурализм и мультиконфессионализм, коллективизм, отсутствие срединной культуры, неформальность экономики, предпочтение воли свободе, ставятся вопросы об учете этой специфики западными социологами при попытке объяснять российские процессы и пр. Этого пока добиться не удается, хотя богатая традициями русская социологическая школа, представленная трудами М.М. Ковалевского, Л.И. Петражицкого, Н.С. Тимашева и др. известна на Западе. П.А. Сорокин остается русско-американским социологом, несмотря на то, что материалом его исследований за рубежом являлись, прежде всего, американские реалии.

Представляют интерес африканские социологические исследования, в которых есть все та же поляризация освоенной, но плохо работающей для анализа африканских обществ западной социологии и попыток создать собственные социологические концепции, применимые к местным условиям. Идиоматичность африканской социологической традиции проявляется в антропологизме и этнографичности, в изучении фольклора, преданий, устной поэзии, построении африканской социологии знания¹⁶⁸.

¹⁶⁷ *Lie J.* Op. cit.

¹⁶⁸ *Makinde M.A.* Asuwada Principle: an Analysis of Akiwowo's Contribution to the Sociology of Knowledge from an African Perspective // *International Sociology*. March 1988. № 3. P. 61–76.

Попытки преодоления несоизмеримости социологических теорий и достижения глобальной универсальности социологии

Как видим, существуют большие различия между обществами, находящимися на разной стадии развития и с разными культурами, которые делают их и описывающие их социологические теории трудно соизмеримыми. В пределах одного общества так же обнаруживается несоизмеримость заимствованных из западных источников способов объяснения и местных трактовок происходящего. Эта несоизмеримость касается и соотношения академического, постакадемического, внеакадемического и неакадемического знаний в разных обществах. Рассмотрим ее на примере развития и функционирования социологических исследований.

Как же преодолеть эту несоизмеримость, чтобы получить новый тип универсальности социологии, соответствующий духу глобализации? Есть, по меньшей мере, три предположения на этот счет.

Одно из них принадлежит польскому социологу П. Штомпке. Остро поставив вопрос о несоизмеримости социологических теорий и пытаясь для его обсуждения привлечь компаративистский метод в упомянутой выше работе, Штомпка полагает возможным *сблизить западные и незападные концепции посредством увеличения в первых социетальных или, в нашей терминологии, культур-центристских подходов*. Иными словами, привлечение всего арсенала «мягких методов» западной социологии – феноменологии, этнометодологии, герменевтики, коммуникативной социологии увеличивает ее способность понимать «чужие» – незападные общества и быть соизмеримой с их собственными представлениями о себе. Это предложение имеет перспективу, но, вместе с тем, ряд трудностей. К их числу относится упомянутая выше ценностная несоизмеримость западных и незападных обществ, которая с помощью указанных подходов будет со всей очевидностью обнаружена. Понимание различий, диалог по их поводу не всегда возможен. Другая трудность состоит в следующем. Социология как академическая дисциплина возникла на Западе в XIX в., но сегодня очевидно, что и незападные страны имеют способность развивать социологию или что-то подобное ей. Именно в этом и состоит проблема: может ли *что-то подобное социологии* быть названо ею или

быть интегрировано в универсальную социологию эпохи глобализации. То, что выше было представлено как африканская социологическая специфичность, скорее похоже на этнографию. Можно в перспективе согласиться с Валлерстайном, предполагающим вхождение социологии в единый научный комплекс, способный изучать любые общества. Но при существующем пока и, видимо, еще надолго дисциплинарном раскладе мы должны признать, что немодернизированные общества изучаются, скорее, культурологией, этнографией, ибо не имеют жестких структур и институтов, на которые ориентирована социология. Легко предположить, что могут существовать общества, где не только нет жесткого социального каркаса, но и произошли разрушения традиционной культуры. Например, общества, которым не удалась модернизация, но в которых в ходе попыток ее осуществления сокрушен прежний уклад и произошла атомизация индивидов. Такое общество стало бы объектом изучения не столько социологии или культурологии, сколько психологии.

Второй путь мультипликации опыта национальных социологий с западной ради получения нового типа универсальности наметчен Ли на примере Японии. Он показал, что «мечта об универсальном теоретизировании трудно осуществима, если ни невозможна на уровне Японии (подчеркнуто мной. – Авт.), даже если японское общество будет определено как политическая или культурная единица»¹⁶⁹. В любом случае, это будет локальная единица, не способная произвести универсальный продукт. Но ведь Запад делал это, почему же Япония не может? География культурных универсалий включает отдельные страны, которые производят нечто, принятое всеми народами. Именно на этом пути Запад и создал универсальную социологию (на первом этапе ее существования). Япония не стала, в отличие от Запада, центром мирового развития, определившим его направленность. Она играет ведущую роль в своем регионе, но развитие в нем построено на использовании уникальных особенностей. Поэтому никак нельзя сказать, что Сингапур, или Малайзия, или Таиланд догоняли Японию, в то время, как западные страны в течение пятисот лет пытались следовать за Западом, ориентируясь на догоняющую модель модернизации. Ли видит

¹⁶⁹ Lie J. Op. cit. P. 58.

единственную возможность для социологии Японии включиться в универсальное производство знания – поместить *в предмет своего исследования транснациональные процессы*, в которых участвует и Япония. Только так, по его мнению, японская социология может вырваться из плена западной и развиваться за пределами западного доминирования, не впадая в индигенизационное сопротивление, т. е. преодолеть полюса евроцентристского и американоцентристского универсализма и японской уникальности. Это предложение может быть полезным, но, на наш взгляд, для Японии трудно выполнимым, поскольку ее транснациональные связи осуществляются преимущественно в сфере экономики и информатики, не затрагивая социальной сферы. Чтобы пойти по обозначенному Ли пути, Япония должна вернуться к задачам модернизации, о чем говорят некоторые японские социологи, например А. Китахара¹⁷⁰. Переход к национальной модели модернизации (развитию на основе собственной идентичности) позволил Японии стать конкурентоспособным обществом, но незавершенность задач модернизации, во многом традиционный характер японского общества делают его несоизмеримым с западными обществами, ибо при всей декларации постмодернизационных сдвигов там, они происходят на культурной периферии, не затрагивая «жесткого ядра», сложившегося за пятьсот лет современной эпохи.

Третий и, как нам представляется, наиболее перспективный путь мультипликации западной и незападных социологий до уровня новой универсальности предложен американским социологом Э. Тирикьяном. Это – путь *построения интернациональной социологии* (не путать с социологией международных отношений). Тирикьян разработал некоторые методы формирования такого подхода на уровне обучения студентов в Дюкском университете США. Он имеет проект курсовых работ, где предлагает студентам, являющимся американцами в третьем поколении, рассказать, из каких стран прибыли их предки и в какое время, охарактеризовать те общества, из которых они прибыли, в том числе и их нынешнее состояние (политический режим, экономику, социальную стратификацию и т. д.), описать те изменения в США, которые произошли с момента прибытия в страну их родственников. Студенты

¹⁷⁰ *Китахара А.* Реальность и идеальный образ общины (Япония и Таиланд) // Филос. науки. 1996. № 1. С. 15–22.

могут приводить устные истории, а также документальный и научный материал. Для студентов, чьи семьи живут в США дольше, чем три поколения, предполагается изучение социальной истории. Это – блестящий пример попытки двухстороннего трансфера социологических знаний, который жаждут получить социологи большинства незападных стран, сопротивляясь одностороннему потоку научных моделей с Запада в западные страны и отсутствию встречного потока даже при выработке программ развития той или иной западной страны.

Вот этого трансфера из западных стран в западные катастрофически не хватает по вине Запада, вернее из-за того, что задача понимания западных стран часто подменена задачей их изменения в направлении западных обществ. XX век прошел для западных стран под знаком догоняющих Запад моделей.

Мы бы определили интернациональную социологию как такую, в которой осуществляется взаимный трансфер социологического (социально-гуманитарного) знания с Запада в западные страны и обратно, а также между странами внутри этих регионов.

Социология знания открыла еще два фундаментальных факта: у знания об обществе есть свои социальные источники; каждое общество имеет свои собственные представления о самоочевидном знании. Первый тезис позволяет понять то, что социальные науки и социология, в частности, возникшие на Западе, отвечали уровню западной рациональности и служили целям западной модернизации как в мировоззренческом смысле (обосновывая правомочность западного пути развития), так и в социально-технологическом (обеспечивая функционирование социальных систем). Распространение этих наук и их развитие в других странах явилось частью распространения западного опыта или процесса модернизации.

Избрав курс догоняющей модернизации (неомодернизм) в 1990-е, Восточная Европа и Россия перенимает институты Запада, в том числе и его науку как один из центральных институтов. Если бы политический курс был иной, например, ориентированный на создание конкурентоспособной экономики, наверное, судьба социальных наук была бы другой, и отношения между наукой Запада и Восточной Европой были бы более партнерскими. Курс неомодернизации был выбран Россией и Восточной Европой в целом. Он

удивлял многих на Западе (американских социологов П. Бергера и Дж. Александера, например), не понимающих, какую же стадию развития Запада мы догоняли тогда. Но какую бы мы ни догоняли, заимствование западных образцов научности при этом неизбежно.

Россия и Восточная Европа в целом могут быть охарактеризованы как места, отличающиеся признанием в качестве самоочевидного (возвращаемся к этому тезису социологии знания) особого типа знания – мировоззренческого, ценностно нагруженного. Когда Борис Годунов послал первых студентов за рубеж, они вернулись (следующие уже не вернулись), привезя с собой не знание ремесел, строительного дела, техники, а алхимию и астрологию, мечтая превратить сибирские леса в золото и найти счастливое для страны сочетание звезд. Сколько раз потом марксизм, диалектика, неолиберализм, циклы Кондратьева, синергетика, консерватизм, неолиберализм перетолковывались у нас подобным же всеобещающим образом.

Несоизмеримость восточноевропейских и западных обществ и их социологий заметна, но три предложенные способа интеграции социологического знания для достижения его новой универсальности – усиление культур-центристских подходов, помещение в транснациональный контекст, интернациональная социология нам представляются перспективными, особенно последний проект. Он учит нас рассмотрению всех обществ в многосторонней перспективе, начиная от индигенизированных точек зрения, затем тех, которые оценивают перспективы развития, исходя из местных условий, затем – с позиций западной социологии, претендующей на универсальность, далее – в транснациональном контексте. Универсальная социология в период глобализации невозможна без совместной профессиональной деятельности социологов (специалистов в социально-гуманитарных науках) мира, без попыток обсуждать любую проблему, выявляя ее значимость и способы решения повсюду в мире.

Идеология, политическое знание и демократия в России: 2008–2015

Вопрос о применении политологического знания, особенно в партийной политике, является еще более запутанным, чем формирование социального знания в целом и социологического знания. Здесь роль академической науки могла бы быть чрезвычайно велика и не заменима ни постакадемическими проектами, ни внеакадемическим или неакадемическим знанием, работающими в тесной связи. Однако специфика формирования политической идеологии, теории и практики содержит сложно комбинированные различные типы знания и практики при доминировании повседневного неакадемического знания.

За что же отвечает ученый в обществе? В меньшей мере за результат применения своих концепций, т. к. этот результат зависит не только от него, но от многих людей и учреждений, от общества в целом. Ученым выбирается то, что выступает как теоретически верное, нуждается в серьезной оценке условий реализации, соответствии техническим, экономическим, социальным, культурным возможностям применения. Все эти условия анализируются с участием ученых, но не только ими одними, а множеством людей разных специальностей, представителей власти, чиновниками и пр. Однако игнорирование научных достижений или использование их с «украшательской» целью создает серьезные проблемы для общества, в частности, и в партийном строительстве.

В России 90-х гг. XX в. отождествляли демократию с многопартийностью, политическим представительством, поскольку интереса к непосредственной демократии, которой у нас всегда, видимо, хватало, не было. Именно представительная демократия, которая требует партийного размежевания, и была основой наших исходных теоретических и повседневных представлений и является, и, видимо, будет оставаться таковой, как это происходит во всем мире. Сегодня, как и в 90-е гг., мы имеем большое количество разнообразных партий – появились новые, сохранились старые, те, кто у власти, те, кто не у власти.

В преддверии выборов в Государственную думу в декабре 2007 г. самоочевидным стало то, что партии России не имеют идеологии или доктринальных оснований. Многие, в том числе и

эксперты, считали, что это хорошо, ибо народ не отреагирует на слишком большие концептуальные или идеологические замыслы, он уже давно устал от идеологии. Хотя некоторые из экспертов задавались вопросом, что же тогда делает партию политической партией, возобладало мнение, что именно разрыв с классическими политическими идеологиями – либерализмом, консерватизмом и социализмом – составляет суть момента, который в значительной мере является привлекательным для населения.

Партийный плюрализм, который был в 1990-е гг., отличался тем, что партии не имели консенсуса по поводу базовых интересов. Это были партии, исходившие из различных вариантов стратегии, которая в России формируется или может формироваться, они конкурировали или вступали в блоки, но все попытки достичь какого-то согласия оказывались мнимыми. И партии не приобретали общности в понимании путей развития России. Поэтому, на мой взгляд, партийная система построена не была, она как бы проклюнулась, но не оказалась эффективным средством реального решения проблем. Партии боролись за власть, и эта борьба характеризует определенный способ рекрутирования элит.

Самая развитая программа с идеологическим наполнением имела у КПСС, но она была отягощена старым советским стилем, была очень громоздкой и не совсем коммунистической. Она являлась в большей мере патриотической, потому что проблемы справедливости, которые характерны для коммунистической идеологии и для российского коммунизма, там по существу не ставились. СПС и многие другие партии отличались лозунгами, например: лозунг СПС – «Угрозы демократии», лозунг Единой России – «План Путина – в действии». И чем более конкретный вид приобретали эти лозунги, тем более становилась невозможной партийная конкуренция. Один из экспертов говорил, что он предложил Единой России пункт программы, включающих «увеличение пенсионного срока», чтобы другие партии, которые предлагают его уменьшение, могли соперничать с ней по данному конкретному пункту, и конкуренция идей была более очевидной. Как объясняли свои политические цели даже очень опытные политики? Ну вот, скажем, Г.А. Явлинский выдвигал очень конкретную цель, которая выглядела даже как лозунг: «Демократия под угрозой!». ЛДПР эксплуатировала русский вопрос, но его не формулировала. Г.Ю. Семигин

заявил, что главная цель его Патриотической партии – обеспечить наркодельцам пожизненное заключение. Представители Единой России выступали с широким блоком социальных программ, но никто из них не назвал, какой идеологии они придерживаются.

Возникает вопрос: а с кем же в мире они будут контактировать, ведь идеологии, доктрины, характеризующие партийную принадлежность в условиях глобализации, достаточно интернациональны? Кроме того, концептуальное формирование программ развития входит в задачи партии. Если отсутствие базового консенсуса, согласия по поводу базовых интересов в 1990-е гг. создавало бесконечное разнообразие, которое не производило партийной системы, то к моменту выборов в Думу в декабре 2007 г. ситуация изменилась, и был получен некоторый консенсус, который довел партийные платформы иногда до неразличимости. Игнорировался факт, что от анархического порядка прежнего режима 90-х гг. XX в. люди во многом перешли к апатии, хотя преодолели аномию (деструкцию ценностей), и общими, так сказать, протоценностями стали ценности стабильности и безопасности, а также требования эффективности. Массы оказались ориентированы при попытке обосновать и проголосовать за эти ценности на политику Президента больше, чем на партийную борьбу. Сегодня это усилилось тем, что В.В. Путин возглавил партию. И в предвыборном споре о том, насколько хорошо отказаться от классических идеологий, насколько это правильно, напрашивался только один вывод: платформой партий в России стало повседневное сознание. Оно делает российские партии партиями, ориентированными на непосредственные нужды людей без достаточно разработанных программ, научных предпосылок и ясных целей. С одной стороны, таким путем было легче достичь консенсуса, но, с другой стороны, популизм многих партий выходил за возможные пределы.

Это напоминало иногда времена популистской Америки. Когда Вильям Генри Харрисон был избран президентом от либеральной партии в 1840 г., партии пришлось для этого делать вид, что он является не образованным и умеренно обеспеченным человеком, живущим как джентльмен на своих 2000 акрах, как это было на самом деле, а первооткрывателем, обитающим в бревенчатом домике и пьющим крепкий сидр. С Эндрю Джексона в Америке утвердился популистский идеал демократии, когда че-

ловек должен был жевать табак и пить сидр. У Джексона было два кабинета: в один он приглашал интеллектуалов, во втором собиралась «теневая кухня». И сторонниками таких популистских мер были Фенимор Купер и Вашингтон Ирвинг. Они считали, что подлинными носителями демократии является именно такая среда. Сегодня, когда обозначилось стремление перейти от демократии меньшинства к демократии большинства, необходимо учесть, что существует и такой – популистский вариант демократии большинства. Повторюсь, что программы сегодняшних партий в России не имеют особого значения, даже лидеры сегодня имеют меньшее значение, чем выдвинутые конкретные лозунги, вроде: «посадить наркоторговцев» или «уменьшить (увеличить) срок выплаты пенсий», либо увеличить, что-то обеспечить, «обеспечить жильем» (как говорила Справедливая Россия). Сами программы мало чем отличались друг от друга, некоторые были очень короткими, совершенно лозунговыми.

Между тем, представляется, что имплицитно у партий имеется возможность сформулировать свои идеологии, опираясь на *научные концепции*, на которые эти партии могли бы быть ориентированы в осуществлении тех частных задач, которые они высказали. Так, мне представляется почти самоочевидным, что если бы Единая Россия задумалась об идеологии, то эта идеология была бы либеральным консерватизмом, хотя, видимо, либеральный консерватизм сегодня становится разноликим, и даже СПС, скорее, склонилась бы сегодня к либеральному консерватизму, и «Яблоко» тоже. *Но либеральный консерватизм Единой России состоял бы в том (и сегодня повернул к этому), что, признав парламентскую систему и свободный рынок, необходимость модернизации, она могла бы апеллировать к традиционным ценностям российского общества и пытаться поддержать политику национального суверенитета, которая требует определенного понимания российского пути. В плане конфронтации идей демократии большинства и демократии меньшинства в начале XXI в., что демократия большинства уже была в СССР, а демократия меньшинства – в ельцинский период. Можно с уверенностью сказать, что незнание теорий демократии действующими политиками и отсутствие партийных дискуссий по этому вопросу оказались реальным препятствием для выбора модели демократии как баланса интересов, при кото-*

ром признается объективность интересов различных социальных групп и достигается компромисс по поводу удовлетворения их обществом в своей базовой части.

Мне представляется неправильным, ошибочным и даже обидным, что многие исследователи, журналисты и политики считают, что российская наука находится в упадке, на нуле. В частности, при обсуждении принципов присуждения гранта, который несколько лет назад выдвинул Президент для общественных организаций, высказывалось мнение, что наука не справилась с поставленными задачами, поэтому сегодня общественные организации, скорее, могут справиться с этим, и в Институте общественного проектирования были адепты неких жестких толкований наших научных неудач. Скажем, говорилось о том, что социология – а там формировалась и программа по социологии – была постоянно востребована, но она завела реальную политику в тупик (Г.О. Павловский). Я выступила по этому поводу. По моему мнению, *она была востребована в функции легитимации власти, а не в функции раскрытия реальной природы конфликтов и способов их регулирования.* Поэтому сказать, что социология завела реальную политику в тупик, было просто неправильным, ибо социология во всей мощи своих возможностей, равно как философия и другие дисциплины не были использованы. На совещании этом говорилось о том, что российская экономическая наука абсолютно на нуле, что у нас наука не может обеспечить эффективность производства, поэтому дело передается общественным организациям (В.А. Фадеев). Представители общественных организаций были растеряны: как, не имея научных навыков, решать проблемы, требующие научных подходов?

Мне кажется, что существует неясность относительно того, какие возможности имеет наука и в какой мере она зависит от политики и общества. Приведу легенду, предложенную коллегой Э.Ю. Соловьевым. Это легенда о купце, который думал, что у него тысяча золотых монет. К нему пришел алхимик, обнаруживший, что их только пять. Желая утешить купца, он сумел сделать ему еще пять, так как больше и быстрее он не умел. Хотя реальное богатство купца увеличилось вдвое, его мнимое богатство уменьшилось в сто раз¹⁷¹. Суть этой легенды в том, что наука в значительно

¹⁷¹ Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С. 169.

большей мере разрушает мнимое всезнание и фиктивную уверенность, чем производит материальные или какие-то другие блага. Неверное понимание возможностей науки приводит к странным выводам, будто сегодня люди сами должны исследовать свою жизнь, а не научные коллективы должны делать это, что наука повинна в социальных неудачах. И именно такой подход явился основанием того, что российские политические партии руководствуются повседневным сознанием. Единая Россия, Справедливая Россия могут выработать свою доктрину, свою идеологию как либерально-консервативную, возможно даже в варианте ордолиберализма. Для этого они должны прежде всего использовать критическую функцию науки по отношению к обыденному всезнанию. Однако сегодня заметен крен к тому, чтобы назвать эти партии консервативными (адептов такой трактовки избыточно много) в противоречии, например, с провозглашенным Единой России курсом на модернизацию.

Ни одна партия сегодня не должна быть на уровне Америки 1840 г., когда для того, чтобы быть избранным, нужно было сказать, что ты пьяница, жуешь табак, что ты народный, что ты простой, и так далее.

Отмечу две концепции, которыегодились бы Единой России, это – концепция национальной модели модернизации и концепция ответственного политического класса. Что касается национальной модели модернизации, она выросла из идей С. Хантингтона и Ш. Эйзенштадта, которые обнаружили, что в условиях глобализации ориентация на Запад перестала быть единственной моделью развития. Как показал А.И. Фурсов, Запад вовлек в систему капитализма в условиях глобализации общества с самыми разными социальными субстанциями. Он внедрил в них капиталистические отношения и стал озабоченным не выращиванием адекватных социальных субстанций, а эффективным функционированием капитала, получением прибыли повсюду в мире¹⁷². Развивая эти идеи, я отметила, что Запад более не мог предполагать, как прежде в 1990-е гг. относительно России, что она способна повторить его собственную социальную субстанцию, считать так относительно Восточной Европы, Китая, Афганистана, Ирака, государств Афри-

¹⁷² Фурсов А.И. Колокола истории. М., 1996.

ки, надеяться на то, что они способны или хотят догнать Запад и использовать его политическую и экономическую модель развития. В *странах, где не существует массовой буржуазной мотивации, как это было и в России, нельзя обвинить экономическую науку в том, что она не построила капитализм, похожий на западный (как это отмечено чуть выше).*

Появляется *национальная модель модернизации*, сегодня проявляющая себя в незападных странах, в Китае, Индии, России и пр. После неудач российского неолиберализма и неомодернизма появилось признание новой модели развития незападных стран, развивающиеся с учетом собственных культурных особенностей. Она получила название национальной модели модернизации, оказалась связана с укреплением национального государства, суверенности, традиции, отказе от догоняющей Запад модели и развитием рыночной экономики. Ее формула – значимость собственной культуры, возможность национального проекта модернизации, делающая его особенным. Это – концепция, которая может сыграть роль в формировании доктринальных оснований российского развития в форме либерального консерватизма, ордолиберализма и любой другой доктрины, где соседствуют трансформация и консервация, свобода и порядок.

Другое направление, которое может стать полезным для этой цели, это – концепция ответственного класса. Обращусь к толкованию русской истории Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым, называемому «Русская система». Русская система состоит в том, что в ней власть и народ разделены, а середины, соединяющей их – гражданского общества – не существует, и по этой причине система постоянно воспроизводит себя в том же виде. Для этой точки зрения есть необходимые, но недостаточные основания. В статье совершенно далеких от всякой политики историков Г. и О. Елисеевых, опубликованной журналом «Социальная реальность», предложена концепция, которая называется «Ответственный политический класс». Авторы показали, что мысль об отсутствии между властью и народом посредствующих звеньев не подтверждается, что социальная стратификация, которая в России осуществляется на любом историческом отрезке, состоит в том, чтобы разделить на классы, на группы, выделить средний класс, уповать на него (но растет он медленно), уповать на гражданское

общество (но и оно вызревает медленно). Они показывают, что всегда была социальная опора, которая пыталась соединить, не будучи частью гражданского общества, власть и народ и четко выделяют такие слои в истории России. Всех удивило, когда в феврале 2012 г. президент В.В. Путин произнес довольно харизматическую речь перед молодежью в Лужниках. Один из комментариев был таким, что существующий политический класс расколот, и поэтому Президент через голову этого расколотого класса, который может повести себя по-разному, обратился к народу в поисках другой стратификацию, ища тех людей, которые будут его поддерживать в ситуации непреодоленного политического раскола. Не берусь утверждать, что это именно так, но просто думаю, что при переходе Единой России к осмыслению своей идеологии как либерального консерватизма она может найти концепции, среди которых, как мне представляется, имеет значение теории «национальной модели модернизации» и «ответственного класса». Опираясь на них, она составить для себя более ясные неэмпирические цели, и только на их основе эмпирические задачи для того, чтобы продолжить более серьезную работу.

Коснемся Справедливой России. Я думаю, что, поехав к социал-демократам на Запад в мае 2010 г., С.М. Миронов показал, что не вполне знаком с современными концепциями и состоянием общества. Ведь что такое социал-демократия? Это консенсус, который возникает между государством, бизнесом и населением в суверенном и полностью закрытом обществе, при котором финансовой базой этого консенсуса является собирание налогов¹⁷³. Это – баланс, равновесие, которые в условиях глобализации, когда капитал убегает туда, где выгодно, приводит к потере социал-демократией налоговой базы и делает ее бессильной. Справедливая Россия могла бы позиционировать себя как относящаяся к новым левым, но вряд ли как социал-демократы. Именно поэтому в условиях глобализации возник новый курс «третий путь», который был предложен социологом Э. Гидденсом Т. Блэру, а прежде был у Б. Клинтона. Большую роль сыграли и Ю. Хабермас, и У. Бек в выработке этого курса, представляющего собой

¹⁷³ См.: *Мацонашвили Т.* Проблема перестройки социального государства в Западной Европе // *Pro et Contra*. Лето 2001. Т. 6. № 3; *Федотова В.Г.* Есть ли шанс у глобальной социал-демократии? // *Полис*. 2015. № 3. С. 110–126.

попытку сохранения социал-демократии в условиях глобализации, когда не налоговая база, а отношения власти и бизнеса с обществом служат основой того, чтобы события принимали желаемый характер. Можно привести мнение бразильского ученого Л. Брессера-Перейры, на которого ссылается Э. Гидденс¹⁷⁴. Он говорит о взглядах новых левых, которые, на наш взгляд, более адекватны целям Справедливой Россия, чем социал-демократия. Вот, например, каково отношение к такому критерию, как партийный контроль. У старых левых – это бюрократия, новые левые считают органом контроля новый средний класс, новые правые – бизнес-элиту.

Новые научные концепции выступают фактором диагностики партийной принадлежности и реальной конфигурации политических сил. (В политическом спектре, таким образом, появляются как новые левые, так и новые правые. СПС и Яблоко стало возможным назвать новыми правыми.) Роль государства: старые левые – центральная, новые левые – дополнительная, новые правые – вторичная, т. е. полностью меняется конфигурация отношений, что трудно обнаружить, следуя инерции и не учитывая новых и прежних научных подходов. Реформа государства: старые левые – воспроизводство бюрократии большого государства, новые левые – изменения в сторону менеджерских функций, новые правые – минималистская роль. Исполнение как основа социальных служб: старые левые – контролируется непосредственно государством, новые левые – публичными негосударственными организациями, новые правые – частными фирмами, осуществляющими бизнес. Финансирование как основа социальных служб: старые левые – осуществляется государством, новые – то же, новые правые – производится частным сектором. Социальная безопасность: старые левые – обеспечивается государством, новые левые – государство обеспечивает лишь основание социальной безопасности, новые правые – ответственен частный сектор. Критерий макроэкономической политики: старые левые – популистский, новые левые – неокейнсианский, новые правые – неоклассический. И глобализация: старые левые – угроза, новые левые – вызов, новые правые – выгода.

¹⁷⁴ Bresser-Pereira L.K. The New Left Viewed from the South // The Global Third Way Debate / Ed. by A. Giddens. Cambridge (UK), 2001. P. 358–371.

Мне кажется, что повышение интеллектуального уровня и признание роли ученых важны не только для легитимизации власти, как это большей частью происходит сейчас, но для творческой, концептуальной, мировоззренческой работы, помещающей российское развитие в ясно понятый исторический и социальный контекст. В задачу ученых входят сценарные прогнозы развития, анализ рисков, проектные функции (не сводимые к PR и политехнологиям), социальные инновации.

Наука – это специализированная деятельность по производству знания, которую осуществляют специально подготовленные для этого люди – ученые, используя те методы исследования, которые выработаны в самой науке. Ученый говорит на специализированном языке, который понятен либо узкому кругу специалистов, либо образованной публике. И подмена этой деятельности здравым смыслом в современном мире создает очень невнятную ситуацию, отсутствие долгосрочной перспективы. Практические ориентации партий создали минимально необходимый консенсус в понимании тактических задач, но для стратегических решений партии нуждаются в доктринах и идеологиях, вырабатываемых с учетом научного понимания социальной реальности сегодня.

Российские социальные теории и Запад

Справедлив ли упрек в том, что российская социальная наука на всех ее уровнях – академическом, постакадемическом, внеакадемическом – идет в фарватере западных теорий и не производит ничего нового, оригинального и национально-особенного, в том числе и того, что может заинтересовать Запад. Для Российских ученых, в особенности тех, кто работает в социально-гуманитарной сфере, ответ на этот вопрос очевиден: у нас нет достаточного количества каналов для продвижения российской науки на Запад. Вместе с тем, в библиотеке Колумбийского университета в Нью-Йорке есть огромное число книг сотрудников ИФ РАН на русском языке, в частности, с советских времен и до сих пор представлены все книги сектора социальной философии. Есть они и в Библиотеке конгресса США, в Университете Беркли, Осло, Берлина, Парижа, бывших соцстран, если говорить о том, в чем я могла убедить-

ся сама. Однако перевод этих работ на английский язык должен осуществляться в России, чтобы представить российские издания на Западе, т.к. университеты на Западе не имеют для этого достаточной заинтересованности и денег. Издательства там стараются публиковать то, что угрожает Западу. Когда несколько китайцев написали книгу «Китай, который может сказать нет», они были опубликованы баснословными тиражами и с гигантскими гонорарами. Тоже случилось с японцами. Но мы стремились к сближению с Западом после распада коммунизма, и это не продвигало наши идеи. Сегодня атмосфера противостояния так же привела к потере читательского интереса.

П. Сорокин был выслан В.И. Лениным из послереволюционной России и стал в США крупнейшим социологом мирового уровня, открыв главные закономерности капиталистического общества – социальную стратификацию, вертикальную и горизонтальную мобильности. Этот новый взгляд оказал огромное влияние не только на развитие социологии в Америке, но и на практическую политику в отношении динамичных социальных слоев и социальных групп. Сорокин был и остается американско-российским выдающимся социологом.

М.М. Бахтин, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов известны повсюду в мире и иногда кажется, что много больше, чем в России.

Качественные и оригинальные российские социальные теории производятся. Достаточно назвать некоторые имена блистательных и талантливых философов, работавших или работающих в области истории науки и социальной философии науки. Я хотела бы назвать многих в знак уважения к этим людям и их заслугам: В.С. Степина, В.А. Лекторского и его сектор, А.А. Гусейнова, И.Т. Касавина, Л.М. Косареву, Л.А. Микешину, В.С. Швырева, Т.А. Алексееву, Н.Г. Багдасарьян, Г.Л. Белкину, Л.А. Беляеву, В.Г. Буданова, Л.П. Буюеву, В.П. Веряскину, Ю.Н. Давыдова, Л.М. Дробижеву, П.П. Гайденко, О.В. Гаман-Голутвину, В.Г. Горохова, М.К. Горшкова, Р.С. Гринберга, П.С. Гуревича, А.В. Дмитриева, Н.Н. Зарубину, А.А. Кара-Мурзу, В.Ж. Келле, В.Е. Кемерова, Л.И. Кирсанову, Л.П. Киященко, Е.Н. Князеву, М.Я. Ковальзона, Н.Н. Козлову, В.А. Колпакова, С.А. Королева, В.В. Козловского, Т.Ф. Кузнецову, Ч.К. Ламажаа, Н.И. Лапина, В.В. Лапкина, М.М. Лебедеву, Вал. А. Лукова, В.Г. Лысенко, Л.А. Маркову, В.С. Малахова,

А.Ю. Мельвиля, В.В. Миронова, Ф.Т. Михайлова, С.С. Неретину, И.К. Пантина, В.И. Пантина, М.К. Петрова, Ю.К. Плетникова, В.А. Подорогу, И.М. Попову, И.С. Семенову, И.Н. Сиземскую, Н.М. Смирнову, М.Т. Степанянц, А.П. Огурцова¹⁷⁵, В.Н. Поруса, Ю.М. Резника, Г.В. Старк, В.А. Тишкова, И.П. Фарман, С.В. Чугрова, Э.М. Чудинова с его замечательной книгой «Природа научной истины»¹⁷⁶, В.А. Ядова, обсуждение проблем научного познания В.А. Аршиновым, Г.С. Батищевым, Э.В. Ильенковым, В.Е. Лепским, М.К. Мамардашвили, Е.А. Мамчур, Т.П. Матяш, В.М. Межуевым, Е.З. Мирской, Ф.Т. Михайловым, Н.В. Мотрошиловой, А.Л. Никифоровым, С.А. Никольским, Л.И. Новиковой, Ю.В. Олейниковым, Б.И. Пружининым, Н.С. Розовым, М.А. Розовым, В.М. Розиным, А.Ю. Севальниковым, Ю.В. Синеокой, А.В. Смирновым, Э.Ю. Соловьевым, М.Т. Степанянц, П.Д. Тищенко, В.И. Толстых, М.М. Федоровой, В.П. Филатовым, Е.Л. Чертковой, В.Н. Шевченко, Т.Г. Щедриной, А.Ф. Яковлевой, Е.Р. Ярской-Смирновой, Б.Г. Юдиным и многими, многими другими.

Чрезвычайно значимо обращение к работам М. Шелера, Э. Гуссерля, П. Бергера, Т. Лукмана, к огромному наследию западных социальных философов, социологов и социологов науки, занятых познанием науки как социального феномена, а не продукта прямой рефлексии закономерностей природы, общества или познания. Так, Л.М. Косарева проделала гигантскую работу по анализу генезиса науки Нового времени¹⁷⁷. Например, мне принадлежит авторство теории идеального как реальности культуры; рассмотрение двух альтернативных исследовательских программ – натурализма и культурцентризма в науках об обществе и в естествознании, взаимодополняющих друг друга; авторство концепта «другая Европа» и его применения для анализа модернизации; авторство концепции третьего модерна как нового Нового времени для незападных стран и анализа типов модернизации; концепта национальной модернизации; анализа типов научного и вненаучного знания, анализа истории капитализма в социальном контексте и др. О своих теоретических инновациях

¹⁷⁵ Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы. Т. I–III. СПб., 2011.

¹⁷⁶ Чудинов Э.М. Природа научной истины. М., 1977.

¹⁷⁷ Косарева Л.М. Предмет науки. Философский аспект проблемы. М., 1977; *Она же*. Социокультурный генезис науки Нового времени. М., 1989.

могут сказать очень многие сотрудники Института философии РАН, российских университетов и исследовательских центров. Но наши научные инновации плохо востребованы в России из-за неадекватного запроса власти к социальной науке или неадекватного понимания ее проектных возможностей, из-за иллюзий самоочевидности общественных проблем и упрощения, связанного с опорой на обыденное сознание и игнорирование фундаментальных достижений социальных наук. Кроме того, от социальной науки требуют конкретных рекомендаций, не получив которые, чиновники считают ее бессмысленной. На Западе эта проблема существует, но решается путем нахождения промежуточного звена между научным решением и его практическим применением. Это звено является мостом, соединяющим научные достижения с их применением, давая диагностику проблемы, контексты, сроки и варианты ее решения с оценкой степени реализуемости.

Запад, особенно США, чрезвычайно эффективны в использовании социальных наук. В рассекреченном докладе американского разведывательного сообщества «Контурь мирового будущего», подготовленного учеными во главе с Дж. Наем и представляющим собой прогноз мирового развития до 2020 г., дается сценарий-тренд, комбинированный со сценарием-идеологией американского и мирового будущего. В докладе говорится: «Линейный анализ позволит нам получить значительно видоизмененную гусеницу, но никак не бабочку – для этого нужен скачок воображения. Мы надеемся, что данный проект... позволит нам совершить такой скачок – не предсказать, каким будет мир в 2000 году (это явно лежит за пределами наших возможностей), – а тщательно подготовиться к разнообразным трудностям, которые могут ожидать нас на нашем пути»¹⁷⁸. Этот вполне «политически корректный» документ отличался тем, что, указывая на ряд тенденций, подрывающих могущество США и однополярность современного мира (например, возвышение Китая и Индии), не смотрел на мир как квази-природный, а идеологически был направлен на укрепление роли США в будущей мировой политике. Прогнозирование будущего на основе вероятностного сценария с многовариантными возможно-

¹⁷⁸ Контурь мирового будущего: Докл. по «Проекту–2020» Национального разведывательного совета США на основе консультаций с независимыми экспертами со всего мира. Дек. 2004. URL: www.cia.gov (дата обращения: 28.04.2015).

стями стало повторяться при каждой инаугурации американского Президента как результат коллективных многообразных проектов, пытающихся охватить поле вариаций возможного будущего¹⁷⁹.

Мнение о подчиненности идей российских теоретиков в области социальных наук западным концепциям нередко высказывается, поскольку российские ученые и философы часто цитируют западных коллег. Однако все понимают, что социальные науки – экономика, политология, социология, культурология возникли на Западе и для анализа самого Запада. Они стали распространяться в другие страны по мере их собственной модернизации и появления в них социальных структур, соизмеримых с западными.

Сказанное проясняет то, в какой мере российские исследования должны быть связаны с западными, а в какой являться самостоятельными: оба эти фактора действуют одновременно и совместно. В большинстве случаев ученый незападной страны ориентирован на изучение ее западного видения или использует западные теории, что характерно, например, при изучении российской модернизации. Но сегодня известны примеры, когда западный ученый пытается проникнуться пониманием специфики чужой страны и переводом известных ему теорий на язык местного видения. Такой пример будет рассмотрен нами ниже на примере китайских мегатрендов Дж. Нейсбита и Д. Нейсбит.

Легко видеть, что знание об обществе в России имеет также бинарную оппозицию освоенной западной социальной науки и местных попыток описать национальный характер, российскую многонациональность, мультикультурализм и мультиконфессионализм, коллективизм, отсутствие срединной культуры, неформальность экономики, предпочтение воли свободе. Ставятся вопросы об учете этой специфики западными социальными теоретиками, пытающимися объяснять российские процессы и пр. Этого им пока добиться не удастся, хотя имеются богатые традиции и результатами русские школы в социально-гуманитарных науках США, Германии, Франции и других стран, где изучается Россия. Примером могут служить работы покойного директора Библиотеки Конгресса США Дж. Беллингтона о русском искусстве и российской истории, в особенности работа «Икона и топор», а так же других американских русологов.

¹⁷⁹ Уткин А.И., Федотова В.Г. Будущее глазами Национального совета: глобальные тенденции до 2025. М., 2009; Уткин А.И. XXI в. М., 2011.

Индекс цитирования российских ученых (характеризующий резонанс их деятельности за пределами сообщества) остается за рубежом низким. На всех международных конференциях российские социальные теоретики выглядят вполне достойно¹⁸⁰, но их труды мало переводятся на иностранные языки, не принимаются в ведущие журналы Запада по причинам, которые можно характеризовать как *неадекватная научная политика Запада в отношении посткоммунистических стран*, закрытие западного рынка идей для нас, разочаровывающее невнимание к достижениям ученых незападных стран и их теоретической деятельности. Трое венгерских ученых характеризовали деятельность Запада на начальном посткоммунистическом этапе через их фонды, безусловно поддержавших ученых посткоммунистических стран материально, как *обязывающие их к работе в сфере базы данных или освоения западных теорий, но не допускающие даже предположительной возможности или способности ученых этих стран к производству новых теорий*¹⁸¹. Запад способствовал освоению западной науки и философии в посткоммунистических странах, посткоммунистической деидеологизации, налаживанию контактов между российскими и западными (и незападными) учеными, но сохранил односторонность этих связей. Надо сказать, что такие фонды, как, например, Фонд Фулбрайта, работали в России с советских времен и ставили вполне согласованные с советской идеологией и сегодняшним пониманием задачи освоения западного опыта российскими социальными теоретиками. И эти задачи выполняются. На Западе было и есть много своих ученых, которые имеют интерес к незападному миру. Это Дж. Арриги, З. Бауман, У. Бек, Ш. Бенхабиб, П. Бергер, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Дж. и Д. Нейсбит, К. Поланьи, Т. Фридман, Ту Вэймин (который совмещает позиции

¹⁸⁰ Есть другие мнения. Например Н. Греков сомневается в творческом потенциале российского сообщества, работающего в социально-гуманитарных науках. Возможно, его жесткие оценки могут быть отнесены к некоторому числу, возможно и немалому, российских ученых, но наука не является массовой профессией. И оценки ее состояния лучше делать по значимым образцам, которых немало. См.: *Греков Н. «Методологический кризис» или скрытая деградация // Pro et Contra. Зима-весна 2001. Т. 6. № 1–2. С. 178–182.*

¹⁸¹ *Gsepely G., Orkeny A., Scheppele K.L. Acquired Immune Deficiency Syndrome in Social Science in Eastern Europe // Social Research. Summer 1996. Vol. 63. № 2. P. 489–509.*

профессора Гарварда и профессора Пекинского университета), С. Хантингтон, Л. Харрисон, Ф. Фукуяма, Я.А. Шолте, Э. Эллиотт, Ш. Эйзенштадт и др. Нет сомнения, что знакомство с российскими исследованиями было бы интересно им. Отсутствие влияния нашей социальной науки на Западе – это политика Запада, которую метко назвали иммунодефицитом упомянутые венгерские ученые.

Таким образом, социальная наука в России находится в нелегких условиях, но имеет большой задел достойных исследований, которые теоретически самостоятельны и усваивают мировой опыт. Они могут быть применены на практике, могут быть мировоззренчески ценными. Я надеюсь, что сняла упреки о нашей несостоятельности, кроме одного – мы не влились в мировую науку и не влияем на западных ученых из-за политики Запада. Но что говорить о политике Запада, когда и в своей стране мы недостаточно востребованы.

ГЛАВА VIII. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗАПАДНЫХ И НЕЗАПАДНЫХ СПОСОБОВ ПОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА

Академическая наука в России уступила место постакадемической как развивающейся под воздействием извне поставленных целей и социально управляемой. Но при этом не может не выделиться пласт фундаментального знания, который имеет регулятивное значение и черты академической науки. Получается, что неуправляемая фундаментальная наука является *сильным* полюсом континуума научных знаний как в сфере естествознания, так и в области социально-гуманитарных наук. Но есть пласт социально-гуманитарного знания, который организационно развивается без внешних управляющих целей и является мягким полюсом академического знания, который тесно смешан с наукой в публичном пространстве, многопарадигмален, пересекается со множеством социальных интересов и имеет внушительные различия в разных странах.

М. Шелер: азиатизация знания

В философии и социологии знания рассмотрены его основные типы, а также способы его получения и тенденции развития. Крупнейший философ и социолог знания М. Шелер противопоставил свои идеи позитивистскому видению, представлявшему, с его точки зрения, идеологию западного индустриализма и капитализма. Шелер формирует социально-философскую и социологическую концепцию науки, которая, наряду с социологией религии и социологией мета-

физики дает антипозитивистскую альтернативу философско-антропологической концепции. Социология знания Шелера противостояла натуралистическому видению истории, к которому он относил казавшиеся ему сциентистскими концепции Г.В.Ф. Гегеля и О. Конта, и позиции К. Маркса, называемые им экономоцентризмом. Шелер утверждал: «Западный, внешне-природный техницизм и его коррелят в знании, позитивная наука, угрожают *встроить* самого человека как раз в тот механизм вещей, над которым он хочет господствовать, так что этот процесс без *баланса* двух *противоположно* направленных принципов знания и власти, составляющих смыслологически единое целое, может закончиться лишь закатом западного мира»¹⁸².

В связи с особой позицией, которая основывалась на антропоцентрических факторах, он опасался, что позитивистское видение и капиталистический индустриализм США и Англии подчинят себе человеческий фактор вместе с его душевными и духовными характеристиками и питал интерес к азиатским обществам, в которых человеческие черты, с его точки зрения, не были задавлены технико-экономическими изменениями: «...мы убеждены, что в *Западной Европе* и Северной Америке позитивную и природно-техническую эпоху так называемого “Нового времени”, по всей вероятности, сменит *явно выраженная метафизическая и душевно-техническая эпоха*, в *Азии* же, наоборот, на смену чрезвычайно односторонним метафизическим эпохам этих культур придет эпоха *позитивной науки и техники освоения внешней природы*»¹⁸³. Эта точка зрения, высказанная в 1924–26 гг., удивительна тем, что Шелер не отрицает будущий модерн в Азии, а считает, что ошибки модерна США и Европы будут им преодолены. Сегодня наша эпоха третьего модерна «преодолела» первый либеральный модерн Европы XIX в., второй организованный модерн США и Европы с его социал-демократией, технократией и бюрократией XX в. и постмодернистскую критическую реакцию на него. Начался третий модерн незападных стран XXI (новое Новое время для незападных стран), буквально совпадающий с пророчествами Шелера относительно Азии¹⁸⁴.

¹⁸² Шелер М. Социология знания. М., 2011. С. 153.

¹⁸³ Там же. С. 153–154.

¹⁸⁴ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова В.Г. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-филос. характер взаимоотношений экономики и общества. С. 520–564.

Идея Шелера о взаимодополнении азиатской и западной культур базируется на предположении, ранее высказанном им относительно людей из Азии в работе «Ресентимент в структуре моралей», которое он снова повторяет в «Социологии знания»: «... принцип непротivления категорично утверждает, что полноценное непротivление имеет место только там, где можно со всей очевидностью констатировать *наличие силы* к сопротивлению, т. е. где терпение унижения, оскорбления определяется не слабостью, трусостью или чем-то подобным»¹⁸⁵. Иными словами, он предполагает подъем Азии, у которой наличествуют силы для терпения, но которая еще скажет свое слово, в том числе и в области техники или культуры знания.

Тема нынешней азиатизации знания в форме азиатизации капитализма представлена известным американским ученым Р. Коллинзом. В отличие от западного пути, включающего бюрократизацию, секуляризацию, индустриализацию, азиатский путь держится на отношениях родства, аграрно-принудительного общества, капиталистических рыночных отношений с собственной динамикой роста¹⁸⁶. Это общее предположение подтверждается опытом развития азиатских стран, к которому я обращаюсь чуть ниже.

Креолизация теории

Обобщенно взятый процесс втягивания одной культурой другой называется креолизацией. Она может происходить как в академической, так и в постакадемической и внеакадемической науке. При этом вопрос может стоять и в плоскости втягивания западными теориями восточных, азиатских, равно как последними западных. Обычно эти взаимообмены теориями или знаниями не бывают симметричными. В качестве примера можно привести то, что французские теории, укорененные в идеях деколонизации, постмодернизации и пр. в 1970-е гг. деполитизировались в американской науке. Считая, что абстрактный универсализм европейской и американской теории может, в конечном итоге, стать источником ее заката, в противополож-

¹⁸⁵ Шелер Г. Указ. соч. С. 154.

¹⁸⁶ Коллинз Р. Макро-история. Очерки социологии большой длительности. М., 2015. С. 355.

ность этому такие авторы, как Ф. Лионетт и С. Ши выдвинули идею креолизации теории, т. е. развития взаимозависящего, критического и межстранового подхода к теории. Эти авторы являются американцами французского и китайского происхождения¹⁸⁷.

Дух критицизма, деколонизализма, глобализации волновал Европу больше, чем США. Это вызвало стремление рассматривать теорию как *развивающееся явление*, а не как завершенное, как бросающее вызов, открывающее ряд не отменяемых интерпретаций и точек зрения. Проблематика креолизации теорий горит о возможности культурного контакта разных стран и континентов в сфере познания. Креолизация безусловно существует, ибо редко можно поставить вопрос о теоретическом комплексе, способном к монистическому прочтению закономерностей другой страны, других парадигм, других целей. В отечественной литературе советского периода креолизация происходила путем освоения марксизма, на котором базировалась идеология страны, идеологически беспристрастных философских концепций физики и других естественных наук, проблеме понимания и западных теорий по этому вопросу. Западное и советское срачивалось в теориях там, где идеологическое не препятствовало этому. Что касается естественно-научных теорий, взаимообмен в большей мере происходил с обеих сторон.

Проблема креолизации теорий возникает чаще всего в связи с проблемами деколонизации и развития знания в прежних колониях, но ее расширительное толкование включает коммунистические страны, их вклад в научную теорию и их новые возможности ориентации на социально-гуманитарные науки Запада в посткоммунистический период. Или, напротив, признание М.М. Бахтина, Н.Д. Кондратьева, А.В. Чаянова на Западе было показателем успешного влияния отечественных ученых. Несомненно, что некоторые симптомы креолизации заметны у П.А. Сорокина. Они состоят в том, что его выдающиеся открытия, сделанные им в США – социальная стратификация, социальная мобильность населения, социокультурная динамика – были более очевидны иностранцу, не встречавшемуся прежде со столь масштабными процессами в своей стране. Кроме того, исследования последних лет его жизни содержали возвраты к русскому видению социальной реальности, исследованиям альтруизма, который сейчас изучают на Западе.

¹⁸⁷ The Creolization of Theory / Ed. by F. Lionett, Sh. Shih. Durham, 2011.

В. Миньоло, профессор латиноамериканского происхождения в Дюкском университете США в статье «Я там, где мои мысли» показал, что современное «линейное мышление» есть следствие осуществленной деколонизации, нового мышления народов, которые вышли из колониальной зависимости. Открылся новый мир, который провел на карте новую линию современного мышления. Хотя в действительности он имеет биографию, географию и мышление, которое по сути вытекает из его биографии и географии. Мышление может задать разные биографии и географии. Но, как отмечает этот исследователь, «существование многих путей производства и передачи знаний исчезло, поскольку сегодня все формы человеческого знания упорядочены эпистемологическими шкалами – от традиционной до современной, от варварской до цивилизационной, от коллективной до индивидуальной, от восточной до ориентированной на Запад... С помощью этой стратегии научная мысль позиционирует себя как единственно верную форму производства знания, а Европа обретает эпистемологическую гегемонию над всеми другими культурами мира»¹⁸⁸. Деколонизация, по мнению этого автора, легализовала западную методологию в качестве универсальной: «Из того факта, что западная эпистемология, т. е. эпистемология нулевой точки, становится гегемонистской, не следует, что тот, кто думает иначе, не думает вообще... Происходит демократизация эпистемологии... и принцип “Я там, где мои мысли” становится базовым эпистемическим принципом, легитимизирующим все способы мышления и делигитимизирующим претензию на то, что единственная и особенная эпистемология, имеющая географическую и биографическую принадлежность является универсальной»¹⁸⁹. Поэтому, с его точки зрения, нужна деколонизация науки, которая не отрицает вклад западной эпистемологии в мировое развитие, но не принимает ее как единственную тотально-универсальную систему знания.

Европейская перспектива – не единственная перспектива для описания прошлого. Деколонизация науки выступает как следствие деколонизации. Эти идеи довольно популярны. И я привела мнение ученых, живущих и преподающих в США.

¹⁸⁸ Это цитата С. Кастро-Гомеса, которую приводит В. Миньоло своей статье “I Am Where I Think” (The Creolization of Theory. Durham, 2011, P. 160–161).

¹⁸⁹ Ibid. P. 162.

Голландский социолог Я.Н. Питерс считает, что глобализация, как и гибридизация, ведут к отказу от доминирования западного видения. Другой социолог У. Ганнерс высказывает мнение, что мир находится в креолизации как в отнولوجическом процессе взаимодействия культур¹⁹⁰. Согласно Питерсу, вся наука была построена на эссенциалистском (примордиалистском) видении государства не как конструкта, а как почти природной данности, позволяющей нам видеть его так, как будто это так всегда и было. Мы привыкли считать культуру чем-то изначально данным вместе с государством.

Национальные модели модернизации

История знает немало примеров, когда теоретические позиции являлись руководством деятельности людей, успешно обеспечивали развитие и модернизацию стран.

Так, уже было показано, «немецкое послевоенное чудо» стало продуктом ордолиберализма – либерализации, при которой государство осуществляло контроль за декриминализацией рынка. «Японское чудо» было результатом проекта японских социологов в 1950-е гг.

Китаю удалось добиться чрезвычайно большого экономического роста, т. к. он, вопреки мнению о глобализации как победе западного капитализма над национальными интересами других стран, включился в глобальный капитализм, преследуя собственные интересы. Эта тактика была разработана китайскими экономистами. При наличии дешевой рабочей силы, трудолюбия и дисциплины, привычки к накоплению, а не к трате денег, Китай сумел занять большую долю глобального рынка.

Бывают ситуации, когда устаревшим теориям противостоят здравый смысл. Но сегодня ситуация представляется противоположной: многообразие представлений и различия в здравом смысле, всеобщее несогласие может быть теоретически направлено к улучшению ситуации. В России сегодня это слабое место. Социолог Н.С. Розов сказал метко заголовком: «(Не) мыслящая

¹⁹⁰ Pieterse J.N. Globalization as Hybridization // Readings in Globalization: Key Concepts and Major Debates / Ed. by G. Ritzer and Z. Atalay. Maiden; Oxford, 2010. P. 326–334; Hanners U. The World in Creolization // Ibid. P. 22–324.

Россия: антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации»¹⁹¹. Я считаю эту констатацию верной в том отношении, что ориентация на постакадемическую, социально управляемую науку об обществе сдерживает обращение к анализу тех проблем, которые требуют новых подходов, обсуждений, теорий, ибо в перспективе грозят стать социальными проблемами, затрагивающими общество. Для решения многих проблем каждая страна нуждается в современных теориях и должна признать опасность изобретения велосипеда заново.

Взаимоотношение теории и практики становится ключевым пунктом изменения социальных теорий и реализуется в различных направлениях исследования.

Будучи автором многих книг и статей по проблемам модернизации, я не могу не радоваться тому, что программа модернизации активизировалась в нашем обществе. Но понимать модернизацию как усовершенствование необходимо, но недостаточно. Мы снова страдаем в своих практических решениях от незнания теорий и истории модернизации. У некоторых практиков и политиков она выглядит так, будто впервые началась (хотя в России продолжается с времен Петра Первого, а мире началась много раньше) и сводится к техническому усовершенствованию (тогда как модернизация – это процесс, охватывающий все сферы общества). В истории и теории модернизаций есть несколько этапов.

*Модернизация Запада была естественно–историческим органическим переходом от традиционного средневекового общества, воспроизводящегося посредством традиции, к современному, основанному на инновации, капиталистическому обществу. Этот переход был для Запада органическим потому, что он не возник из какой-то предзаданной цели, заранее выработанной модели, а явился естественным следствием трех сформировавших его революций – Ренессанса, Реформации и Просвещения. Это был естественно–исторический процесс, который одновременно перерастал в проект, обычно называемый Фаустовским*¹⁹².

¹⁹¹ Розов Н.С. (Не)мыслящая Россия: антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации. М., 2007. С. 284–303; Розов Н.С. Колея и перевал: Макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М., 2011.

¹⁹² Колтаков В.А. Философия и наука в пространстве рождающейся современности // Вопр. философии. 2014. № 8. С. 54–64.

Для многих незападных стран (России, Турции, Мексики и др.) проблема ускорения развития, ритмов своей эволюции предстала как идея *догоняющей Запад модели модернизации*. Они испытывали немалые сложности из-за культурных различий с Западом при осуществлении этих новых целей, неготовности населения к радикальным изменениям, сочетания модернизационных рывков и демодернизационных откатов. В советский период модернизационная политика была продолжена, но нередко в форме насильственной модернизации. Догоняющая модель модернизации была достаточно успешна. Но когда ее попытались применить к странам, вступившим в процесс деколонизации, она не сработала, модернизация «третьего мира», освободившегося от колониальной системы не состоялась. С началом 1970-х термин «модернизация» фактически вышел из употребления.

Он вернулся в Россию 1990-х как *неомодернизационная теория*, снова ориентированная на догоняющую Запад модель развития. Тогда же стало ясным, что следование ей сталкивается с прежними трудностями, и политическая модернизация не гарантирует от демодернизационных процессов в производстве и культуре. Вывод из этого был однозначно сделан многими российскими учеными, а так же американцами Л. Харрисоном и С. Хантингтоном: «Культура имеет значение»¹⁹³.

В качестве альтернативы стала предлагаться новая версия модернизации, получившая название *транзитологии*, смягчившая ситуацию заменой многообразных параметров догоняющей модернизации введением только двух требований – демократизации и рынка. Но эта формула развития оказалась чрезмерно упрощенной.

За десятилетие XXI в. произошли серьезные изменения в мире. В глобальную экономику вступили многие новые страны – азиатские, посткоммунистические, латиноамериканские, африканские. Их специфика состоит в том, что они имеют свои культуры и свои задачи модернизации. По мнению крупнейших специалистов, среди которых Ш. Эйзенштадт, С. Хантингтон, догоняющая модель модернизации более невозможна. Заимствование чужого опыта относится сегодня к достижениям как Запада (вестернизация), так и Востока (истернизация), осваиваются преимущества многих стран. Новая модель названа *национальной*.

¹⁹³ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002.

Она решает задачи модернизации, не отрицая вестернизации и других заимствований, но при этом ориентирована на собственные задачи с применением собственных методов. Эта кратко даваемая история изложена в книгах, на которые мы ссылаемся ниже. Как показал в докладе на Ученом совете Института социологии РАН Н.И. Лапин, китайская национальная модель модернизации включает две задачи – развитие индустрии и развитие информационных технологий, которые должны быть интегрированы друг с другом. Очевидно, сходные цели имеет и Россия. Демодернизация 1990-х не сменилась модернизацией производств сегодня, ростом квалифицированного рабочего класса, хотя уже поставлены задачи постиндустриального развития. Однако в действительности технологическим трендом в мире стала реиндустриализация, которая является важнейшей задачей и России.

Знание этих теорий ставило перед проектом Сколково ряд новых задач. Сколково первоначально не рассматривалось как анклав, в котором западные ученые являются главной надеждой, а как институт заимствования западного опыта и развития собственных идей. Сколково потенциально может стать пилотным проектом, где российские ученые могут совершить технологические прорывы. Если квалификация западных ученых выше, как нередко утверждается сегодня, то почему С. Брин должен был уехать на Запад, чтобы внедрить Гугл, а выпускники Физтеха сделать то же самое для получения Нобелевской премии за открытие графена. Российские ученые находятся в атмосфере недостаточного признания. Особенно в провинциальных ВУЗах научная работа не получает должной оценки. Лауреаты международных дипломов прозябают, не говоря уже о других ученых, которых не отметили признанием. Сколково как проект для всей России, а не анклав догоняющей технической модернизации (и даже в этом качестве) находится в противоречии с реформой образования, направленной на приращение не науки, а здравого смысла. Сегодня же главные инновационные результаты принадлежат академической науке как в естествознании, так и в социальных науках, постакадемической в их применениях. Университеты, особенно в провинции, преобразуются путем отказа от фундаментальных наук и заменой естественнонаучных дисциплин на те, которые можно было бы изучать в техникумах, колледжах и даже ПТУ (гостиничный бизнес

и пр.). Причины этого экономические. Если в Москве, например, в неком университете дадут два с половиной бюджетных места для поступления студентов на кафедру математики, химии, вычислительной техники и пр., это не мешает большому слою людей из среднего класса, ориентированному на подготовку образованных людей во всех своих поколениях, отправить своих детей на платное обучение на «неприбыльные» специальности, то в провинции, как я уже отметила, деньги имеет другой желающий счастья своим детям контингент, который пошлет их на гостиничный бизнес, туризм, международные отношения, даже если нет ни специалистов для обучения последним, ни планов по специализации таких студентов и их распределению на «модные» специальности. Где же будут готовить естествоиспытателей и инженеров, социальных инноваторов и экспертов? Где будут готовить рабочих? И когда же мы поймем, что в международном разделении труда наше место – интеллектуальный продукт.

В чем же отличие сегодняшнего утверждения о многообразии модернизаций и переходе к национальным моделям модернизации от прежнего применения классической модернизационной теории и результатов ее применения, имевших национальную специфику? *Отличие в том, что классическая модернизационная теория, основанная на модели догоняющей модернизации, рассматривала Запад как единственный образец для модернизации стран, а эмпирические несоответствия модернизирующихся стран с этим образцом трактовала как незавершенную или неуспешную модернизацию, создающую по-разному модернизированные страны. Новая концепция множества вариантов модернизации и следующего отсюда многообразия национальных модернизаций считает различия в модернизациях разных стран закономерными, обусловленными спецификой этих стран, отрицает единый образец.* Был предложен и вариант новой западной модернизации в политической сфере (концепция «третьего пути» Э. Гидденса), но вопрос о том, в какой мере сегодняшнее технологическое и политическое развитие Запада вновь способно стать образцом для отдельных стран и глобального мира, является дискуссионным.

Некоторые ученые усматривают противоречие между догоняющей моделью модернизации, цель которой – максимально приблизиться к избранному образцу и перманентным «нерешени-

ем» задач страны в «недогоняющих» моделях модернизации. Эта мысль ясно выражена В.В. Лапкиным: основное содержание модернизации состоит в том, что переход от традиционного общества к современному начался, но не завершается в принципе: «начинается бесконечное восхождение к никогда не достижимой цели»¹⁹⁴. Поскольку и Запад стоит перед задачами модернизации (как уже было упомянуто со ссылкой на Гидденса), догоняющие возможности незападных стран кажутся явно исчерпанными. Догонять убегающего по нелинейной траектории, каким стал Запад сегодня – это не то же самое, что догонять стабильно движущегося в заданном направлении, каким он был пятьсот лет. Однако думать, что рассмотренная национальная модель не эффективна из-за отсутствия единого образца, к которому следует стремиться, неверно: следуя ей, ставятся достижимые цели, которые решаются, потом появляются другие, они тоже осуществляются, продолжая процесс модернизации как инновационной деятельности. Это мы увидим ниже на примере китайской модернизации. Но ведь и российская догоняющая модернизация, начавшаяся при Петре I, так и не получила завершения. В этой незавершенности одна из причин отказа от догоняющей модели модернизации. Наиболее адекватной формой развития обществ многим теоретикам сегодня представляется *национальная модель модернизации, возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации*. Россия имеет достаточно высокий уровень вестернизации, но еще нуждается в повышении этого уровня при заимствовании инфраструктуры, демократических институтов, рыночных отношений Запада. Необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта сегодня не только не препятствует национальной модели развития – напротив, он способствует ее осуществлению, а значит и благоприятствует возникновению многообразия вариантов модернизации в современном мире. Как уже отмечалось, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт, Л. Харрисон и ряд других исследователей считают, что в наше время каждое общество само решает, какая модернизация ему нужна.

Появление национальной модели модернизации является ответом на один из главных тупиков неолиберализма – пренебрежение фактором культуры. Критикуя капитализм, К. Маркс тем не

¹⁹⁴ *Ефременко Д.В. Лапкин В.В.* Дилеммы и казусы модернизации в начале XXI в. // Модернизация. Авторитаризм и демократия. М., 2009. С. 54.

менее отмечал его цивилизующую миссию. Распад коммунизма способствовал началу глобализации, открывая прежде закрытые для капитала территории. В рамках Запада функционирование капитала возвращало его социальную субстанцию. Запад оставался небезразличным к способам усвоения демократии и формированию правового государства в модернизирующихся странах. Даже политика колонизации нередко имела сходные цели, что можно видеть на примере Сингапура, успешно подготовленного британским колониализмом к развитию по современному сценарию. При глобальном распространении капитализма капитал стал терять цивилизующую миссию. А.И. Фурсов в работе «Колокола истории» показал, что капитализм перестал заботиться о социальной субстанции модернизирующихся обществ. Для него стала важной только функция капитала (обогащение, рост капитала), а не социальная и культурная среда его функционирования. Капитализм превратился из западного – «веберовского» (основанного на протестантской этике, на заимствовании его рациональности в инорелигиозных странах Запада), «дюркгеймовского» (основанного на разделении труда и переходе от механической солидарности к органической) в «зомбартовский», (основанный на чем угодно – на честном труде, на нечестной наживе, на грабеже, войне и т. п.). Если раньше капитализм перемалывал чужие (незападные) культуры, то теперь эти культуры, перемалывают капитализм, заимствуя его экономические механизмы почти так же, как новинки автомобильной промышленности.

Примером национальной модели модернизации можно считать китайское развитие. На наш взгляд, дело объясняется тем, что китайцы при выборе модернизационной модели учитывали особенности своей страны и не стремились перестать быть китайцами и стать американцами и т. п. Руководство страны принимало во внимание и численность населения (более одного миллиарда человек), и низкий стартовый экономический уровень, и отсутствие нужного количества природных ресурсов, и явный недостаток грамотных кадров. Поэтому оно посчитало необходимым осуществлять модернизацию под единым централизованным руководством авторитарного коммунистического режима. Одновременно китайские лидеры понимали, что модернизация – это не одномоментное действие, а длительный процесс. Следует

сказать, что успех реформ в Китае обеспечивался коллективом единомышленников, на деле заинтересованных в процветании страны. Во главе его стоял такой незаурядный человек, как Дэн Сяопин. Реформы в Китае начались с реформы экономики – производственных отношений в деревне. При этом постепенно шел и процесс реформирования теоретических представлений – в начале реформ говорили о возвращении к плановым принципам социалистической экономики, которые были извращены в период «культурной революции», затем – об использовании рынка, но при господстве плана, и только потом появился термин «социалистическая рыночная экономика». Методология китайских реформ – постепенность и учет национальных условий. Это, говоря словами К. Полањи, «золотое правило реформ», отличающее их от революций и требующее согласования скорости реформ со способностью людей к ним адаптироваться.

Широкую известность получили работы Ту Вэймина о национальной модернизации в Китае. Этот исследователь отмечает важность для экономики и моральной атмосферы в Китае конфуцианских установок. Он показывает, что Китай не просто бросился в омут бесконечных преобразований, но, вглядываясь в японский опыт, обдумал вопрос о том, как с точки зрения перспектив конкуренции Китая с западными странами следует отнестись к таким антиномиям развития, как «сельское хозяйство или промышленность», «капитализм или социализм», «восточная культура или западное образование». Мы далеки от преувеличения китайских достижений, хотя они велики, но важно то, что идея способности конкурировать с Западом, а не догонять его, осознание непреодолимости своей культурной и цивилизационной специфики привели к постановке актуальной задачи борьбы с голодом в 1970-е гг. и определили приоритет реформы сельского хозяйства Китая. Решение именно этих задач и стало в начале реформ национальной моделью модернизации страны. Но преодоление голода не приостановило осуществления модернизационного проекта и не растянуло его реализацию на неопределенное время. «Деревня и город», инфраструктуры, модели индустриализации с привлечением сельского населения, миграция в города – следующая цепочка проблем, выстраивающая цели модернизации одну за другой. Неравномерность развития регионов – еще одна задача. Сейчас в условиях ми-

рового экономического кризиса китайское правительство приняло меры по ограничению экономического роста и усилению потребления внутри страны. Во многих случаях глобализация означает распространение капитализма, победу капитала над национальными интересами незападных стран. Китай избежал этой ловушки. Он самым успешным образом использовал глобальный рынок в своих национальных интересах. Сегодня модернизация в Китае сопровождается некоторым смещением внимания к экономике внутри страны. Подобная смена приоритетов обуславливает длительность или даже бесконечность процесса модернизации, отрицающая недостижимость однажды поставленной задачи. «Мы находимся в довольно сложном положении, – пишет Ту Вэймин. – Нам предстоит преодолеть три преобладающие, но устаревшие дихотомии: “традиционное – современное”, “западное – незападное”, “локальное – глобальное”»¹⁹⁵. Возможно, сюда надо добавить «капиталистическое – социалистическое».

Действительно, китайцы попытались перейти к *современности*, полагаясь на цивилизационную и политическую (посредством коммунистического режима) защиту *традиции*. Они обратились к вестернизации (*к западному*), особенно в сфере технологий в условиях нового разделения труда между западным «обществом знания» и азиатским индустриальным обществом, не давая дорогу рекультуризации своей страны, хотя частично это все же происходит. Ныне, сполна использовав «глобальное» в своих интересах, они обратились к своим *локальным* нуждам.

По мнению Ту Вэймина, «азиатские интеллектуалы более столетия внимательно присматривались к западным учениям. Японские самураи-бюрократы, например, методично заимствовали у европейцев, а позже и у американцев, приемы науки, технологии, политического управления. Аналогичным образом китайские ученые-чиновники, корейские “лесные интеллектуалы” и вьетнамские мудрецы созидали свои нынешние социумы на основе западных знаний. Приверженность масштабной, а порой и всеобъемлющей вестернизации позволила им перестроить экономику, политику, общественную систему согласно тем образцам,

¹⁹⁵ Ту Вэймин. Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М, 2002. С. 236–250.

которые они... считали более передовыми»¹⁹⁶. Однако азиатские страны нуждались в адаптации этих инноваций к собственной культуре. Не продолжающаяся вестернизация, а синтез ее результатов с местными условиями оказался достаточно продуктивным, и, по мнению цитируемого автора, доказывающим устарелость отмеченных им антиномий. Он с трудом удерживается от утверждений, что конфуцианские ценности могли бы быть полезными сегодня Западу, так как Запад сам нуждается в модернизации, чтобы перейти в новую современность, а незападные общества в любом случае не способны рекультивироваться полностью. И, хотя Ту Вэймин допускает возможность восточного влияния на Запад, он все же настаивает на плюрализме типов модернизации, оставляя каждой стране или региону право на выбор национального модернизационного проекта.

Соглашаясь с этой мыслью, мы полагаем ее существенной для российского модернизационного проекта. Ясно, что для его осуществления необходим как некий уровень вестернизации, так и поворот к собственным коренным проблемам. Цель российского модернизационного проекта состоит в определении приоритетной задачи и последующих за ее решением новых задач, этапов их осмысления, а также – в заимствовании тех успешных институтов, образцов, способов и инструментов, которые имеются на Западе и в мире в целом.

Вопрос о социальной базе модернизации России не находит ответа. Однако вовсе не обязательно исходить из ее наличия. Прогноз или проект могут формировать эту базу. *Можно сделать вывод о том, что необходимое России реформирование не может быть осуществлено на старой базе 1990-х гг., где демократия – всего лишь бескомпромиссная идеология, в то время как на деле демократия – это компромисс реально существующих интересов и групп интересов, консенсус различных социальных сил.*

¹⁹⁶ Ту Вэймин. Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии. С. 243–244.

ГЛАВА IX. ВЫЗОВ АЗИИ

Сценарий смены духовной идентичности предполагает применительно к России, что духовные черты граждан России и особенности их обычного поведения – коллективизм, стойкость, «притерпелость» к тяготам жизни, патриотизм, вера в авторитеты, низкие потребительские ожидания, зависть и неприязнь к богатству являются очевидным препятствием развития и процветания страны. Идея смены духовной идентичности укоренилась во всех российских реформах 1990-х.

В данной главе мы перейдем от абстрактной характеристики роли теорий в процессах развития, к показу того, как они участвуют в этом процессе. Доминанта повседневного опыта и вненаучного знания в азиатских странах не удовлетворила западных ученых, и они прибегли к трактовкам, которые помогали им учиться у Азии.

Опыт Японии и других стран

Долгое время считалось, что западная модель развития – путь всего незападного мира. Так можно было утверждать до тех пор, пока среди незападных стран не появились собственные образцы и центры развития, не имитирующие Запад. Сегодняшний рост стран Юго-Восточной Азии является впечатляющим. Измерение степени развитости ведет уже свой отсчет здесь не от стран Запада, а от Японии и Китая – самых развитых стран региона, успешно

конкурирующих в экономической и технологической сферах со странами Запада. Согласно классификации вьетнамского исследователя Х.Л. Хая в Юго-Восточной Азии на основе уровня развития, скорости роста экономики и технологических инноваций, среднего дохода на душу населения можно выделить четыре «эшелона развития»:

1. К первому, безусловно, принадлежит Япония, имеющая самый большой в мире экономический и технологический потенциал, научные исследования как в сфере изучения природы, так и общества.

2. Ко второму эшелону развития относятся страны НИС (новые индустриальные страны) первого поколения – Южная Корея, Гонконг, Тайвань и Сингапур. Эти страны особенно быстро развиваются в течение трех десятилетий и известны под именем «тигров» или «драконов» Азии.

3. Страны НИС второго поколения – группа стран Юго-Восточной Азии – Индонезия, Малайзия, Таиланд и Филиппины. Скорость их развития ниже, чем у других «драконов», но их развитие является быстрым и стабильным.

4. Остальные страны Юго-Восточной Азии, а точнее Индокитай, включая Северную Корею, Китай, Вьетнам, Лаос, Камбоджу, сделали колоссальный скачок в своем развитии. Исключение составляет Бруней, развивающийся за счет экспорта сырьев.

Но, говоря об особенностях Азии, имеют в виду не только их новых лидеров. Многие страны объединены принадлежностью к азиатскому региону – Австралия, Бангладеш, Индия, Индонезия, обе Кореи, Китай, Новая Зеландия, Россия, Филиппины, Шри-Ланка, Япония и др.

Что общего между всеми этими странами, между богатой Австралией и Новой Зеландией, рвущейся вперед Японией, развивающимся рынком Китая, бедствующими Бангладеш и Шри-Ланка, пережившая длительную войну с сепаратистами, Филиппинами, трижды в истории попадавшими под иностранное – сначала католическое испанское, а в XX в. под американское, японское и снова американское влияние, и Россией, пытающейся совершить новый виток модернизации? Общим является то, что весь этот регион (исключая Россию с ее колебаниями и даже неколебимой решимостью ее властей в 1990-е следовать за Западом) развивается

сегодня, не ставя цели предварительной смены своей идентичности, т. е. без радикальной смены своих социокультурных основ: Австралия и Новая Зеландия, будучи западными странами этого региона, не стали азиатизироваться, остальные страны отказались от необходимости изменения своих народов как предпосылки развития. Такое требование соответствовало прежде всем модернизационным процессам, трактуемым в рамках теории догоняющей модернизации. До 1950-х гг. модернизация воспринималась как имитация Запада, это была одна из аксиом развития. Развитие Японии истолковывалось именно в этом смысле: японцы – это немцы Азии. Имитации политических структур, новорожденные всюду – в Латинской Америке, Африке и др. местах – «президенты» и «парламенты» – не приводили к успешным преобразованиям. Нью-Мехико, Манила и Каир, активно шедшие по этому пути, оказались наводнены деклассированными, люмпенизированными элементами, жаждавшими только хлеба и зрелищ, воспринявшими худшие черты массовых обществ Запада.

Азиатские страны в большинстве своем так далеко находились от этого опыта, что они не просто поняли, а вынуждены были понять, что на этом пути им не добиться успеха. В них не было прозападных элит, находящихся в разрыве со своим народом и способных поставить национальную цель достижения уровня Запада. Они были скромны и исходили из возможной, а не желаемой перспективы развития. Осуществляя его на собственной основе (нередко уже после неудач либерализации), т. е. без требования предварительной смены идентичности, они создали условия, которые все же медленно меняли людей через образование, научные исследования, технологии, новые навыки, новые социальные структуры, но в большинстве этих стран вопрос о смене идентичности как результате реформ никого не волновал, не ставился в явной форме. Этот вопрос стоял четко лишь в Японии, к чему я еще вернусь, и был решен общеазиатским образом – с помощью концепций национальных модернизаций. Так появился новый центр развития, притягательный и своеобразный, породив вызов Азии – новую возможность развития без разрушения собственной культуры.

Не являясь востоковедом, я уверена, что многие специалисты могут сказать о Японии, Таиланде, Китае, Сингапуре, Азии в целом гораздо больше и лучше меня. Но сегодня нельзя изучать роль

социально-гуманитарных наук в модернизационных процессах без учета опыта Азии, который дает как примеры использования западных теорий, так и образцы их азиатизации или построения концепций, отвечающих задачам незападной страны, а так же примеры использования традиций повседневности, гибридизации собственных моделей с западными, «креолизации», о которой я писала выше. Поэтому я ориентировались на ряд тенденций работы с западными теориями, на переведенные статьи японских специалистов и на ряд других источников по проблемам развития Азии. Статьи японских проф. А. Китахары и Н. Тошитани демонстрируют историческую преемственность позитивных преобразований и значение сопротивляющейся им среды, способность реформаторов использовать и это сопротивление в свою пользу. Японские социологи смогли выступить в качестве авторов модернизационных теорий для Японии только после того, как показал свою несостоятельность американский оккупационный режим после Второй мировой войны.

Статья проф. А. Китахары посвящена сравнительному анализу роли японской и тайландской общин в процессе реформирования. Тема общины – не новая для России. И сегодня сохраняются следы прежней борьбы между сторонниками сохранения форм коллективности в сельском хозяйстве и людьми, стремящимися заменить ее индивидуальными хозяйствами. Статья японского профессора недвусмысленно свидетельствует об излишнем упрощении этой проблемы в России. Обсуждение проблем российской идентичности осуществляется в координатах: Восток – Запад, Европа – Евразия. Это выглядит очень правдоподобно в макросхеме, но можно ли в тех же терминах рассуждать о Смоленске и Хабаровске, о крестьянах и рабочих? Кто-то верит, что Россия станет западной страной, но готов ли он при этом сказать, что таковым будет и провинциальный город, и маленькая деревня? Во-первых, мы вряд ли найдем такие исследования, где бы обсуждалась региональная перспектива социальной трансформации и формировался целостный образ модернизированного российского города и в особенности деревни. А во-вторых, малейшее приближение к этому уровню сразу же ставит перед теоретиками проблемы, ответ на которые расходится с макросхемой – неомо-

дернизмом российского развития конца XX в. или концепциями XXI в., ориентирующими на учет культурной специфики в национальных моделях модернизации.

Главным препятствием для реформ в Японии считалась община, обладавшая высокой солидарностью («тесная»). Именно через нее была осуществлена милитаристская политика японского государства. После Второй мировой войны в условиях присутствия американских оккупационных сил основное их намерение состояло в либерализации, в сломе архаичных коллективистских структур. Тем не менее, выход был найден самими японцами, обнаружившими, что через общину не менее успешно можно провести не старые милитаристские, но новые демократические цели государства. Община могла ответить на такую задачу лучше, чем еще не сформировавшийся индивид и еще не сложившееся гражданское общество.

Другая страна, рассмотренная в статье А. Китахары – Таиланд. Экономическое развитие Восточной Европы в первые послевоенные десятилетия не было особенно успешным, несмотря на то, что она начинала его с довольно высокого старта – завершенной индустриализации и существенно продвинутой модернизации. В это же время Таиланд – страна тропической отсталости, феодальных порядков, еще недавно с восхищением смотревшая на Сайгон, сделала чрезвычайные успехи. Сегодня из Хошимина (Сайгона) с восторгом смотрят на Бангкок. Именно за последнее десятилетие Таиланд вышел на уровень экономического развития, соизмеримый с европейскими странами. Община сыграла при этом немалую роль и в Таиланде. В отличие от Японии, где община была во многом продуктом политики государства, в Таиланде община выглядела скорее как наследие бесклассового общества. Она не имела там жесткой солидарности крестьян, является «свободной», в отличие от «тесной» японской. Община консолидировалась в одном пункте – в сопротивлении крестьян жесткости государственной бюрократии. Использовать государство для преобразований здесь было трудно, и реформаторы пошли по линии местных инициатив и инноваций, проводимых в деревнях старостами общин и другими людьми, обладавшими религиозным или моральным авторитетом и сочетавшим его со способностью к инновации.

Мы видим, что острая для нас социальная проблема академической – постакадемической науки не имеет в азиатских странах такого значения, а национальный образ будущего использует отдельные важные концепции, основанные на признании значения повседневных представлений.

Единая в нашем сознании с точки зрения развития Юго-Восточная Азия оказалась различной, многоликой, многогранной. В самих Таиланде и Японии обнаруживаются регионы разной степени развитости, в которых процесс трансформации идет по-разному.

Таким образом, после длительных и незавершенных попыток осуществить либеральную модель преобразований в своей стране Япония, а затем и Таиланд сделали подлинный скачок, обратившись к применению западных технологий и собственной инновационной деятельности при сохранении тех своих социокультурных основ, которые всегда рассматривались как препятствие на пути перехода этих стран к современному состоянию.

Япония сделала это, пройдя прежде ряд стадий модернизации – революцию Мэйдзи, реформы 1920–30-х гг. Япония поразила европейских путешественников, открывающих для себя мир других народов, еще в XVI в. Другие народы Азии удивляли европейцев непохожестью. И только Япония XVI в. оказалась сходной с феодальной Европой. Она состояла в это время из двенадцати тысяч государств, объединенных общей властью императора. Они были объединены в феодальную монархию. Здесь были города, а Токио изумил мореплавателей тем, что это был город с миллионным населением, вдесятеро большим, чем Париж или Лондон того времени, город с многочисленным классом купцов, ремесленников, торговцев. Сложная политическая система, урбанизация, исключительное трудолюбие народа, любознательность сильно отличали японцев от других азиатских народов. Трудовая этика японцев особенно поразила европейцев, тоже склонных к упорному труду, но еще не давших обоснование этого в протестантской этике. Это свойство народа сочеталось с ответственностью правящего слоя. Японцы легко поддавались христианизации. Япония была открыта проникновению Запада, и только позже страна была закрыта на 200 лет из-за страха перед колонизацией. Япония поражала единством многообразия. Здесь было много островов, много государств, много традиций.

Н. Тошитани раскрывает долгую историю развития юридического знания в Японии, разработке современного японского права, попытке найти японскую модель естественного права, привить «западные принципы» на японскую почву. Кульминацией этого процесса стала Конституция, подготовленная в штабе союзных сил после поражения Японии во Второй мировой войне. Вопреки декларации о безоговорочной капитуляции, американцы согласились на некоторое условие – сохранить императора. Он и стал гарантом и легитимирующим Конституцию фактором. Конституция аккумулировала предшествующий опыт японского конституционного строительства и была представлена японским правительством от своего и императора имени. И народ принял эту Конституцию. Несмотря на эти предпосылки применения либеральной модели, Япония пошла своим путем.

Таиланд был тоже уникальной страной, никогда не бывшей покоренной и колонизованной. Тем не менее, именно ему грозила колониальная модель модернизации в силу его отсталости, отсутствия предшествующих попыток модернизации, политики Запада, международного разделения труда. Причины тайского успеха те же, что и японского – использование западных технологий, концепций и своей культурной идентичности, содержание же культурных оснований – везде свое.

Что же происходило в этих странах, какой процесс, если с модернизацией связано следование модели Запада?

Успехи названных азиатских стран дают некоторые уроки:

1. Проблема социальных трансформаций для своего обсуждения нуждается не только в макросхемах, но и в микроанализе того, как это происходит на уровне каждой страны и даже ее по-разному развитых регионов.

2. Успех может быть достигнут при отказе от разрушения собственных особенностей, прежде казавшихся исключительно препятствием развитию, вхождению в современность, обновлению в сторону конкурентоспособности с западными странами.

3. Развитие без предварительной смены идентичности позволяет людям сохранить достоинство. Достоинство состоит и в готовности к жертвам, и в готовности к трудовой аскезе (а не только к гедонистическим ожиданиям). Люмпенизированному населению нечем и незачем жертвовать, оно самое – жертва догоняющей мо-

дернизации. Люди, сохранившие свою идентичность и свое достоинство, уверены в себе настолько, чтобы успешно и целенаправленно действовать.

4. Такая способность к развитию не имеет предзаданной модели, она использует уникальные особенности своих стран. Например, критикуемый азиатский фатализм, терпеливость оказались полезными свойствами на сборочных линиях технотронного века.

5. Развитие осуществляется в каждой стране или регионе страны путем управления им, нахождения конкретно и успешно действующих форм. Вместо старых терминов – модель, проектирование (равно как их антитезой – полаганием на естественное становление западных форм жизни) здесь уместны методы сценарного прогноза и менеджмента социальных трансформаций, поддерживающего устойчивое развитие.

6. Осуществляемые трансформации закрепили культурные особенности региона и внесли быстрые изменения в экономику и технологии, но более медленные в социальные процессы. Задачи построения гражданского общества, обычно осуществляемые в ходе модернизации, здесь не решены полностью, но не отброшены: их еще предстоит решать.

Вопрос о возможности японской социологии и социальных наук прямо ставится в литературе. В Японии имеется два основных направления: использование западных теорий, например, марксизма в период после Второй мировой войны, или теорий модернизации как универсальных, и индигенизация – попытке построить социальное знание исходя из японской уникальности. Дж. Ли высказывает неудовлетворенностью обоими подходами: «Аргументы уникальности и генерализации являются двумя сторонами одной и той же теоретической медали. Тщательное и придирчивое описание основных институтов или групп можно осуществить без стремления выяснить их специфичность или универсальность. Универсальная теоретическая модель, по контрасту, просто предлагает место для Японии в ее концептуальной схеме. Но оно очень невелико, и толкает Японию к поискам аналитических инструментов, имеющих смысл для анализа японского общества»¹⁹⁷.

¹⁹⁷ *Lie J. Sociology of Contemporary Japan // Current Sociology. Journal of the International Sociological Association. L. 1996. Vol. 44. № 1.*

Напомним, что успех Японии и Юго-Восточной Азии в целом явился опытом, который не вписывается в модернизационные теории и разрушает представления социальной науки об обществе. Первым указал на это П. Бергер. Являясь специалистом по модернизации, он был крайне удивлен перемещением центра развития в регион, от которого никто не ожидал ничего особенного (большие и, как оказалось, напрасные надежды возлагались на Филиппины, находящиеся под сильным американским влиянием). Опыт Юго-Восточной Азии существенно изменил взгляд на мировые процессы. Это – тот случай, когда локальные воздействия на глобальные трансформации были впервые явно обозначены. Когда-то считалось, что Азия в принципе мало способна модернизироваться. М. Вебер, в частности, видел в ней трудно трансформируемое традиционное общество.

Но то, что произошло в Юго-Восточной Азии, поставило под сомнение этот тезис: «перспектива, имеющая центром Запад, более не адекватна... Согласно этой логике речь идет не о понимании Восточной Азии, но скорее о понимании того, что случилось повсюду (включая Запад) в свете этого азиатского опыта»¹⁹⁸.

Появилась новая трактовка: Юго-Восточная Азия – это «второй случай капиталистической современности» после Запада, открывающий новый путь развития. Такую трактовку предложил, в частности, П. Бергер в предисловии к книге «В поисках Восточно-Азиатской модели развития», вышедшей в США в 1988 г. Основой этого второго случая современности в противоположность Западу является не индивидуализм, а коллективизм. Стабильность семейной жизни, по Бергеру, оказалась здесь соизмерима с трудовой этикой Запада. Семейные ценности создавали ориентированную на достижения трудовую этику Азии. Специфика азиатской современности состоит в значении коллективистской солидарности, высокого престижа образования, меритократических норм и институтов, производящих элиты. Эти черты составили, по мнению Бергера, особенности этого второго случая капиталистической современности и Восточно-Азиатской модели развития, опирающейся на «человеческий капитал»¹⁹⁹.

¹⁹⁸ In Search of an East Asian Development Model / Ed. By P.L. Berger and H.-H.M. Hsiao. New Brunswick, 1988. P. 4.

¹⁹⁹ Ibidem.

Сегодня, однако, кажется, что сравнение Японии и других стран Юго-Восточной Азии с Западом имеет определенные натяжки. Технологическое сходство и наличие ряда демократических институтов соседствует с исключительной культурной специфичностью стран данного региона. Модернизация, которая могла бы привести к «новому случаю современности», в догоняющей Западу теории модернизации была основана на смене культурной идентичности на западную. Здесь такой смены не произошло и достигнута скорее не современность в смысле классической теории модернизации (сходства с Западом), а конкурентоспособность с Западом обществ, которые сочетают технологическое развитие с сохранением традиций и достаточной закрытостью, локальной спецификой. Здесь смешались особенности как традиционного, так и современного обществ. Так, коллективизм и солидарность плохо согласуются с принципом современности – становлением автономного индивида. В послевоенной Японии была предпринята либеральная попытка, направленная на формирование индивидуализма, но она не реализовалась. Может быть это – «неиндивидуалистическая версия капиталистической современности»? – спрашивает Бергер. Уместно было бы сказать, что это – религиозная версия капиталистической современности? Нет, – отвечает американский исследователь, – это новый путь. Мысль Бергера останавливается на том, что происходящее в Восточной Азии является новой моделью модернизации. Используя термин «модель», американский профессор создает некоторую надежду для других применить ее, повторить восточно-азиатский опыт. Возможно ли это? Ответ Бергера: «Я полагаю, что никто не стал бы отрицать, что нечто могло бы быть освоено из опыта общества, отличного от нашего собственного, но вопрос скорее состоит в уяснении того, может ли Восточная Азия обеспечить “модель” для других в смысле согласованной и отчетливой стратегии социального развития»²⁰⁰.

Заметим, что слово «модель» здесь уже употреблено в кавычках, т. е. подвергнуто сомнению. Проблема тесно увязана с ролью культурных факторов в социальном и экономическом развитии, с неустранимостью этих факторов.

²⁰⁰ In Search of an East Asian Development Model. P. 8.

Бергер предлагает очень продуктивную интерпретацию. Он допускает существование двух гипотез – *культурцентристской* и *институционалистской*. Следуя первой, процессы на Тайване, например, можно было бы объяснить тем, что Тайвань населен китайцами, чье отношение к миру определено китайской культурой и китайскими социальными институтами. Это будет объяснение через посредство образа китайской культуры и духа современного китайского капитализма. Институциональная гипотеза, согласно Бергеру, альтернативна. Она объясняет эти успехи результатами экономической политики и практики, не имеющей отношения к тому, что жители Тайваня – китайцы. При культурцентристском подходе опыт Тайваня представляется уникальным, нетранслируемым. При институциональном могут быть предприняты усилия его распространения в арабском мире или в Латинской Америке. Поэтому институциональный подход кажется П. Бергеру более перспективным. Его границы должны быть учтены посредством культурцентристских объяснений.

Однако границы, полагаемые культурой, нередко оказываются более существенными, чем институциональные возможности.

Культурцентристская интерпретация не позволяет говорить о переносе тайваньского образца и даже ставит под вопрос самое представление о модели или образце: «Имеет смысл предположить, что, скажем, арабы и латиноамериканцы могли бы адаптировать фискальную или торговую политику Тайваня; но бессмысленно предполагать, что они могут адаптировать тайваньскую этику»²⁰¹. Какой же выбор из двух гипотез предпочитает П. Бергер? В самом себе он чувствует раздвоенность: идущее от его социологической профессии и влияния М. Вебера тяготение к «культурцентристской интерпретации» и связанное с его моральными и политическими предубеждениями предпочтение «институционального» подхода. В противоположность тому, что думают многие другие, Бергер утверждает, что *наука никогда не дает нам одной определенной возможности*.

Следуя этому методологическому выводу, можно построить две системы объяснения опыта развития вырвавшихся вперед стран Азии, подтвержденного развитием Японии, Сингапура, Малайзии, Китая, Вьетнама, Южной Кореи и других стран

²⁰¹ In Search of an East Asian Development Model. P. 9.

1. В терминах модернизационной теории новые процессы могут быть описаны как новая модель модернизации. В пользу этого говорит стремление стран региона к освоению западного технологического уровня и опережению его, научные разработки, образование, социальные преобразования, вписывающие эти страны в концепт «современности». Против этого свидетельствует сохранение собственной идентичности, использование традиций, противоречащих вхождению в современность.

2. Это особое свойство сохранения идентичности, использование мешавших развитию традиций (коллективности, религиозности) в интересах развития делает более убедительной точку зрения, что рассмотренный процесс выходит за пределы модернизационной теории.

Следует отметить, что это противоречие *институционального и культурного, институционального и ценностного*, и напряженность отношений между этими полюсами сохраняется всегда. Иной формой его выражения является противоречие между политикой и культурой²⁰². В истории модернизации самого Запада решающую роль сыграли культурные сдвиги – Ренессанс, Реформация и Просвещение. Институты сами являлись продуктом новых ценностей. Но, будучи построенными, они стали способствовать воспроизводству ценностей и ограничению возможностей институционализации новых мировоззренческих подходов. Сегодня люди на Западе заметно не удовлетворены господством институтов. Появился новый интерес к базовым ценностям. Т. е. процесс соотношения ценностей и институтов на Западе можно было представить как влияние культуры, ценностей – институционализация – воспроизводство ценностей – интерес к утраченным в ходе модернизации базовым ценностям – возможно, создание новых институтов.

Происшедшее и происходящее в Юго-Восточной Азии соответствует такой перемене отношений между ценностями и институтами, когда старые ценности явились источником институтов современности (называемой мной сегодня третьим модерном). Тип развития, при котором это происходит, называется нами модернизацией, базирующейся на собственных культурных предпосылках или национальной моделью модернизации. Раньше ее видели как

²⁰² Gilbert F. Geschichte. Politic oder Kultur? Rückblick auf einen klassischen Konflikt. Fr.; N.Y., 1990.

постмодернизацию, ибо не было понято, что постмодернизм и следование ему – это кризис второго организованного модерна XX в., который привел к новому витку модернизации на основе культуры.

Национальные модели модернизации дают возможность этим странам миновать некоторые этапы западного развития, особенно болезненные процессы смены идентичности на западную. Этот процесс совпадает вместе с тем с тенденцией перехода Запада к осмыслению собственных культурных предпосылок модернизации в разных странах на постиндустриальной, информационной стадии.

Различия в интерпретации процессов в Юго-Восточной Азии связаны с пониманием того, стали ли сделавшие скачок общества этого региона *современными* или они достигают *неизвестного прежде состояния*.

Современным называли в модернизационной теории индустриальное, западное, капиталистическое общество. Это была конвенция, т. к. в современности, созданной этими странами, живут и традиционные, и примитивные общества. Для опыта Юго-Восточной Азии характерно *сближение антагонистических черт традиционного и современного общества*, их взаимодополнительность, включающая в себя ориентацию на новое, с учетом традиции; использование традиции как предпосылки модернизации; светскую организацию социальной жизни, но значение религии и мифологии в духовной жизни; соединение целе- и ценностной рациональности; интегральный образ времени, включающий прошлое, настоящее и будущее; значение выделенной персональности и, вместе с тем, одобрение и использование имеющихся форм коллективности; сочетание мировоззренческих и инструментальных ценностей; демократический характер власти, но признание авторитетов в политике; эффективную производительность, но и ограничение пределов роста; совмещение психологических характеристик человека традиционного и современного общества; эффективное использование науки при осуществлении традиционных, ценностных легитимаций социального выбора в незападных странах; и, наоборот, внимание рациональной и научной политики западных стран к культурным особенностям своих обществ; сочетание естественной эволюции с ускорением; соединение городских и деревенских форм жизни; наличие гибких и институциональных форм организации общества; сочетание локального и глобального.

Такой список «всего хорошего» мог бы быть сконструирован как мысленная попытка смягчить конфликты модернизации, но она показалась бы утопической, если бы не было реально успешного поиска новых институтов и структур на основе традиции.

Важно отметить, что тенденция такого же рода есть и на Западе²⁰³. Западное общество требует новых социальных технологий, объединяющих принципы организации с коренными чертами народов как на Западе²⁰⁴, так и на Востоке. В этой интерпретации обнаруживается различие культурного и институционального, ценностного и институционального, а также и тенденций видеть мир гомогенным или гетерогенным. При гомогенном подходе центральным является понятие мировой системы, некой целостности, которая может стать предметом социальных наук и теории модернизации. При гетерогенном подходе интересуют культурные различия и более приемлемы культур-центристские теории и методы (понимания, индивидуализации, культурно-исторического подхода)²⁰⁵.

Отвечая на вопрос своего русского собеседника о настоящем и будущем Америки, Э. Тоффлер отмечал большие сдвиги. Исчез порожденный индустриальным периодом развития стандарт «американского образа жизни», выработанный в «плавильном тигле» взаимодействия людей разных рас и национальностей (добавим, в порождаемой индустриализмом массе). Теперь имеются, в отличие от достаточно однородной массы, всевозможные группы со своими интересами – национальные, принадлежащие к разным «кругам» общества, ведущие разный образ жизни. Тоффлер писал: «...тигель по-прежнему работает, но упомянутые групповые особенности не переplавляются в абсолютный стандарт. Все, так сказать, находится в печи, но при этом сохраняет свою особость»²⁰⁶.

²⁰³ См.: *Lipset S.M.* The Third Century. America as a Post-Industrial Society. Stanford, 1979.

²⁰⁴ *Anthropology of Organization* / Ed. by S. Wright. L., 1994.

²⁰⁵ *Global Modernities* / Ed. by M. Featherston, S. Lash, R. Robertson. L.; New Delhi, 1995. P. 4.

²⁰⁶ *Тоффлер О.* Америку ждет раскол или единство с азиатским оттенком // *Муронов В.* Известный футуролог о неизбежности прогресса // Независ. газ. 07.06.1994. С. 5. См.: также: *Porter B.* Can American Democracy Survive? // *Commentary*. 1993. November. P. 37–40; *Huntington S.* If not Civilization, What? *Paradigm of the Post Cold War World* // *Foreign Affairs*. 1993. November/December. Vol. 72. P. 186–194.

Что же ждет Америку в этой ситуации? По мнению Тоффлера, будет происходить раскол на западную и восточную части, либо единство с азиатским оттенком. Восток Америки будет ориентирован на Европу, Запад Америки – на Японию и Тихоокеанский бассейн. Единство же страны может быть сохранено, только если Америка в изрядной мере «азиатизируется». Речь идет о возрастании роли азиатской части населения, о геополитической ориентации на Азию и, наконец, о возрастании «незападных ценностей» в новой Америке. Ведь информация, которая будет играть решающую роль в будущем, не понимается Тоффлером сугубо технологически и включает в себя не только технологические и научные сведения, но и искусство, моральные ценности. Новый образ будущего еще не был ясен. Он определялся, как и прежде, через ведущие конфликты: «...Никакие изменения в обществе не происходят равномерно, они всегда происходят волнообразно. Например, индустриализация подрывает сельское хозяйство – это конфликт первой волны. Развитие промышленности приводит к увеличению загрязнения окружающей среды – это конфликт второй волны. А когда буржуазное мировоззрение вступает в конфликт с феодальными интересами азиатских или других незападных стран – это уже конфликт третьей волны»²⁰⁷.

Следовательно, переход общества на стадию «третьей волны», т. е. в информационную, постиндустриальную, а в наших терминах одновременно в его «азиатизацию», но такую, где азиатский компонент не принимается в чистом виде, ибо главный конфликт – это борьба буржуазных ценностей с феодальными. В ряде концепций было дано эквивалентное описание происходящих на Западе сдвигов к постсовременному обществу²⁰⁸ (постмодернисты), постиндустриальному обществу (Д. Белл, А. Тоффлер, С. Липсет), к информационному обществу (Р. Нейсбит), к обществу риска (У. Бек). В системе наших рассуждений термин «постсовременность» рассматривается как переходный этап от второго организованного модерна к третьему модерну незападных стран, для которых понятия «традиционное» и «современное» связаны посредством модернизации, учитывающей факторы собственной культуры.

²⁰⁷ Тоффлер О. Указ. соч. С. 5.

²⁰⁸ Оказавшемуся на деле кризисом второго организованного модерна или позднего капитализма XX в.

Необходимо различать два смысла перехода к третьему модерну: 1) как *мегатренд* – глобальную, универсальную тенденцию, затрагивающую как Запад, так и незападные страны, уже многие; 2) как характеристику более мягкого (*без разрушения основ*) перехода к *модифицированной современности* – третьему модерну, соединяющему черты традиционных и современных обществ. Сегодня уже нет точки зрения, согласно которой модерн выступает как завершившийся проект.

В значительной степени этот процесс был открыт постмодернизмом. Постмодернизм вернулся к антимодернистской, предмодернистской критике современного общества, сопутствующей западной модернизации. Он соответствовал складывающейся на Западе ситуации – описать растущую неудовлетворенность обществом и требования новой реальности. С помощью критики постмодернизм показал «смерть высокого модернизма», его понимание «как вещи прошлого». Концепция постсовременной культуры, постсовременного общества, постсовременного развития претендовала на то, чтобы подвергнуть критике современность и вернуться к ценностям традиции. В ней отвергались революции и инновации современного общества, отмечался кризис легитимации процесса развития, исчезновение старых источников легитимации. Вместе с тем, постмодернизм в 1970-е ощущал себя как новый модернизм. Он «резонировал» модернизм, обновляя его. Концепция постмодернизма была вызвана не только разочарованием в Западе тех, кто его не догнал, но и разочарованием Запада в себе самом. По мнению Ю. Хабермаса, она была связана с самим представлением о времени, которое никогда не останавливается в своей «современности», которое всегда наполняется определенным (позитивным или негативным) содержанием, связывает прошлое и будущее, традицию и инновацию²⁰⁹. Поэтому он считал и считает современность (модерн) незавершенным проектом. Это подтвердилось концепцией третьего модерна, в которой постмодернизм выступил лишь как кризис второго организованного модерна 1970-х гг.

Н. Лукман более жестко говорит, что постмодернистская эпоха – абсурд, что продолжение современности гарантировано фундаментальными структурами, обеспечивающими непрерывность процесса осовременивания²¹⁰.

²⁰⁹ См.: Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопр. философии. 1991. № 4.

²¹⁰ Lukman N. Soziologische Aufklärung 5. Opladen, 1990. S. 233.

Наблюдается встречное движение в развитии Юго-Восточной Азии и Запада, не просто отрицание западной модели модернизации в Японии с 1950-х гг., но и осознание ее пределов на Западе: «В XX в. глобальная интеграция продемонстрировала Японии предельные возможности для вестернизации, за которые ей нет необходимости выходить, Япония не повторила западный модернизм. Но в то же время и Запад стал остро осознавать дефекты модернизации. И в этом самодиагнозе Запада Япония смогла наконец найти своего духовного двойника», – пишет автор обзора «Модернизм и культурные ценности японского народа», цитируя совместную работу японского и западного авторов²¹¹.

Интересно, что концепция постсовременного общества и ее трактовки как кризисного этапа второго модерна и формирование версии третьего модерна вызревали у тех, кто изучал незападный мир: низшие слои общества на самом Западе, советскую систему и социализм, развивающиеся страны, Восток в его классическом противостоянии Западу, Юг в его современном противостоянии Северу. Экономическая отсталость, политическая незрелость, отсутствие гражданского общества сопровождалась в этих незападных регионах наличием таких форм жизни, которые были утрачены Западом и к которым он начинал стремиться: меньшая степень отчуждения; ценностная рациональность, хотя и при нехватке целерациональности, в противоположность целерациональности Запада; отсутствие засилья худших образцов массовой культуры; солидарность и пр. Незападные страны имели более теплые отношения между людьми в сравнении с культурами Запада, хотя порой и резко переходящие в свою противоположность (озлобление, криминал, бандитизм). При этом Западная Европа как регион тысячелетней культуры содержала в себе национальные особенности и традиции, и высоту культуры. В таких странах, как Греция, Италия влияние массовой культуры является не слишком значительным. Невелико оно и во Франции. Поэтому Западная Европа имеет собственный потенциал воспроизводства некоторых желаемых черт традиционного общества, одновременно с достижениями западной цивилизации в уровне развития, обеспечении прав человека и свобод.

²¹¹ Корнилов М.Н. Постмодернизм и культурные ценности японского народа. М., 1995. С. 14.

Весьма нелегко ответить на вопрос, вызревает ли новая парадигма в умах теоретиков (А. Тоффлера, Дж. Нейсбита, постмодернистов, А. Этциони и др.) и становится основанием легитимации новых социальных процессов (как это уже было в XVI–XVIII вв.) или она объективно складывается в истории и лишь фиксируется ими. Полагаем, что осуществляются оба процесса. Научно-рациональная и этическая легитимации не являются исчерпывающими или доминирующими, но они имеют место. Социальные науки получают интенсивное развитие и применение в связи с появлением новых процессов – вступление в модернизацию незападных стран и их взаимодействие с Западом. *Источником же рациональных философских и научных описаний социальной реальности выступает сама реальность, порождающая новые концепции развития в качестве ответа на угрозы, которые испытывает человечество и которые даже устанавливают предел его возможностям и границы его существования.* Повторим: существует общая экологическая опасность, которая касается отношения человека с природой, изменений его собственной природы и изменений его «второй природы» – культуры, общее повышение риска. Э. Гидденс считает, что риск в обществе в конце XX – начале XXI вв. становится имманентным самому существованию²¹². А. Тоффлер и Х. Тоффлер отмечали, что постиндустриальное общество не избавляется от риска индустриального и добавляет к нему новые риски, в том числе связанные с нелинейным, неравновесным поведением социальных систем²¹³. Разрушение природы как условий своего существования, собственной биологической природы и своей социально-культурной природы – одичание и варварство, исчезновение морали – составляет, очевидно, ту границу, которая делает невозможным дальнейший отказ от традиций и ценностей. Борьба между локковским человеком (человеком «современным») и «средневековым» человеком, т. е. человеком традиционного общества, еще вчера составлявшая пафос модернизации, уже не кажется ныне столь очевидно необходимой как теоретически, так и на уровне феноменологических описаний. Теоретически, т. к. искомым становится синтез этих моделей; эмпирически, т. к. есть

²¹² Гидденс А. Судьба, риск, безопасность // Thesis. 1994.

²¹³ Toffler A., Toffler H. War and Anti-war. Survival at the Dawn of the 21 st Century. L., 1994.

пример Японии и других государств Восточной Азии, где «продемонстрирована примечательная способность приспособления средневековой идеологии к требованиям современности»²¹⁴.

Япония осуществила успешную модернизацию, обогнав европейские страны и Америку не потому, что она следовала какой-то рационально-научной модели, а потому, что сумела использовать традиционные ценности – семьи, труда, коллективизма, японской идентичности, – в своем развитии. В дискуссии по проблемам модернизации японский ученый Т. Юмесао говорит: «Японская модернизация развивалась на базе ее собственных очевидных традиций в ее собственном историческом окружении. Япония не заимствовала европейской модели модернизации и не явилась моделью для других стран»²¹⁵.

Однако самое понятие модели недействительно для такого типа развития. Мы видели, как бился П. Бергер, пытаясь понять эту новую реальность, и в результате показал, что институциональная модель осложняется культурцентристской интерпретацией. Ему оставалось сделать шаг, чтобы сказать об отсутствии модели, проекта, и он его почти сделал.

«Модерн», а в более точном переводе «современность» можно назвать незавершенным проектом (как это сделал Ю. Хабермас) в том смысле, что новое не отрицает современности полностью, стремится к ней, но исправляет ее радикализм, допускает сближение Востока и Запада. Эту позицию поддержал на московском международном симпозиуме «Вызов теории», проходившем под девизом «Восток встречает Запад и наоборот», проф. Ф.С. Шмиттер из Стенфордского университета, доклад которого был посвящен значению корпоративных форм в формировании нового типа демократии. Модернизационный сдвиг к третьему модерну – это движение от авторитета государства к авторитету традиции, от нехватки ценностей к поддержке ценностей, а также уменьшение эффективности и приемлемости бюрократических структур, отрицание Запада как модели и коллапс социалистической альтернативы, уменьшение престижа науки, технологии и рациональности. Последнее вряд ли является общей характеристикой, речь скорее идет о том, что наука перестает быть религией XXI в., а становится важным, но достаточно обычным человеческим деянием.

²¹⁴ Lodge G. The New American Ideology. N.Y., 1989. P. 7.

²¹⁵ Islamic World and Japan. Tokyo, 1978. P. 5.

Мы видим, что вычлененная из постмодернизма доктрина третьего модерна лишена маргинализации и нерациональности. Это – концепция, меняющая представление о соотношении ценностей и институтов в пользу доминирования ценностей и их способности к производству институтов. Данное утверждение является более верным, чем чистая декларация о переходе к постматериальным ценностям. Многие исследователи показывают, что Япония, в которой наилучшим образом реализовалось представление о национальном развитии, по-своему всегда имела постмодернистские черты, например, обладала высоким чувством эстетизма. Япония отличалась многообразием, условными, игровыми формами поведения людей, нежеланием японцев становиться «взрослыми» капиталистами, наподобие капиталистов США и Англии. Им присуща ориентация на доброжелательные, личные, а не абстрактные отношения²¹⁶.

Необходимо отметить, что Япония не смогла вестернизироваться в послевоенный период. И это – результат крепости традиции. Япония тем не менее не прекратила усилий по строительству гражданского общества, не отбросила задач модернизации, хотя не ставила задачи догнать Запад или быть похожей на него. В ней не было идеи развития, основанного на признании себя регионом, маргинальным по отношению к Западу, не предполагалось поддержания внутренней маргинальности, анархии и пр. Была другая опасность – превратить черты японской склонности к постмодернизации, являвшейся для Запада кризисом второго организованного модерна, в проект, т. е. применить подход, ориентированный на использование уникальных возможностей в развитии, в некую навязанную схему.

Во множестве описаний «японского чуда» подчеркивается значимость групповой идентификации японцев, отсутствие индивидуализма (основы модернизации Запада), а также признание им серьезной значимости своей роли в группе.

Имевшая место некоторое время и даже сегодня сохранившая своих проponentов постмодернистская концепция развития, несмотря на очевидные доказательства господства третьего модерна, открывшего незападным странам возможности развития на

²¹⁶ См.: *Корнилов М.Н.* Постмодернизм и культурные ценности японского народа. С. 25–29.

основе собственной идентичности, лишала понятия «постсовременность», «новая современность» теоретического содержания. Обществами третьего модерна, скорее, являются все те наличествующие в настоящее время общества, которые обеспечивают себе стабильность, жизнеспособность и развитие на основе разных подходов. Если, например, люди в стране безынициативны или даже глупы, не имеют трудовых навыков, возможна ли здесь модернизация? Модернизационный ответ на этот вопрос давали многочисленные примеры переделки людей, жестокость модернизационных процессов. С точки зрения постмодернизации совершенно невозможно и ненужно менять этих людей, а можно использовать такие, следующие из их пассивности свойства, как готовность работать за низкую плату, терпение, неспособность бунтовать и т. д. Женщины Юго-Восточной Азии терпеливо плели корзинки, теперь так же терпеливо они паяют диоды и триоды высококачественной бытовой электроники.

В начале века существовало полное и абсолютное представление о том, что западный авангард вырвался вперед и его никто не догонит. Таковы были, например, пророчества Й. Шумпетера – этого Нейсбита первой половины XX в.

Однако экономический успех не характеризует еще изменение образа жизни, социальных отношений. Не имитация, не призыв смотреть на США или Западную Европу стимулировал развитие незападных стран, а создание национальной идеологии, удовлетворяющей притязания противоборствующих социальных сил: почвенников и модернизаторов. В каждой стране есть такие противоборствующие силы. Их объединил взгляд на модернизацию не как радикальную перемену знаков развития и всех ценностей, а как на технику, технические приемы, которые, с одной стороны, позволяют развиваться стране, а с другой стороны, позволяют ей сохранить свойства нации, ее особенности. Без такой идеологии национального согласия невозможно ни развитие, ни модернизация, ни ее современная форма – третий модерн. По мнению Г. Лоджа, отсутствие такой идеологии – центральная проблема Индии. По моему мнению, отсутствие такой общенациональной идеологии, общей цели – также центральная проблема сегодняшней России. Анклавы как следствие имитации чужого опыта часто работают в пользу почвенников. Они ведут к этническому разрыву и заставля-

ют задуматься о сохранении этнической целостности. Идеология согласия в отношении модернизации – развития для выживания, сохранения, приумножения национальных культур (которые без развития страны погибнут, не выживут в мире) создают общенациональную способность осуществить развитие в условиях третьего модерна – нового Нового времени для незападных стран. Были попытки предложить России евразийские модели, которые иногда выглядели как призыв «догнать» уже не Запад, а Японию и Юго-Восточную Азию в целом. Опыт этих стран, несомненно, значим. Однако такой тип развития достаточно нов, и все его варианты вряд ли прогнозируемы, прежде всего, потому, что у него нет предзаданной модели и всякий раз используются особенные уникальные свойства той или иной страны. Поэтому многие японские ученые видели впереди идеал универсальности модернизационных теорий – свободу, гражданское общество.

Таким образом, приводя тут исключительно интересный материал японских авторов, мы хотели бы предупредить против очередных иллюзий и фанатизмов, которые могут возникнуть в российских вариантах развития, пытающихся воспринять опыт Японии и других стран Юго-Восточной Азии. Идеальной модели нет, развитие сегодня осуществляется не на основе моделей, а на основе правильно выбранной политики и менеджмента социальных трансформаций. Они подсказываются многообразными Теориями. Возможны тяжелые последствия потери устойчивого развития для Азии с ее гигантским ростом населения, бедностью, с серьезнейшими проблемами в странах с дефицитом устойчивого развития Южной и Северной Азии. И в Азии «круг избранных», достигших успеха, невелик. Это – для тех, кто, говоря о том, что Россия должна стать «нормальной страной» имеют в виду самые развитые страны Запада и самые развитые страны Востока и забывают об остальном человечестве.

Национальные модели модернизаций в Китае

В случае китайского развития мы обнаружили большой интерес Китая к модернизации Запада и желание проверить свое развитие мерками западного видения.

Сегодня не только незападные страны, но и западные тоже в большей мере ориентированы на свою культурную идентичность, чем прежде. Значимость культуры и отказ от чисто догоняющих моделей модернизации стали главной инновацией XXI в.²¹⁷. Это связано с тем, что завышенные ожидания от глобализации, которые имели люди (не специалисты) в отношении гомогенизации культуры мира, не оправдались. Формирования человеческой общности в глобальном масштабе не исключило локализации обществ, пытающихся сохранить свою культурную специфику или способных ее преодолеть. Ряд незападных стран достигли больших успехов в ходе догоняющей Запад модернизации и изменения своего образа жизни. К ним относятся Япония, Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Турция, Китай и др. Японский опыт практически не имел и не давал новой модели. Отказавшись от неолиберализма, предлагаемого американцами, оккупировавшими Японию после ее поражения во Второй мировой войне, японцы ассоциировали свои национальные традиции с новыми традициям организации производства. Японцы, южные корейцы, сингапурцы, малазийцы пошли по пути национальных модернизаций, казавшихся прежде невозможными²¹⁸. Ли Куан Ю своим проектом изменения Сингапура посредством честного и ответственного правления, осуществил невероятные модернизационные преобразования в этой прежде отсталой стране. Обычно Сингапур критикуется за отсутствие демократии, но, если видеть в демократии не торжество большинства и не победу меньшинства, как это часто бывает, а признание объективных интересов различных социальных групп и нахождение

²¹⁷ Федотова В.Г. Коллаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008. С. 319–552; Федотова В.Г. Модернизация: переосмысливая теорию и практику // Социол. ежегодник. 2010. С. 63–80; Федотова В.Г. Успешные уроки модернизации: как превратить слабость в силу // Полит. наука. 2012. № 2. С. 135–158.

²¹⁸ См.: Федотова В.Г. Возврат к традиции Вызов Азии // Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1998, С. 63–66; Федотова В.Г. Россия и Турция. Концепт «другой» Европы как цивилизационная характеристика // Там же. С. 212–252; Федотова В.Г. Успешные уроки модернизации: как превратить слабость в силу // Развитие и экономика. 2012. № 2. С. 135–158; Федотова В.Г. Теорема Томаса китайской модернизации // Вопр. философии. 2012. № 6. С. 17–22.

компромисса, обеспечивающего достижения их базовой части посредством отказа от остального, то достижение мира трех прежде смертельно враждовавших этнических групп – китайцев, малайцев и индусов в этой стране и есть компромисс демократического порядка, соседствующий в остальном с авторитарностью правления.

Особый интерес представляет и изучение опыта китайской модернизации. В России издан «Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010)²¹⁹ китайского коллектива под руководством профессора Хэ. Теоретическое введение и десять теоретически обоснованных ежегодных докладов характеризуют специфику китайской модернизации как не догоняющей Запад, но заимствующей позитивный опыт Запада и не-Запада, ориентируясь на четко артикулированное понимание национальных интересов. Модель китайской модернизации может быть названа национальной²²⁰. Методология китайских реформ поучила научное обоснование и включает в себя – постепенность и учет национальных условий. Это – правило реформ, отличающее их от революций: согласовывать скорость реформ со способностями людей адаптироваться к ним.

Представляет интерес концепция Л. Ли, который, вопреки принятому рассмотрению модернизации незападных стран как осуществляемой посредством мобилизации масс элитами или вследствие революции, убедительно, как представляется, раскрыл неполитический характер китайской модернизации 1928–38 гг.²²¹. Модернизация началась, по его мнению, не в Пекине – городе старинных нравов, а в Шанхае. Именно здесь была выработана «новая система интеллектуальной категоризации», произошла «рекатегоризация знания» и получены его новые основания. Ответственный редактор книги, суммируя идеи Ли, отмечает следующие черты специфики шанхайской модернизации: наличие городской куль-

²¹⁹ Представляет большой интерес осуществленное издательством «Весь мир» издание книги «Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Под ред. Хэ Чуаньци / Отв. ред. рус. изд. Н.И. Лапин. М., 2011.

²²⁰ См.: Федотова В.Г. Модернизация: переосмысливая теорию и практику // Социол. ежегодник. М., 2010. С. 63–80.

²²¹ Lee Leo On-fan. The Cultural Construction of Modernity in Urban Songhai. Some Preliminary Exploration // Becoming Chinese. Passages to Modernity and Beyond / Ed. by Wen – HSIN Yen. Berkeley; Los Angeles; L, 2000.

туры, способной соответствовать рынку; продолжение китайского прошлого; новые формы материальной культуры: утилитаризм вместо принятой на Западе рациональности науки и технологии; новые формы демаркации пространства, времени, частного и публичного, вызванные коммерциализацией культуры потребления.

По мнению автора введения к названной книге, имплицитным в концепции Ли «является аргумент, что современность (первой половины прошлого века. – *В.Ф.*) осуществляется, скорее, через бизнес, а не посредством политики, через достижение лучшей жизни, а не идеями справедливого общества, через трансформирующую силу частного предпринимательства, чем через коллективные акции. Современность возникла, не порывая с прошлым без мобилизации масс в политические движения (как это было в западных странах при догоняющих Западом модернизациях. – *В.Ф.*), а как сумма повседневных практик обычных людей, занятых бизнесом, изданиями, чтением, рекламой, потреблением и т. д. Современность была материальной трансформацией повседневной жизни для сотен и тысяч людей в большей мере, чем организованная элитами модернизация для хороших целей»²²².

Упомянутые доклады о китайской модернизации подтверждают верность этой традиции – не порывая с прошлым, как в России, и руководствуясь китайской идентичностью, новый виток модернизации осуществлять не на основе политических реформ, а на основе изменений в хозяйственной жизни. На это можно ответить, что частная хозяйственная активность советских граждан была минимальной, по сравнению с Китаем и его традициями. Поэтому попытка применения китайского опыта в России не состоялась.

Француз И. Селеньи называет формирование экономики в Китае «капитализмом снизу» в Восточной Азии. Действительно, хозяйственные навыки китайцев делает из них активных предпринимателей. «Государство играет очень важную роль в создании и в регулировании, и в дирижировании капиталистической экономикой»²²³, если ее можно назвать капиталистической, мото-

²²² Lee Leo On-fan. The Cultural Construction of Modernity in Urban Songhai. Some Preliminary Exploration. P. 7.

²²³ Лекция Ивана Селеньи «Строительство капитализма без капиталистов – три пути перехода от социализма к капитализму». 14.03.2006 // Русские чтения. Вып. 3. Янв.–июнь 2006. С. 98.

ром модернизации является самое население. «Капитализм сверху» – это посткоммунистические страны Восточной Европы и Россия, в которых произошел ускоренный переход к капитализму и закончилось время мобилизаций. Пожалуй, цель государства сегодня – создать образ будущего. У нас была попытка сделать то, что китайцы сделали за двадцать пять лет, и даже быстрее, но без предпосылок хозяйственной активности масс и без образа будущего. На вопрос, что же получится в результате китайской модернизации – социализм или капитализм, наилучший ответ дал Дж. Арриги в своей книге «Адам Смит в Пекине». Он выделяет капиталистический путь развития, который характерен для Запада и некапиталистический рыночный путь развития в Китае. Последний идейно восходит к А. Смиту: этот путь был в Китае в XVII в., и он же реализуется здесь сегодня. Как утверждает Арриги: «...если Китай не построит капитализм, это не будет означать, что он построил социализм. Если же он не построит социализм, это не будет означать, что он построил капитализм»²²⁴. Не исключено, что именно здесь произойдет рекатегоризация привычных понятий, о которой упоминает Ли, и термин «капитализм» исчезнет, как и гораздо ранее предложенный термин «социализм».

Следуя за западными концепциями индустриального и постиндустриального общества китайский специалист по модернизации Хэ Чуаньци, относящийся к ней как к научному заданию и издавший книгу на Западе²²⁵, выделяет первичную и вторичную модернизации. Он ввел также стадию интегральной модернизации, которая координирует задачи первичной и вторичной модернизации. Подобно броделевскому «Средиземноморью», «река Янцзы» в рассматриваемых докладах выступает символом китайской идентичности и Китайской цивилизации, ее главной артерией, а успехи модернизации ориентированы на ее символический образ. В докладах экономическая модернизация не занимает первого места, несмотря на лидирующие позиции Китая в экономике. Уделяется, особенно в последнем докладе, исключительное внимание социальному, культурному, человеческому, символическому потенциалу.

²²⁴ Арриги Дж. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI в. М., 2009.

²²⁵ He Chuanqi. Modernization Science. The Principles and Methods of National Advancement. Dordrecht; L.; N.Y., 2012.

Если уже в модернизации первой половины XX в. культура Китая, в том числе и ее способность открыться другим культурам, рассматривалась как важнейший фактор модернизации, что заметно и сегодня, то мы только после неудач реформ 1990-х согласились со значением культуры, которое упорно отвергалось в ходе российских реформ.

Чрезвычайно интересным является тот факт, что китайцы, обращаясь к западной научной литературе по модернизации видимо не вполне уверены в том, что они ее понимают адекватно. К этому выводу я пришла, обнаружив, что в 1996 г. Дж. Нейсбит, издавший свою знаменитую книгу «Мегатренды» (1982)²²⁶, получил предложения от председателя КНР Цзян Цзэминя рассказать о своем видении Китая. К этому времени в Китае было продано 20 млн экземпляров книги «Мегатренды», и Нейсбит здесь был очень популярен. Это свидетельствует о том, что китайцы хотели посмотреть на предложенные ученым пути мирового развития и увидеть перспективы и для своего будущего. В тот момент Нейсбит не принял предложения из-за занятости и недостаточной осведомленности в делах Китая, но десять лет спустя он снова получил предложение написать о китайских мегатрендах. Была поставлена задача рассмотреть мегатренды Китая, отстранившись от западных представлений и дав трактовку, совпадающую с видением китайцев. Этот удивительный эксперимент воплотился в книгу Дж. Нейсбита и его жены Д. Нейсбит «Китайские мегатренды»²²⁷, показывая различие языков культуры при наличии некоторого внутреннего сходства ряда процессов. Было выделено восемь столпов китайских реформ. При этом сравнение Запада и Китая, приводят

²²⁶ Наибольший интерес представляет прогноз Дж. Нейсбита. Это – самый потрясающий прогноз как по форме, так и по содержанию. Он относится к миру в целом, но особенно касается Запада, где зарождаются новые тренды и проникают в незападные общества. Это – десять позиций, обозначающих доминирующие тенденции и их альтернативы: индустриальное общество – информационное общество; развитые технологии – высокие технологии с уравновешивающимся человеческим ответом; национальная экономика – мировая экономика; кратковременность – долговременность; централизация – децентрализация; институциональная помощь – самопомощь; представительная демократия – демократия участия; иерархия – сеть, или/или – многообразный выбор. Эти прогнозы полностью оправдались. *Naisbitt J. Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives. N.Y., 1982.*

²²⁷ *Нейсбит Дж., Нейсбит Д. Китайские мегатренды. М., 2012.*

супругов Нейсбит к метафоре: «Запад – общество лекций, а Китай – общество обучения»²²⁸. Эта метафора понятна: Запад учит, а Китай учится.

Удалось обозначить тенденции китайского развития, которые супруги Нейсбит выразили вполне по-китайски. Изложенные супругами Нейсбит тенденции на языке китайских метафор включают:

Первый столп. Освобождение разума, включающее: хорошую идею во-время; у свободы много лиц; освобождение инициативы («отцепи и отпусти»); освобождение требует времени (сразу это сделать невозможно); возрождение гена китайского предпринимательства; новое поколение в старых структурах, срезание лишних веток (вмешательство государства); развитие банковской системы; умная стратегия (приглашение глобальных игроков распорядиться неработающими активами); слияния и приобретения (роль менеджмента); от мясного скота к дойным коровам (существующий в стране голод по экономическому процветанию); легитимация посредством достижений; кто решает? (Запад воспринимает свои ценности как самоочевидные и универсалистские. Китай и другие культуры ищут правильное для себя); непонимание Западом причин консолидации китайского государства (отношения к прошлому как имеющему положительное и отрицательное, усвоение положительного); умение искать новые пути и идти по ним; более человеческая политика: формирование подлинного Китая («Подлинность означает, что наши действия не подвержены внешним влияниям; скорее, они проистекают из нашего собственного взгляда»²²⁹); чудесные метаморфозы (концентрация на экономике и переход к тому, чтобы формировать целое из казалось бы несовместимых частей); более человеческая политика; эмансипация разума («пусть бабочка летит»: пусть улетают прежние идеологии: «Подлинный шаг к полной политической эмансипации – позволить бабочке взлететь и назвать бабочку бабочкой»)²³⁰. И плюс еще семь столпов, детально расписанных многообразием своих целей и смыслов.

Дж. и Д. Нейсбит рассуждают о том, что такое свобода для американца и для китайца. Для американца – это собственная возможность решить, как жить, не обращая внимания на других. Для

²²⁸ Нейсбит Дж., Нейсбит Д. Китайские мегатренды. С. 22.

²²⁹ Там же. С. 56.

²³⁰ Там же. С. 61.

китайца это – общественный порядок и гармония. Это ключевые понятия Конфуция. «Когда люди Запада размышляют о свободном демократическом обществе, они представляют себе горизонтальную структуру, в которой индивиды обладают равными правами и периодически выбирают национальных лидеров... Что если демократия окажется вертикальной, а не горизонтальной?.. В данном случае политику определяет не соперничество политических партий или государственных деятелей, а согласие “сверху вниз” и “снизу вверх”»²³¹. Это позволяет авторам сделать вывод о вертикальной демократии Китая и о том, что она взрослеет. Растут голоса и инициативы снизу.

Описывая методологию своего исследования китайских мегатрендов, Дж. Нейсбит и Д. Нейсбит пишут, как, собрав команду китайских исследователей, включавшую двадцать восемь студентов и аспирантов из двух китайских университетов, китайских ученых и предпринимателей, они задали им, казалось бы, парадигму получения знания западным образом: «Во-первых, самое важное, надо фиксировать только факты, реальные события – никаких планов, никаких деклараций. Во-вторых, нельзя руководствоваться заранее составленными шаблонами: любая структура определенным образом ориентирует исследование, а значит, мы рискуем пропустить то, что надеялись отыскать, – то, чего не знаем, то, что нас поразит. Этот подход с трудом укладывался в типичное китайское мировоззрение. Наконец, третья задача состояла в том, чтобы собрать и перевести статьи из китайских СМИ, создав, таким образом базу данных... Мы странствовали в поисках китайских мегатрендов. Мы понимали, что наблюдаем страну, претерпевшую колоссальные изменения, причем каждый регион и каждый город осуществляет этот переход по-своему и в собственном темпе. Мы искали факты, которые могли бы послужить такими инвариантами единичных событий, то есть те, которые формируют картину нового Китая, как это было в США в 1982 г., когда я писал “Мегатренды”»²³².

Мы видим, что наука здесь избегает крайностей академической и постакадемической науки потому, что она перестраивает жизнь, совмещая свои позиции с внеакадемическим и неакадемическим знанием.

²³¹ *Нейсбит Дж., Нейсбит Д.* Китайские мегатренды. С. 64–65.

²³² Там же. С. 10–11.

Заключение

Меня могут упрекнуть в том, что я в последнем разделе книги далеко отошла от академической и постакадемической науки. Этот отход сделан намеренно, чтобы показать, что, в отличие от немцев 1980-х гг., и от нас сегодняшних, ни японцы, ни китайцы не мыслят в тех терминах о знании, которые сложились у нас и предстали как социальная проблема, затрагивающая общество в целом. Применение науки у них тесно связано и ограничено их практическим опытом, не ломавшимся в течение веков и тысячелетий. Россия – тоже страна тысячелетней культуры, но она проходила догоняющие Запад модернизации. И ее отличие от Японии и Китая – постоянные революции повседневности, ориентации на науку, вошедшие в исторический код двух последних веков, ломка которых происходит исходя из обыденного представления управленцев о том, как добиться новых и лучших результатов. Не только ученые, но общество в целом сознает это как проблему, к которой надо обратиться с большей компетентностью и с большим пониманием культурных особенностей России. Своей книгой я хотела показать зависимость включения науки в социальные проекты и проекты модернизации в разных странах как различающиеся типом культуры и меняющиеся способы отношения науки с обществом. Здесь я разделяю идеи Л.А. Марковой об изменении науки и ее многих вариациях. Меняющиеся социокультурные и методологические основания науки должны стать частью понимания способов ее реформирования в разных странах.

Многообразие форм научного знания, а также наличие связанного с ним вненаучного и ненаучного знаний сегодня становится общепризнанным. Принято и существование натуралистических и культур-центристских исследовательских программ. Но связь между ними является источником напряжений, которые особенно велики в области соотношения академической (саморазвивающейся) и постакадемической (управляемой) науки. Социальная система науки настолько значима, что наука в обществе становится источником социальных проблем, т.е. проблем, которые затрагивают самое общество, ощущаются людьми, причем не только учеными. Эта проблема прорастает общество через ВУЗы, школы, управляющие воздействия, выдвигаемые задачи и пр. Как отмеча-

ет группа исследователей из США, «общественные науки должны прояснять, каковы обстоятельства и каковы возникающие возможности, особенно тогда, когда возможности быстро появляются и быстро исчезают»²³³. Эти авторы критикуют слепые пятна в массовом обществе, игнорируемые политикой и социальной наукой. Среди них они выделяют как апологию рыночной экономики, так и ее государственное регулирование. В книге, с которой ознакомился читатель, рассмотрены слепые пятна антагонизма академической и постакадемической науки, научного и вненаучного знания, специализированного и публичного знания, которые в нашей стране привели к серьезной социальной проблеме.

²³³ Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М., Дердугьян Г., Калхун К. Вернемся к реальности: Коллективная заключительная глава // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015. С. 311.

Summary

The study employs the classification of sciences that unites scientific natures and methodologies (classical, non-classical and post-non-classical) and methods to manage it (self-organization and managing through predetermined goals). The latter is exemplified by the sociology school of Germany's science of the 1980s known as the Starnberg group that failed suggesting the completeness of fundamental knowledge. The group members idealized the problems that are described as academic and postacademic science. To consider them the author resorts to the concept of "social problem" originally introduced by R. Fuller, R. Myers (1941) and later by G. Blumer (1971). These researchers proved that identifying a social problem as objective conditions should be considered as counter-productive since it is caused by both given objective conditions and people's perceiving these conditions as a problem. The authors of the concept of social problems criticized the sociologists that detect social problems prior to problems being acknowledged by the society. The study illustrates that the forming of social system of science considered by L.A. Markova favors perceiving science as a social problem. Referring to the given interpretation of a social problem the author addresses earlier discussions regarding the relation between self-developing – controlled science of the Federal Republic of Germany and those of modern Russia. Social reforming of science as an institute and changing the method of its management are regarded in Russia as the ways to increase the efficiency of science. These reforms of science and educational system in Russia affect the society as a whole and cause a social problem. The monograph proves that making of the situation of science functioning a social problem feeds emerging forms of public (non-academic) knowledge and functioning of scientific knowledge in public. Non-Western countries' modernization leads to a social problem of science development and its management emerging in most of them. It touches upon the problems of scientific languages and cognitive tools, interaction between knowledge's paradigms, Western and non-Western approaches to a social problem of science development, education and culture. The social problem of academic-postacademic science is a burning issue in Russia, which is not the case for the Asian countries where the national image of their future employs single important concepts based on acknowledging the significance of daily impressions. The monograph places high emphasis on public non-academic social knowledge as well as the role of science in various practices.

The study is concluded by analyzing knowledge complexes that constituted a ground for modernization in Japan and China. There is not a problem of academic and post-academic science in these and other Asian countries. Science reference in these countries proves that unlike the Germans in the

1970s or the modern Russians neither the Japanese nor the Chinese think about scientific knowledge within the terms that developed in Russia and appeared as a social problem affecting the society as a whole.

In these countries science has not developed into a social institute. Science employment in these societies is closely connected to and limited by their field experience that has stood firm for centuries and millennia. Russia is also a country with millennial culture, but it has gone through the catch-up-with-the-West-based modernizations. What distinguishes Russia from Japan and China is constant day-to-day revolutions and science orientation that became a part of the historical code of the last two centuries. However, these conceptions in Russia are being transformed to a large extent on grounds of managers having ordinary vision of reaching new and better results.

Not only scientists, but the society as a whole considers it as a problem that should be addressed with greater awareness and better understanding of Russia's cultural singularity.

The author of the monograph seeks to illustrate the dependence of science being built into social and modernization projects on divergent types of culture and differing relations between science and society in various countries.

The changing social-cultural and methodological bases of science are to become crucial elements while understanding the ways of its reformation in different countries.

Научное издание

Федотова Валентина Гавриловна

**Соотношение академической и постакадемической науки
как социальная проблема**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректурa автора

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 22.10.15.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 13,00. Уч.-изд. л. 10,52. Тираж 500 экз. Заказ № 22.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>

Вышли в свет

1. **Бычков, В.В.** Символическая эстетика Дионисия Ареопагита [Текст] / В.В. Бычков ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 143 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0284-3.

Монография посвящена изучению эстетических представлений крупнейшего анонимного мыслителя ранней Византии (рубеж V–VI вв.), оказавшего сильнейшее влияние на средневековое богословие и эстетику греко-православного мира (включая Древнюю Русь) и Западной Европы. В работе путем анализа взглядов самого Ареопагита, его основных предшественников и ближайших комментаторов выявляется достаточно целостная эстетическая система, основывающаяся на принципах отыскания иерархических, богослужебных, символических посредников между земным миром и трансцендентным Богом. В центре ее стоят понятия красоты, света, благоухания, образа, символа, неподобного подобия, внерационального знания и др. Монографическое исследование на эту тему предпринимается впервые в мировой науке.

2. **Взаимосвязь фундаментальной науки и технологии как объект философии науки** [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Редкол.: Е.А. Мамчур (отв. ред.). – М. : ИФ РАН, 2014. – 227 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0260-7.

Анализируется проблема взаимоотношения фундаментальной науки и технологии. Акцент делается на эпистемологических аспектах проблемы: роли фундаментальных теорий в получении технологических инноваций; механизмах включения теоретического знания в процесс получения новых технологических достижений; различиях между фундаментальным и прикладным знанием; статусе понятия технауки; соотношении истины и пользы.

Особое внимание уделяется социальным и этическим аспектам взаимоотношения науки и технологии, а также вопросам, традиционно относящимся к сфере философии техники.

Книга адресована тем, кто интересуется вопросами философии науки и техники на современном этапе их развития.

3. **Джохадзе, И.Д.** Аналитический прагматизм Роберта Брэндома [Текст] / И.Д. Джохадзе ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 132 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 99–125. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0282-9.

Книга посвящена исследованию философского творчества известного американского мыслителя, представителя питтсбургской школы неогегельянства Р. Брэндома. В центре внимания автора – прагматистский подход Брэндома к решению эпистемологических проблем и его «анафорическая теория истины», представляющая разновидность дефляционизма. Раскрывается содержание основных понятий аналитического прагматизма Брэндома: «дискурсивное обязательство», «нормативные статусы», «семантический холизм», «инференциализм». Прилагается перевод статьи Брэндома «Рассуждение и репрезентация» и полная библиография его сочинений с 1976 по 2014 г.

4. **История философии. Том 20 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Гл. ред. И.И. Блауберг. – М. : ИФ РАН, 2015. – 303 с. ; 20 см. – Рез.: англ. – 1 000 экз. – ISSN 2074-5869.**

«Герои» данного выпуска журнала, посвященного истории западноевропейской философии, – Джон Локк и Никола Кондорсе, Поль Жане и Джузеппе Мадзини, Эдмунд Гуссерль и Эмилио Бетти. Читатель сможет также познакомиться с позицией представителей прагматизма по вопросу о войне, с новыми подходами в психоанализе, с современными тенденциями в феноменологии. В номере помещены материалы Круглого стола «Современное значение идей Александра Койре», приуроченного к 50-летию со дня смерти французского мыслителя, историка философии, религии и науки.

5. **Кудаев, А.Е. Трагедия творчества в эстетике Николая Бердяева [Текст] / А.Е. Кудаев ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2014. – 255 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 228–254. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0268-3.**

В монографии анализируется одна из ключевых проблем наследия Бердяева – концепция трагедии творчества. В работе впервые раскрывается роль и концептуальное значение феномена трагического в философско-эстетической мысли Бердяева. Показывается неизбежность выхода философа на проблему трагедии творчества, его причины и определяющая структурно-смысловая роль данной проблемы во всем его наследии. Рассматривается определяющее влияние бердяевской концепции трагедии творчества на осмысление философом таких основных эстетических категорий, как красота, совершенство, а также на его понимание искусства.

Для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей вузов, а также широкой аудитории, интересующейся историей русской культуры.

6. **Малевич, Т.В. Теории мистического опыта: историография и перспективы [Текст] / Т.В. Малевич; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2014. – 175 с.; 20 см. – Библиогр.: с. 154–174. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0261-4.**

Исследования мистического опыта занимают одно из основных мест в современном западном религиозоведении, провоцируя острую дискуссию о сущности мистических переживаний, возможности их концептуализации и правомерности оперирования категорией «мистический опыт» в научном дискурсе. В монографии проводится обзор концепций мистического опыта, выявляется их эвристический потенциал и демонстрируется динамика развития в XX–XXI вв.: от раннего эссенциализма (У.Стейс и др.) и конструктивизма (С.Кац, Дж.Хик и др.) до психологического перенниализма (Р.Форман и др.) и альтернативных когнитивных подходов (Р.Стадстил, Э.Тэйвз).

7. **Методология науки и дискурс-анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. А.П. Огурцов. – М. : ИФ РАН, 2014. – 285 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0256-0.**

Исследуются концепции и формы дискурса в истории мысли. Прослеживается основная линия в дискурс-анализе – дивергенция в трактовке дискурса. Альтернативной тенденцией является поиск единых эпистемологических

оснований дискурс-анализа – текст, идеология, коммуникация, синергия. Показана неадекватность сужения поля исследований, его ограничения гуманитарным знанием и приложением методов лингвистического анализа текстов. С привлечением отечественной и зарубежной литературы сопоставляются методы герменевтики и дискурс-анализа, рассматриваются жанровые особенности философии, место логики в философии, важность предметного содержания для исследований дискурса, ценностные ориентиры ряда речей в судах. Для историков философии и науки, филологов и всех интересующихся методами анализа рассуждений.

8. **Михайлов, И.Ф. Человек, сознание, сети [Текст] / И.Ф. Михайлов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 196 с. : ил. ; 20 см. – Библиогр.: с. 186–195. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0283-6.**

В книге рассматриваются вопросы философского понимания человека как существа мыслящего и свободно поступающего, проблемы искусственного интеллекта, коммуникации и социальных сетей. Автор также уделяет внимание философии сознания и теории сетевого общества. Книга содержит интересный фактический материал, в том числе из истории и теории сетевых сообществ. Все эти сюжеты выстраиваются в целостную картину на основе оригинальной авторской концепции, имеющей ярко выраженный дискуссионный характер.

Книга будет интересна специалистам по философской антропологии, философии сознания, искусственному интеллекту и когнитивной социологии, а также студентам и аспирантам философских и социологических факультетов.

9. **Научно-техническое развитие и прикладная этика [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: В.Г. Горохов, В.М. Розин. – М.: ИФ РАН, 2014. – 303 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0277-5.**

Сборник посвящен междисциплинарным проблемам научно-технического развития, в ряду которых важное место занимают проблемы прикладной этики. Философия техники – установившееся название одного из направлений современной философии. Все виды современной техники имеют как положительные, так и отрицательные для общества последствия и несут в себе технологические, экологические и социальные риски. Техногенные катастрофы, связаны они с природными катастрофами или отказами техники из-за их неправильного использования или же неверного конструирования, всегда становятся социальными катастрофами, а значит должны «регулироваться» обществом. Технологические риски осознаются сегодня как социальные и поэтому их открытое, в том числе и философское обсуждение представляется нам весьма актуальным. Дискуссия за круглым столом, опубликованная в этом сборнике, посвящена обсуждению технических рисков как социальной проблемы.